

МАРИША ПЕССЛ

Одна из десяти
лучших книг года
по версии
New York Times
Book Review

НЕКОТОРЫЕ

ВОПРОСЫ

ТЕОРИИ

КАТАСТРОФ

Впервые на русском!

Большой роман

Мариша Пессл

**Некоторые вопросы
теории катастроф**

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пессл М.

Некоторые вопросы теории катастроф / М. Пессл — «Азбука-Аттикус», 2006 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-12347-2

Дебютный роман от автора «Ночного кино» – пожалуй, одного из самых удивительных бестселлеров последних лет. Но прогремела на весь мир Мариша Пессл еще с первым своим романом, отправив несколько глав литературному агенту своего кумира Джонатана Франзена и присовокупив следующее описание: «Эта книга не будет похожа ни на что, что вы читали в этом году: забавная, энциклопедическая и безумно амбициозная история о любви и потере, молодости и старении, ужасе и предательстве». Далее – договор с издательством, предложившим беспрецедентно высокий для молодого начинающего автора аванс, первые строчки в списках бестселлеров, перевод на множество языков. Итак, познакомьтесь с новой героиней нашего времени – Синь Ван Меер. Она нечеловечески эрудированна в области литературы, философии и науки, может наизусть продекламировать число «пи» до шестидесяти пятого знака после запятой и объехала с отцом-профессором (по совместительству – записным сердцеedom) огромное количество городов по всей стране – но в шестнадцать лет жизнь ее необратимо изменится вследствие неких драматических событий... Впервые на русском.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12347-2

© Пессл М., 2006

© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Введение	9
Часть первая	15
Глава 1. «Отелло», Вильям Шекспир	15
Глава 2. «Портрет художника в юности», Джеймс Джойс	21
Глава 3. «Грозовой перевал», Эмили Бронте	32
Глава 4. «Дом о семи фронтонах», Натаниэль Готорн	39
Глава 5. «Женщина в белом», Уилки Коллинз	47
Глава 6. «О дивный новый мир», Олдос Хаксли	53
Глава 7. «Опасные связи», Пьер Шодерло де Лакло	63
Глава 8. «Мадам Бовари», Гюстав Флобер	71
Глава 9. «Пигмалион», Джордж Бернард Шоу	92
Глава 10. «Загадочное происшествие в Стайлзе», Агата Кристи	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Мариша Пессл

Некоторые вопросы теории катастроф

Marisha Pessl

SPECIAL TOPICS IN CALAMITY PHYSICS

Copyright © 2006 by Marisha Pessl

All rights reserved

© М. Лахути, перевод, примечания, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Под пышной шапкой пены в этом дебютном романе скрывается темный и очень крепкий напиток.

Джонатан Франзен

Оторваться невозможно; читаешь всю ночь напролет, а утром чувствуешь себя, как будто оказался в компании, где все вокруг слишком хороши – куда тебе до них, а познакомиться все равно отчаянно хочется. Я в восторге от этой книги.

Одри Ниффенеггер

Этот дивный роман мог написать Владимир Набоков, если бы задумал создать Холдена Колфилда в женском образе.

The Dallas Morning News

Блистающее, ураганное, многогранное чудо. Сюжет держит и не отпускает, а развязка подобна комнате, полной зеркал. Голос рассказчицы искрится неукротимым остроумием и бьющей через край экспрессией. Читать обязательно!

The New York Times

Эксцентричная и остроумная книга, отчасти – роман взросления, отчасти – «дорожная повесть», отчасти – своего рода обзор классической литературы, приправленный щепоткой детектива и романтической комедии.

Vogue

Обворожительно смешная и веселая книга... Как только дочитаешь до конца, сразу хочется еще.

New York Times Book Review

Двадцативосьмилетняя Мариша Пессл – ни в коем случае не кроткая миниатюристка. Она самозабвенно резвится и плещется в волнах английского языка... Несомненно, Мариша Пессл талантлива. Ее объемистая первая книга

уверенно заняла свое место в списке бестселлеров благодаря остроумию автора, ее неистощимой фантазии и беспощадной наблюдательности.

The Philadelphia Enquirer

Этот эклектично-интеллектуальный роман с детективным уклоном напоминает творчество Донны Тартт, внезапно обратившейся к постмодернизму. Умная, тонкая и едкая книга доставит массу удовольствия литературным ценителям.

Kirkus Review

Этот блестящий дебют, несомненно, войдет в число тех редких книг, что становятся классикой сразу после публикации.

The Sunday Telegraph

Смешной, умный и невероятно трогательный роман.

Scotland on Sunday

Финал книги берет за душу... Стиль почти нестерпимо оригинальный. Строчки взмывают ввысь, словно лосось, плывущий против течения.

The Boston Globe

Неожиданно чарующий триллер... Потрясающе органичный стиль и блистательная разгадка тайны.

The Village Voice

Удивительно искренняя, ироничная и мелодраматичная книга... и захватывающая тайна в центре повествования. Мариша Пессл искусно сочетает школьные выходки с увлекательным криминальным сюжетом. Невозможно оторваться, так и глотаешь страницу за страницей.

L.A. Weekly

Эскапистская буффонада, насыщенная аллюзиями из области литературы и поп-культуры, лукавыми эпиграммами, эротической интригой, убийствами и безудержной изобретательностью рассказчицы.

Entertainment Weekly

Нечасто дебютный роман производит настолько сильное впечатление... Блистательный стиль Мариши Пессл в сочетании с невероятными поворотами сюжета не позволяют оторваться от чтения. Великолепный автор!

The Independent on Sunday

Талант Мариши Пессл не вызывает сомнений. Этот яркий дебют наверняка станет началом долгой и успешной писательской карьеры.

Bookpage

...очень стильный дебют... умная книга, одновременно веселая и мрачная... история убийства с потрясающе неожиданным финалом.

Bookseller

Великолепно... загадочное убийство в основе настолько хитроумного сюжета, что читатель, едва дойдя до разгадки, наверняка захочет перечитать

книгу еще раз, чтобы заново оценить разбросанные там и сям авторские подсказки.

Publishers Weekly

Более пятисот страниц остроумных аллюзий из области литературы и поп-культуры, с иллюстрациями автора. Этот блистательный дебют ни в коем случае нельзя оставить без внимания.

People

Невероятно оригинально, смешно и увлекательно... Этот блестящий дебютный роман убедительно доказывает, что его создательница достойна занять место наравне с самыми известными писателями современности.

Cleveland Plain Dealer

Звезды явно благоприятствуют начинающему автору.

Time.com

Ряды литературных вундеркиндов пополнила Мариша Пессл со своим безумным, шутовским, суперинтеллектуальным остросюжетным дебютным романом... Здесь вы найдете отголоски Сэлинджера, провокационный нуар Патриции Хайсмит, сдержанную манерность Набокова и магические хитросплетения Пинчона... Что касается самой Мариши Пессл – вы о ней еще услышите.

Daily Candy

История Мариши Пессл – не совсем типичная для американской литературы история Золушки. Выпускница колледжа по специальности «английская литература», Пессл два года работала финансовым консультантом в компании *Pricewaterhouse Coopers*, а потом бросила работу и села писать роман. Начала она его в 2001 году, а закончила в 2004-м и долго искала, где бы его опубликовать. В частности, послала письмо агенту своего кумира Джонатана Франзена Сьюзен Голомб, приложив первые главы романа и охарактеризовав его следующим образом: «Эта книга не будет похожа ни на что, что вы читали в этом году: забавная, энциклопедическая и безумно амбициозная история о любви и потере, молодости и старении, ужасе и предательстве». Что-то в этом описании зацепило агента, и она потребовала прислать ей заключительные главы, а затем оперативно продала роман издательству *Viking*. Книга 28-летней писательницы вызвала дикий ажиотаж, через месяц издательство уже допечатывало роман в пятый раз, он твердо держался где-то в середине списка бестселлеров, а когда оказалось, что автор – кареглазая красавица с локонами, то уже ни одно издание не отказалось от того, чтобы написать свою пару строк о Марише Пессл. Издательство даже стало использовать ее внешность как козырь, поместив портрет писательницы на обложку книги и существенно повысив этим продажи.

Коммерсант

Посвящается Эни и Нику

Введение

Папа всегда говорил: человеку нужна очень веская причина, чтобы написать историю своей жизни, да еще и ожидать, что ее прочтут.

«Разве что тебя зовут, допустим, Моцарт, Матисс, Черчилль, Че Гевара или Бонд – Джеймс Бонд, – а иначе лучше не трать время даром. Если заняться нечем, лепи куличики из песка или играй в тихие настольные игры, потому что никто, кроме умиленно взвизгивающей на тебя располневшей матушки, не заинтересуется подробностями твоего никчемного существования, которое, несомненно, закончится так же, как и началось, – придушенным писком».

При таких строго заданных условиях я всегда считала, что у меня веская причина появится хорошо если годам к семидесяти, вместе со старческой пигментацией, ревматизмом, блестящим остроумием и виллой в Авиньоне (где я смогу перепробовать 365 различных сыров). Еще у меня будет любовник, лет на двадцать младше, работающий в полях (не знаю в каких – главное, что в кудрявых и золотистых), и – если повезет – небольшая, но заслуженная слава в науке или философии. А вот поди ж ты: решение – да нет, необходимость сесть за стол и написать о своем детстве, а точнее, о том, как оно за один год расплозлось по швам, словно старый свитер, обрушилась на меня значительно раньше, чем я предполагала.

Началось все с банальной бессонницы. Почти год прошел с тех пор, как я обнаружила мертвое тело Ханны. Думала, уже сумела стереть все следы той ночи в своем сознании – примерно как Генри Хиггинс упорными изнурительными тренировками истребил у Элизы Дулитл простонародный акцент.¹

Я ошибалась.

Конец января – а я снова просыпаюсь посреди ночи. В общаге тихо, на потолке по углам притаились колючие тени. У меня нет никого и ничего, только стопка толстых самодовольных учебников вроде «Введения в астрофизику» и грустный черно-белый Джеймс Дин² молча смотрит на меня, приклеенный к двери скотчем. А я смотрю на него сквозь кляксы темноты и вижу в мельчайших подробностях мертвую Ханну Шнайдер.

Она висела в метре над землей, на ярко-оранжевом проводе. Язык вывалился изо рта – распухший, вишневого оттенка посудной мочалки. Глаза, похожие на два желудя, или две потускневшие монетки, или черные пуговицы от пальто, какие дети прилепляют на лицо снеговика, ничего не видели. А может, видели все – в том-то и ужас. Дж. Б. Тауэр написал, что в предсмертный миг человек «видит сразу все, что только существовало на свете» (непонятно, правда, откуда он это знал, ведь его «Бренность» написана в расцвете лет). А ее шнурки для ботинок... Про шнурки можно бы написать целый трактат. Они были карминно-красные и завязаны идеально симметрично, двойным узлом.

И все-таки я как неисправимая оптимистка (папа говорил: «Ван Мееры по природе своей идеалисты и приверженцы конструктивного свободомыслия») упрямо надеялась, что бессонница – явление преходящее, как увлечение «камушками-лапушками»³ или мода на

¹ ...как Генри Хиггинс упорными изнурительными тренировками истребил у Элизы Дулитл простонародный акцент. – Генри Хиггинс, Элиза Дулитл – персонажи пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» (1913), а также известного мюзикла Ф. Лоу и А. Лернера «Моя прекрасная леди» по этой пьесе. По пьесе и мюзиклу в 1964 г. был снят фильм «Моя прекрасная леди» (*My Fair Lady*) с участием Одри Хепбёрн и Рекса Харрисона, режиссер Джордж Кьюкор. Фильм получил восемь «Оскаров».

² Джеймс Дин – Джеймс Байрон Дин (1931–1955) – американский актер, символ душевных терзаний и отчужденности среди молодежи. Особенно ярко эти настроения выражены в его самом известном фильме, «Бунтарь без причины» (*Rebel Without a Cause*, 1955). Трагическая смерть, легенды и мифы вокруг его жизни придали ему культовый статус. Посмертно стал лауреатом премии «Золотой глобус» (1956). Дважды номинировался на «Оскар» (1956, 1957), оба раза посмертно.

³ «Камушек-лапушка» (*Pet Rock*) – гениальное изобретение маркетолога Гэри Даля из Лос-Гатоса, Калифорния (1975). Даль начал продавать камни как домашних животных (в комплекте с домиком, инструкцией по уходу и т. п.) и, хотя мода на них продержалась всего полгода, успел стать миллионером.

юбки-«солнце». И вот как-то вечером, уже в начале февраля, сижу я, читаю «Энеиду», и вдруг Су-джин, моя соседка по комнате, заявляет, не отрываясь от учебника по неорганической химии, что компания первокурсников с нашего этажа собирается завалиться в гости к преподу по философии, а меня не пригласили, потому что я, мол, «какая-то смурная».

– Особенно по утрам, когда плетешься на вводный курс по контркультуре шестидесятых и «новым левым». Вид у тебя прямо-таки горестный.

Конечно, кто бы говорил! Су-джин, у которой одно и то же выражение лица на все случаи жизни. Я отмахнулась от ее слов, как разгоняют рукой неприятный запах из пробирки во время эксперимента, но с тех пор невольно стала замечать за собой разные, бесспорно угнетающие, мелочи. Например, в пятницу вечером наши девчонки собрались в комнате Бетани смотреть фильмы с Одри Хепбёрн⁴, и под конец «Завтрака у Тиффани»⁵ я вдруг поймала себя на мысли: пусть Холли не найдет Кота. Если совсем честно, мне хотелось, чтобы Кот так и остался, покинутый, дрожать и мяучить за поломанными ящиками в том кошмарном переулке, который в ближайший час наверняка затопит, если дождь будет и дальше хлестать с тем же голливудским размахом. (Конечно, я не подала виду и радостно улыбалась, когда Джордж Пеппард пылко сжал в объятиях Одри, которая пылко сжимала в объятиях Кота, похожего уже не на кота, а на утонувшую белку. Я даже взвизгнула совсем по-девчачьи, в тон растроганным вздохам Бетани.)

И если бы этим дело ограничилось... Пару дней спустя сижу я на семинаре «Жизнеописания великих американцев» – его у нас ведет аспирант Гленн Оукли, с мучнисто-бледным лицом и привычкой сглатывать посередине слова. Обсуждали смерть Гертруды Стайн⁶.

– «В чем же ответ, Гертруда?» – пафосно процитировал Гленн, вскинув левую руку с оттопыренным мизинчиком, словно держал в ней невидимый зонтик. С тенью усиков над верхней губой он напоминал Алису Б. Токлас. – «А в чем вопрос, Алиса?»

Я с трудом удержала зевоту, случайно глянула в тетрадь и застыла от ужаса. Оказывается, я в рассеянности какими-то странными каракулями выводила на странице довольно пугающее слово: «прощай». Само по себе слово, конечно, звучное и вполне безобидное, но я, как последний психованный страдалец, изобразила его на полях, наверное, раз сорок... И на предыдущей странице тоже.

– Кто может нам объяснить, что подразумевала Гертруда? Синь? Молчите? Где вы витаете? А вы что скажете, Шилла?

– Это очевидно. Она говорила о невыносимой пустоте и бессмысленности существования.

– Очень хорошо!

Выходит, несмотря на все старания (я носила пушистые розовые и желтые свитера, а волосы завязывала в жизнерадостный хвостик), со мной случилось то, чего я так боялась с тех

⁴ *Одри Хепбёрн* (Одри Кэтрин Растон, 1929–1993) – британская актриса, фотомодель и гуманитарный деятель. Получила премию «Оскар» в 1954 г. за лучшую женскую роль в фильме «Римские каникулы» (1953), номинировалась за фильмы «Сабрина» (1954), «История монахини» (1959), «Завтрак у Тиффани» (1961) и «Дождись темноты» (1967), а также получила премию BAFTA (Британской академии кино и телевизионных искусств, *The British Academy of Film and Television Arts*) за фильмы «История монахини» (1959) и «Шарада» (1963).

⁵ ...под конец «Завтрака у Тиффани»... – «Завтрак у Тиффани» (*Breakfast at Tiffany's*, 1961) – американский комедийный кинофильм, снятый режиссером Блэйком Эдвардсом с участием Одри Хепбёрн и Джорджа Пеппарда. Экранизация одноименного романа Трумена Капоте. Роль Холли Голайтли, наивной и эксцентричной девушки, ищущей богатого кавалера, стала, по признанию самой Хепбёрн, самой яркой ролью в ее карьере и одной из самых сложных, так как актрисе-интроверту пришлось играть эксцентричного экстраверта. Исполненная ею в фильме песня «Moon River» принесла композитору Генри Манчини и автору текста Джонни Мерсеру премию «Оскар» в 1962 г. В фильме также исполнил самую заметную роль на пике своей карьеры актер Джордж Пеппард.

⁶ *Обсуждали смерть Гертруды Стайн*. – Гертруда Стайн (1874–1946) – американская писательница, теоретик литературы, первопроходец литературы модернизма. Алиса Бабетт Токлас (1877–1967) – американская писательница, многолетняя возлюбленная Гертруды Стайн. Приведенный преподавателем разговор описан в воспоминаниях Алисы Токлас (*What Is Remembered*; 1963).

самых пор. Я как-то незаметно стала Одеревенелой и Искореженной – а отсюда прямая дорога к Полному Психозу. Такие страдалцы в более зрелом возрасте морщатся при виде мелких детишек и нарочно разгоняют голубей, которые мирно клюют себе крошки и никому не мешают. У меня каждый раз мурашки бежали по коже, если случайно попадется на глаза броский заголовок или объявление в газете: «Стальной магнат пятидесяти лет внезапно скончался от сердечного приступа» или «РАСПРОДАЖА ПОДДЕРЖАННОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ». Но я говорила себе – ничего страшного, у каждого есть свои шрамы. По крайней мере, у всех обаятельных людей. А если у человека шрамы, это еще не мешает быть в целом похожей скорее на Кэтрин Хепбёрн, а не на капитана Квига, на Сандру Ди, а не на Скруджа⁷.

Так бы я и погружалась все глубже в пучину мрачности, если бы не удивительный телефонный звонок однажды холодным мартовским днем. Почти год прошел со смерти Ханны.

– Тебя, – сказала Су-джин и протянула мне телефонную трубку, не отрываясь от диаграммы 2114.74 «Аминокислоты и пептиды».

– Алло?

– Привет, это я. Твое прошлое.

У меня дыхание остановилось. Невозможно не узнать ее низкий голос, полный отзвуков секса и дальней дороги, – наполовину Мэрилин Монро, наполовину Чарльз Куролт⁸, хотя что-то все-таки изменилось. Раньше сахарно-хрусткий, голос ее словно перемололи в кашу.

– Не волнуйся, я не рвусь возобновить знакомство! – Джейд рассмеялась: короткое «Ха!», словно подброшенный ногой камушек. – Я бросила курить, – сообщила она, явно гордясь собой, и немедленно пустилась в объяснения.

После «Сент-Голуэя» она так и не поступила в университет. Вместо этого, по случаю своих «проблем», добровольно отправилась «в одно такое место, совсем как Нарния»⁹, где люди рассказывают о своих чувствах и рисуют фрукты акварелью. Джейд намекнула, что прямо на ее этаже жил «один *очень* известный рок-музыкант» – на третьем этаже, где находились относительно адекватные (не то что самоубийцы с четвертого и маньяки со второго). Они стали «очень близки», но Джейд не может раскрыть его имя – это значило бы напрочь отринуть все, чему она научилась за десять месяцев «роста и развития» в Хеттридж-Парке (похоже, она себя представляла чем-то вроде виноградной лозы или другого ползучего растения). Одним из необходимых условий для «выпуска» (видимо, это слово казалось ей более привлекательным, чем «выписка») было требование избавиться от недосказанностей в своей жизни.

Я для нее – недосказанность.

– Ну и как ты? – спросила Джейд. – Как жизнь? Как папа?

– Папа – словами не описать.

– А Гарвард?

– Нормально.

– Я зачем звоню-то... Хочу извиниться, прямо и без всяких уверток, – официальным тоном сообщила она.

⁷ ...*быть в целом похожей скорее на Кэтрин Хепбёрн, а не на капитана Квига, на Сандру Ди, а не на Скруджа*. – Кэтрин Хотон Хепбёрн (1907–2003) – американская актриса, выдвигавшаяся на премию «Оскар» двенадцать раз и удостоенная этой премии четырежды – больше, чем любой другой актер или актриса в истории; была признана Американским институтом кино величайшей актрисой в истории Голливуда. Капитан Квиг – персонаж романа «Бунт на „Кайне“» Германа Вука (*The Caine Mutiny*, 1951; удостоен Пулицеровской премии). Действие романа происходит во время Второй мировой войны на Тихом океане. В 1954 г. по роману был снят фильм с тем же названием, режиссер Эдвард Дмитрик, продюсер Стэнли Крамер, в ролях Хамфри Богарт и другие выдающиеся актеры. Семь номинаций на премию «Оскар», в том числе как лучшему фильму года. Сандра Ди (Александра Зак, 1942–2005) – американская актриса и фотомодель, более всего известная своими ролями в амплу инженю. Эбенезер Скрудж – персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе», классический образ старого черствого скряги.

⁸ *Чарльз Куролт* (1934–1997) – американский журналист и телеведущий. Долгое время вел передачу «В дороге» (*On the Road*).

⁹ *Нарния* – волшебная страна из цикла книг Клайва Стейплза Льюиса (1898–1963).

Мне стало грустно. Это звучало совсем непохоже на настоящую Джейд. Та Джейд, которую я знала, никогда не извинялась прямо, а если ее все-таки заставят, пускалась на всевозможные увертки. Но сейчас со мной говорила Джейд-лиана (*Strongylodon macrobotrys*), представитель семейства *Leguminosae*, дальний родич обыкновенного гороха.

– Я сожалею о том, как себя вела. Я понимаю, все случилось не из-за тебя. Она просто слетела с катушек. Такое бывает, у каждого свои причины. Пожалуйста, прими мои искренние извинения.

Я хотела было ее огорошить своим маленьким сюрпризом, своей оплеухой, своим мелким шрифтом: «Вообще-то, коли на то пошло...» И не смогла. Не только потому, что струсила. Просто не видела смысла рассказывать ей правду – не сейчас. Джейд расцвела, получая в нужном количестве солнечный свет и воду, обещая дорасти до двадцатиметровой высоты, увить собой каменную стену и в конечном итоге размножиться семенами, черенками летом и отводками весной. А мои слова действуют на нее как трехмесячная засуха.

Дальше мы пылко обменивались репликами в духе «ну, ты дашь мне свой мейл?» и «надо бы обязательно как-нибудь собраться всем вместе!» – картонные любезности, плохо скрывающие простой факт: мы, скорее всего, больше никогда не встретимся и почти не будем перезваниваться. Время от времени ветер будет приносить ко мне Джейд, как и других приятельниц, точно пыльцу отцветшего одуванчика, с новостями о приторно-сладких свадьбах, затяжных разводах, переездах во Флориду и новой работе в риелторском агентстве, но надолго их возле меня ничто не задержит. Они разлетятся так же просто и бесцельно, как прилетели.

По прихоти судьбы в тот же день у меня была лекция по греко-римскому эпосу. Читал ее заслуженный профессор гуманитарных наук Золо Кидд. Студенты прозвали его Роло, потому что фигурой и цветом лица он напоминал эту тягучую карамель с шоколадным вкусом. Коротенький, кругленький и смуглый, он в любое время года носил клетчатые брюки рождественских цветов, а густые желтовато-седые волосы липли у него к блестящему веснушчатому лбу, словно профессора обляпали майонезом. Обычно к концу его лекции на тему «Боги и безбожие» или «Начало и конец»¹⁰ большинство студентов начинали клевать носом. Профессор, в отличие от моего папы, действовал на слушателей как анестетик – наверное, потому, что говорил бесконечно длинными фразами да еще имел манеру повторять по нескольку раз какое-нибудь слово – чаще всего наречие или предлог, – так что невольно представлялось, будто зелененькая лягушечка скачет по листьям кувшинки.

Однако в тот день я слушала его затаив дыхание.

– Мне тут... тут на днях попалась занятная статейка о Гомере, – говорил Золо, глядя себе под ноги, строго сдвигая брови и шмыгая носом (профессор всегда шмыгал, когда нервничал, рискуя покинуть надежное русло конспекта и позволить себе вольное отступление). – Малоизвестный... малоизвестный журнал, рекомендую всем посмотреть в библиотеке, «Античный эпос и современная Америка». Зимний выпуск, если не ошибаюсь. Оказывается, в прошлом году пара одержимых греко-латинистов вроде меня решили провести эксперимент – проверить силу воздействия эпоса. Они раздали сто экземпляров «Одиссеи» закоренелым преступникам в тюрьме особого режима... Ривербенд¹¹, если я правильно помню. И что бы вы думали? Двадцать заключенных прочли книгу от корки до корки, а трое из них засели за сочинение собственного эпоса. Один в будущем году опубликует в издательстве «Оксфорд Юниверсити Пресс». В статье высказывалось предположение, что эпическая поэзия – действенное средство перевоспитания самых... самых ужасных злодеев. Чем-то... чем-то она снижает уровень злости, стресса, агрессии и дает даже самым пропащим ощущение *надежды*. Не хватает

¹⁰ «Начало и конец» – см. Откровение Иоанна Богослова, 22: 13.

¹¹ *Ривербенд* – тюрьма особого режима в городе Нэшвилл, штат Теннесси. Действует с 1989 г. Здесь содержится большинство осужденных на смерть преступников-мужчин в США.

нашему веку истинного героизма, вот в чем причина. Где они, благородные герои? Где великие подвиги? Где боги, музы, воители? Где Древний Рим? Должны же... должны они где-то быть, правда? Если верить Плутарху, история повторяется. Хватило бы только смелости заглянуть... заглянуть в самих себя. Вполне... вполне возможно...

Не знаю, что на меня нашло. То ли так подействовал вид потной физиономии Золо, празднично поблескивающей в свете флуоресцентных ламп, словно отражения карнавальных огней в реке, то ли как он ухватился за край кафедры, будто иначе рухнет на пол грудой разноцветного тряпья... Совсем не так держался папа на преподавательском возвышении, да и на любом помосте. Он никогда не горбился, рассказывая о реформах в развивающихся странах (и вообще о чем вздумается; папа не боялся пускаться в отступления). Он говорил: «Во время лекции я воображаю себя дорической колонной в Парфеноне».

Не дав себе времени задуматься, я встала. Сердце гулко колотилось о ребра. Золо запнулся посреди фразы и вместе с тремя сотнями полусонных студентов ошарашенно наблюдал, как я, не поднимая головы, пробираюсь через нагромождение рюкзаков, курток, вытянутых ног, кроссовок и учебников. По ближайшему проходу я кинулась к двери с надписью «ВЫХОД».

– Ахилл удаляется, – пошутил Золо в микрофон.

В аудитории послышались вялые смешки.

Я прибежала в общагу, села за письменный стол, выложила перед собой толстую стопку чистых листов и начала торопливо корябать вот это предисловие. Сперва в нем шла речь о том, что было с Чарльзом после тройного перелома ноги, когда его спасла национальная гвардия. Говорят, он от боли кричал не переставая: «Господи, помоги!» Голос у Чарльза, когда расстроится, был такой, что кровь стыла в жилах. Невольно представляешь, как эти слова, словно воздушные шарики, надутые гелием, летели по стерильным коридорам окружной больницы аж до родильного отделения и каждый ребенок, пришедший в наш мир в то утро, слышал Чарльзовы вопли.

Конечно, вступление «жил-был на свете прекрасный и несчастный мальчик Чарльз» не совсем справедливо. Чарльз был мечтой школы «Сент-Голуэй», ее доктором Живаго, ее «Дестри снова в седле»¹². Наш золотой мальчик; Скотт Фицджеральд выбрал бы его из всех одноклассников на выпускной фотографии и описал напоенными солнцем словами вроде «патрицианский» и «всеодобряющая улыбка»¹³. Чарльз наверняка возмутился бы, начни я свой рассказ с такого неприглядного эпизода в его жизни.

Я зашла в тупик (интересно, каким образом пресловутые закоренелые преступники ухитряются лихо преодолевать такое ужасное препятствие, как «чистая страница»). Выбросила смятые листки в мусорную корзину под Эйнштейном (страдающим в заложниках на стене рядом с доской для записок с напоминаниями, которую Су-джин не слишком остроумно окрестила «Делать или не делать»), и тут вдруг я вспомнила папины слова, сказанные когда-то в городе Инид, штат Оклахома. Папа листал на редкость симпатично оформленный буклет, изданный Университетом штата Юта, куда его, если память мне не изменяет, как раз пригласили преподавать, и вдруг произнес:

– Нет ничего более захватывающего, чем хорошо продуманная учебная программа.

¹² «Дестри снова в седле» (*Destry Rides Again*, 1939) – художественный фильм Джорджа Маршалла в жанре вестерн. В главных ролях – Марлен Дитрих и Джеймс Стюарт. Персонаж фильма Дестри – исключительно честный шериф, который никогда не носит с собой оружие, хотя прекрасно стреляет.

¹³ ...Скотт Фицджеральд выбрал бы его из всех одноклассников на выпускной фотографии и описал напоенными солнцем словами вроде «патрицианский» и «всеодобряющая улыбка». – Аллюзия к: «На его лице появилась понимающая улыбка – более чем понимающая. Это была одна из тех редких всеодобряющих улыбок, которые вам суждено увидеть за всю жизнь не более четырех-пяти раз» (Ф. С. Фицджеральд. Великий Гэтсби. Перевод С. Таска).

Я, наверное, поморщилась или еще какую гримасу состроила, а он покачал головой и сунул довольно-таки увесистую книжицу мне в руки.

– Я серьезно! Что может сравниться с величием преподавателя? Не потому, что он формирует умы и определяет будущее нации, – это весьма сомнительно. Не очень реально повлиять на поколение, еще в утробе матери предназначенное для компьютерной игры «Grand Theft Auto: Vice City». Нет, я о другом. Преподаватель – человек, наделенный властью заключить жизнь в стройные логичные рамки. Не всю жизнь вообще, боже упаси! Всего лишь кусочек, малюсенькую дольку. Он упорядочивает неупорядочиваемое. Ловко раскладывает по полочкам: тут модерн, тут постмодерн, ренессанс, барокко, примитивизм, империализм и так далее. Размечает все это дело контрольными, курсовыми, каникулами, экзаменами. Красотища! Божественная симметрия полугодового курса. Одними названиями заслушаешься: семинар, факультатив, интенсив *только* для старшекурсников, аспирантура, практикум... Какое потрясающее слово – «практикум»! Вот ты на меня смотришь как на полного психа, но возьмем, например, Кандинского. На первый взгляд – совершеннейшая мазня, а поместить в красивую рамку – и можно смело вешать над камином. Точно так же и учебная программа. Неземной красоты здание венчает чудесный и ужасный итоговый экзамен! А что есть итоговый экзамен? Проверка, насколько глубоко ты проник в самую суть исполинских понятий. Неудивительно, что многие взрослые люди мечтают вернуться в студенчество, – ах, эти жесткие сроки, эта четкая структура! Каркас, за который можно ухватиться. Пусть он выбран произвольно – без него мы бы совсем пропали. Не смогли бы отделить романтизма от викторианства в нашей горестной запутанной жизни...

Я сказала, что он заговаривается, а папа только рассмеялся и подмигнул:

– Когда-нибудь ты поймешь! И запомни: все, что ты имеешь сказать, всегда снабжай подробными комментариями и по возможности наглядными иллюстрациями. Можешь мне поверить, всегда найдется клоун в заднем ряду, где-нибудь поближе к батарее, который поднимет жирную, вялую руку, словно ласт у тюленя, и начнет возмущаться: «Нет, все совсем не так, вы все неправильно рассказываете!»

Я стиснула зубы, глядя на чистую страницу. Авторучка у меня в пальцах крутила тройные аксели, а взгляд упал за окно, где торопились на занятия серьезные гарвардские студенты, по зимнему времени обмотав шеи теплыми шарфами. «Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои – роком ведомый беглец...»¹⁴ – пару недель назад пропел Золо, отбивая такт ногой, так что клетчатая штанина задралась, показывая тощую лодыжку в беленьком нарядном носочке. Глубоко вздохнув, я вывела вверх страницы самым аккуратным почерком, на какой была способна: «Учебная программа», и ниже: «Обязательное чтение».

Так папа всегда начинал учебный курс.

¹⁴ «Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои – роком ведомый беглец...» – Вергилий. Энеида. Перевод С. С. Ошерева под ред. Ф. А. Петровского.

Часть первая

Глава 1. «Отелло», Вильям Шекспир

Я расскажу вам о смерти Ханны Шнайдер, но сначала – о том, как умерла моя мама.

В три часа пополудни семнадцатого сентября тысяча девятьсот девяносто второго года, за два дня до того, как получить в оксфордском автосалоне «„Вольво“ и „инфинити“ от Дина Кинга» новенький универсал, моя мать, Наташа Алисия Бриджес Ван Меер на своем белом «плимуте-горизонт» (папа его прозвал «верная смерть») проломила ограждение на обочине автостреды Миссисипи-Стейт-7 и врезалась в дерево.

Смерть наступила мгновенно. Так же мгновенно наступила бы и моя смерть, если бы по очередной необъяснимой прихоти судьбы папа утром не сообщил маме по телефону, что сегодня ей не нужно забирать меня из детского сада. Папа решил удрать от студентов, которые вечно караулят его после семинара по политологии (тема: «Урегулирование конфликтов») и донимают глупыми вопросами. Он заберет меня из детского садика мисс Джетти и повезет в заповедник Уотер-Вэлли, штат Миссисипи, знакомиться с дикой природой.

Пока нам с папой рассказывали, что в штате Миссисипи действует одна из лучших в стране программ по охране популяции оленей, достигающей 1 750 000 особей (больше только в Техасе), спасатели пытались при помощи автогена извлечь мамино мертвое тело из покореженной машины.

Папа говорил: «Твоя мама была арабеска».

Он любил описывать ее при помощи балетных терминов (сравнивал с такими элементами, как «аттитюда», «плие» и «балансе») – отчасти потому, что она в детстве семь лет занималась в знаменитом нью-йоркском хореографическом училище Ларсона и только по требованию родителей перевелась в школу Айви на Восточной Восемьдесят первой улице), но еще и потому, что вся ее жизнь была подчинена строгой красоте и дисциплине. «Получив классическое образование, Наташа уже в ранней молодости выработала собственный стиль, который ее родные и друзья считали весьма радикальным для своего времени», – говорил папа, имея в виду, что мамыны родители, Джордж и Женева Бриджес, как и ее ровесники, не понимали, почему Наташа предпочитает жить не в родительском пятиэтажном таунхаусе близ Мэдисон-авеню, а в крохотной квартирке в Астории, почему работает не в «Америкэн-экспресс» и не в «Кока-Коле», а в некоммерческой организации помощи молодым матерям, почему влюбилась в папу – человека на тринадцать лет себя старше.

После третьей порции бурбона папа начинал рассказывать о том, как они познакомились в Стилмановском музее древнеегипетского искусства на Восточной Восемьдесят шестой улице, в зале фараонов. Папа углядел ее через весь зал, переполненный мумифицированными останками древнеегипетских царей и посетителями, поедающими утку за тысячу долларов с носа; вся прибыль должна была пойти благотворительным организациям для помощи детям третьего мира (папе совершенно случайно отдал два билета коллега-преподаватель, который в тот день не смог прийти, так что за свое присутствие на этом свете я должна благодарить преподавателя политологии Колумбийского университета Арнольда Б. Леви и диабет его супруги).

Наташино платье в папиных воспоминаниях постоянно меняло цвет. Иногда «ткань оттенка слоновой кости облегла ее идеальную фигуру, так что мама привлекала все взгляды, словно Лана Тернер в фильме „Почтальон всегда звонит дважды“». То вдруг оказывалось, что она была «с головы до ног в красном». Папа пришел на выставку с дамой – некой мисс Люси Мари Миллер из города Итаки, недавно поступившей на должность младшего преподавателя на отделение английской литературы. Какого цвета было на ней платье, папа не помнил вообще.

Забыл даже, как они встретились и как простились, – быть может, после краткой дискуссии о замечательной сохранности тазобедренной кости царя Таа Второго. Забыл – потому что всего пару мгновений спустя увидел возле голеностопного сустава Яхмоса Четвертого блондинку с аристократическим профилем – Наташу Бриджес, рассеянно беседующую со своим спутником, Нельсоном Л. Эймсом (из тех, сан-францисских Эймсов).

– Парень обладал харизмой ковровой дорожки, – говорил о нем папа, хотя в более добродушные минуты несчастный мистер Эймс оказывался повинен всего лишь в «безвольной осанке» и «какой-то щетине на голове».

Мамин с папой роман развивался бурно, точно в волшебной сказке. Все у них было как полагается – и злая королева, и бестолковый король, и потрясающая принцесса, и обедневший принц, и неземная любовь (полюбоваться ею слетались на подоконник птички и прочие лесные создания). Было и Страшное проклятие напоследок.

– С ним ты умрешь несчастной! – будто бы сказала маме Женева Бриджес во время их последнего разговора по телефону.

Папа никогда не мог внятно объяснить, *почему* Джордж и Женева Бриджес не пришли от него в восторг, – прочие же все приходили! Гарет Ван Меер родился в городе Биль, в Швейцарии, двадцать пятого июля 1947 года. Родителей своих не знал (хотя подозревал, что его отец – скрывающийся немецкий солдат). Вырос он в Цюрихе, в приюте для мальчиков-сирот, где встретить Любовь (*Liebe*) и Понимание (*Verständnis*) так же маловероятно, как актеров «Крысиной стаи»¹⁵ (*Der Ratte-Satz*). За душой у папы не было ничего – одна только «железная воля» толкала его к «величию». Успехами в учебе папа заслужил стипендию в Университете Лозанны, прошел курс экономики, два года преподавал обществоведение в Международной школе Джефферсона в Кампале (Уганда), работал завучем в школе Диаса-Гонсалеса в Манагуа (Никарагуа) и в 1972 году впервые приехал в Америку. В 1978-м защитил диссертацию в Гарвардской школе государственного управления имени Кеннеди. Тема его высоко оцененной диссертационной работы звучала так: «Проклятие борца за свободу: заблуждения партизанской войны и революций третьего мира». Следующие четыре года папа преподавал в Колумбии (в городе Кали), а потом в Каире. В свободное время занимался исследовательской работой на Гаити, на Кубе и в странах Африки, в том числе Замбии, Судане и ЮАР, собирая данные для книги о территориальных конфликтах и международной помощи. Вернувшись в Соединенные Штаты, он занял в Университете Брауна (Провиденс, Род-Айленд) должность профессора политологии, спонсируемую Гарольдом Г. Кларксоном, а в 1986 году – должность преподавателя по теме «Мировой правопорядок», спонсируемую Айрой Ф. Розенблюмом, в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Тогда же вышла его первая книга – «Власти предрежающие» («Гарвард Юниверсити Пресс», 1987). В том году отец получил шесть разных наград, в том числе премию имени Нельсона Манделы от Американского института политологии и престижную премию Макнили.

А вот когда Джордж и Женева Бриджес из дома номер 16 по Восточной Шестьдесят четвертой улице познакомились с Гаретом Ван Меером, они его не удостоили ни премии, ни даже почетной грамоты.

– Женева еврейка, она не переносила моего немецкого акцента. Хотя и сама говорила с акцентом – их семья была из Санкт-Петербурга. Жаловалась, что моя речь ей напоминает о Дахау. Сколько я сил положил на борьбу с акцентом – благодаря этому сейчас у меня идеально чистый выговор. Эх, да что там... – Папа сокрушенно махал рукой. – Видимо, они считали, что я для их дочери недостаточно хорош, и все тут. Собирались выдать ее за приличного мальчика с

¹⁵ ...актеров «Крысиной стаи»... – «Крысиная стая» – группа актеров и деятелей шоу-бизнеса, центром которой был Хамфри Богарт. Среди них были Нат Кинг Коул, Эррол Флинн, Микки Руни, Кэтрин Хепбёрн, Кэри Грант, Спенсер Трейси, Фрэнк Синатра и другие. Жена Богарта, Лорен Бэколл, получила почетный титул «хозяйка норы».

дурацкой прической и солидной недвижимостью. Из тех, кто мир видит исключительно через окна президентского номера в отеле «Ритц». Родители ее совсем не понимали.

И вот мама, «связав свой долг, судьбу, красу и ум / С бродячим иноземцем, колесящим / То здесь, то там»¹⁶, влюбилась в папины рассказы о разных случаях в морях и в поле¹⁷. Они зарегистрировали брак в городе Питтс, штат Нью-Джерси, завербовав двух свидетелей в придорожной забегаловке: водителя-дальнобойщика и официантку по имени Персик – она уже четыре дня не спала и за время церемонии зевнула тридцать два раза (папа считал). Примерно в это время у папы возникли разногласия с консервативно настроенным главой отделения политологии Колумбийского университета. Закончилось все грандиозным скандалом по поводу папиной статьи под заглавием «Стилет в рукаве: причуды американской гуманитарной помощи» («Федеральный журнал международных отношений», т. 45, № 2, 1987). Папа уволился, не дожидаясь конца семестра. Они переехали в Оксфорд (штат Миссисипи). Папа вел курс «Урегулирование конфликтов» в Университете Миссисипи, а мама пошла работать в Красный Крест и увлеклась коллекционированием бабочек.

Пять месяцев спустя родилась я. Мама решила назвать меня Синь, потому что за первый год изучения чешуекрылых в ассоциации любителей бабочек «Южные красавицы» (вечерние занятия по вторникам в Первой баптистской церкви, лекции на темы «Среда обитания, хранение и симметричное расположение задних крылышек», а также «Как следует красиво располагать экспонаты в коллекции») смогла поймать всего одну бабочку – синего кассиуса (см. статью «*Leptotes cassius*» в кн. «Словарь бабочек», Мелд, 2001). Наташа перепробовала разные виды сачков (полотняный, муслиновый, сетчатый), разные ароматы для приманки (жирность, пачули), разные методики подкрадывания (с наветренной стороны, с подветренной стороны, с траверза) и всевозможные типы замаха (замах сверху, укороченный выпад, прием Лоуселл – Пита). Беатриса Лоуселл по прозвищу Пчелка – председатель «Южных красавиц» – даже давала маме частные уроки по воскресеньям, обучая приемам охоты на бабочек («зигзаг», «подход по касательной», «скоростной рывок», «поймка на взлете»), а также искусству скрывать свою тень. Ничто не помогало. Белянка, адмирал и вице-король отскакивали от маминого сачка, словно магниты с одноименными полюсами.

– Мама решила, это знак, и целиком посвятила себя ловле исключительно синих кассиусов, – рассказывал папа. – Каждый раз, как соберется в поля, приносила домой штук по полсотни. Стала настоящим знатоком. Однажды ей позвонил сам сэр Чарльз Эрвин, главный специалист по чешуекрылым в Саррейском энтомологическом музее в Англии, – его целых четыре раза показывали по телевидению в передаче о насекомых. Они с мамой побеседовали об особенностях кормления *Leptotes cassius* на зрелых цветках лунной фасоли.

Когда я начинала слишком громко выражать ненависть к своему имени, папа всегда говорил одно и то же:

– Радуйся, что она не ловила перламутровку зеленоватую или шмелевидку скабиозовую!

Сотрудники полиции округа Лафайетт рассказали, что Наташа, видимо, среди бела дня заснула за рулем. Папа признался, что месяцев за четыре-пять до аварии у Наташи появилась привычка засиживаться до утра со своей коллекцией. Она засыпала в самых неожиданных местах: то помешивая овсянку на плите, то во врачебном кабинете на смотровом столе, когда доктор Моффет прослушивал ее сердце, и даже на эскалаторе между первым и вторым этажами универмага «Риджленд».

– Я ей говорил: не уродуйся ты так над этими козявками, – рассказывал папа. – В конце концов, это всего лишь хобби. А она ночи напролет возилась со своими сушилками и распря-

¹⁶ ...«связав свой долг, судьбу, красу и ум / С бродячим иноземцем, колесящим / То здесь, то там»... – Шекспир. Отелло. Действие I, сцена 1. Здесь и далее перевод М. Лозинского.

¹⁷ ...о разных случаях в морях и в поле... – «...О страшных случаях в морях и в поле...» – «Отелло». Действие I, сцена 3.

милками. Такая упрямая бывала иногда... Если что в голову вобьет – ее не сдвинешь. И в то же время хрупкая, как эти ее бабочки. Как всякий художник, глубоко чувствовала. Чувствительность – это хорошо, но таким людям, наверное, повседневная жизнь тяжело дается. Я еще шутил: мол, ей, наверное, больно всякий раз, как где-нибудь в Бразилии срубят дерево, или на муравья наступят, или там воробей в оконное стекло врежется.

Я бы, наверное, маму почти и не помнила, если бы не папины рассказы и замечания (всякие там *па-де-де* и *аттитюды*). Мне было пять, когда она умерла, и в отличие от тех гениальных людей, что отчетливо помнят даже собственное рождение («Ужасающе: словно землетрясение под водой», – сказал об этом событии известный врач Иоганн Швейцер), моя память о жизни в штате Миссисипи, к сожалению, работает с перебоями.

Папина любимая фотография, черно-белая, сделана еще до их встречи. На ней Наташе двадцать один год и она наряжена в викторианское платье для какого-то маскарада (нагл. пос. 1.0). Сам снимок не сохранился – я при необходимости рисовала иллюстрации по памяти. Хоть мама и на переднем плане, она словно теряется в интерьере, переполненном, как говорил, вздыхая, папа, «буржуазными цацками» (вообще-то, это подлинники Пикассо).

[НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ 1.0]

И хотя Наташа смотрит прямо в камеру, изысканная и неприступная, у меня не возникает и проблеска узнавания, когда гляжу на эту белокурую красавицу с четко очерченными скулами и великолепными волосами. Ну никак не сочетается она с тем, что все-таки запомнилось, хотя и в моих воспоминаниях осталось общее впечатление спокойной уверенности в себе. Гладкое, словно полированное дерево, запястье у меня под рукой; мама ведет меня в классную комнату с оранжевым ковром, пахнущую клеем, или везет в машине – молочно-белые волосы почти скрывают правое ухо, и только краешек мочки выглядывает, словно плавничок из-под воды.

День, когда она умерла, тоже вспоминается смутно и расплывчато. Кажется, я помню, как папа сидит в белой спальне, закрыв лицо руками, из-за ладоней слышатся странные глухие звуки, в комнате пахнет пылью и влажными листьями. Может, эти воспоминания я сама себе придумала, под давлением необходимости и «железной воли»?

Что я точно помню – как смотрю на то место у сарая, где всегда стоял ее «плимут», а там ничего нет, только лужица машинного масла. Еще помню, несколько дней, пока папа не перестроил свое расписание, меня забирали из садика соседка – красивая девушка в джинсах, с коротким ярко-рыжим ежиком волос. От нее пахло мылом, и, подъехав к дому, она не выходила сразу из машины, а какое-то время сидела, вцепившись в руль, и что-то шептала еле слышно – как будто просила прощения, но обращалась не ко мне, а к гаражной двери. Потом закуривала сигарету и тогда сидела молча, глядя, как дым вьется вокруг зеркала заднего вида.

Помню еще, что наш дом, обычно скрипучий и сипящий, как страдающая ревматизмом старая тетушка, без мамы весь словно подобрался – ждал, когда она вернется и можно будет снова расслабиться и скрипеть, сколько душа пожелает, гримасничая половицами от наших торопливых шагов, хлопая входной дверью ровно по два раза с четвертью, икая карнизами, когда невоспитанный ветерок врывается в окно. Без мамы дом упорно отказывался жаловаться на жизнь. До нашего с папой отъезда в Оксфорд в 1993 году он тщательно строил благопристойную мину, как на нудной проповеди преподобного Монти Говарда в Новой пресвитерианской церкви, куда папа возил меня с утра пораньше каждое воскресенье, а сам ждал на автостоянке у «Макдональдса» через улицу – ел картофельные оладьи и читал «Нью Рипаблик».

При всей обрывочности воспоминаний читатель может себе представить, что дата семнадцатое сентября 1992 года невольно приходит на ум, когда, к примеру, учитель, забыв свое имя, называет тебя Зеленкой. Я вспоминала семнадцатое сентября в начальной школе «По-Ричардс», когда забивалась в самый темный угол за стеллажами в библиотеке, жевала принесенные из дома бутерброды и читала «Войну и мир» (Лев Толстой, напис. 1865–1869) или когда мы с папой ехали ночью по шоссе, папа хранил строгое молчание и его профиль был словно маска, вырезанная на тотемном столбе. Я смотрела в окно, на пролетающие мимо кружевные силуэты деревьев, и страдала от очередного приступа болезни под названием «что, если...». Что, если папа не надумал бы вдруг за мной приехать и меня из детского садика забрала бы она и зная, что я сижу на заднем сиденье, *очень сильно* старалась бы не заснуть? Опустила бы стекло в окне, чтобы ветер трепал ее белокурые волосы (открывая *целиком* правое ухо), распевала во все горло свою любимую песню – «Революцию» Битлов? Или: что, если она совсем и не спала? Что, если она нарочно свернула прямо на ограждение на скорости сто двадцать километров в час, проломила металлические планки и врезалась в стену тополей за девять метров до поворота?

Папа не любил о таком говорить.

– Ты эти мысли брось! Еще с утра мама увлеченно рассказывала, что хочет записаться на вечерние курсы – «Знакомство с мотыльками Северной Америки». Просто она перестаралась со своими ночными бдениями. Лунное безумие, как у мотыльков, – прибавил он тихо, глядя в пол.

Потом с улыбкой посмотрел на меня, стоящую в дверях, но взгляд был тяжелый, словно требовалось усилие, чтобы его удержать.

– И хватит об этом, – сказал папа.

Глава 2. «Портрет художника в юности», Джеймс Джойс

Книга о «Властях предрежащих» продавалась неожиданно успешно (по сравнению с другими бестселлерами «Гарвард Юниверсити Пресс» за тот же год, такими как «Валюта за рубежом» [Тони, 1987] и «Франклин Делано Рузвельт и его Новый курс: первые сто дней» [Робб, 1987]). Благодаря успеху книги, а также безупречному двадцатистраничному резюме, частому появлению статей в уважаемых (но редко читаемых) специализированных журналах, таких как «Международные отношения и внешняя политика США» и «Федеральный форум» Дэниела Хьюитта (не говоря уж о номинации в 1990 г. на прославленную премию Иоганна Д. Стюарта за исследования в области политологии) папа сумел создать себе имя, и теперь его постоянно приглашали в разные университеты Америки читать лекции по политологии.

Впрочем, папа уже не стремился в престижные университеты, где преподавательские должности спонсируют меценаты-благотворители со звучными именами: изучение теории управления в Принстоне финансирует Элиза Грей Пестоун-Паркинсон, исследования международных отношений в Массачусетском технологическом – Луиза Мей Холмо-Гилзенданнер и так далее. (Думаю, в престижных университетах о нем не заплакали; наверняка нашлись еще желающие поучаствовать в «перекрестном опылении» – так папа называл академическую деятельность высоколобых интеллектуалов.)

Теперь папа предпочитал дарить свои знания, опыт и эрудицию нижнему ярусу образовательной пирамиды («нижним звеньям пищевой цепи», говорил папа в настроении «бурбон»). Выбирал учебные заведения, о которых никто никогда не слышал – порой даже зачисленные в них студенты. Чезвикский университет, Додсон-Майнер, Геттисбергская школа наук и искусств, Хиксбергский колледж, университеты Айдахо, Оклахомы и Алабамы в Рунике, в Стенли, в Монтерее, во Флитче, в Парклэнде, в Пикаюне, в Петале.

– Зачем я буду тратить свое драгоценное время, обучая богатеньких деток, чьи мозги давно в простоквашу превратились от самодовольства и потребительства? Нет уж, лучше я буду просвещать простую, непритязательную молодежь Америки. «Величия нет ни в ком, в простом лишь только людe».

На вопросы коллег, почему он больше не преподает в университетах Лиги плюща¹⁸, папа сыпал пафосными цитатами насчет «простого люда». А между тем в семейном кругу, за проверкой особо идиотской экзаменационной работы или косноязычного реферата светлый и неиспорченный «простой люд» легко превращался в «недоумков», «кретинов» и «чудовищную ошибку природы».

Вот кусочек папиной интернет-странички на сайте Арканзасского университета в Вильсонвилле (www.uaw.edu/polisci/vanmeer):

Доктор Гарет Ван Меер (Гарвардский ун-т, 1978) читает курс политологии в 1997/1998 учебном году. Основное место работы – Университет Миссисипи, завкафедрой отделения политологии и директор центра исследований Соединенных Штатов. Круг его интересов включает такие вопросы, как восстановление экономики и оживление политической жизни в странах Третьего мира, ликвидация последствий вооруженных конфликтов, а также военное вмешательство и гуманитарная помощь развивающимся странам. В настоящее время доктор Ван Меер работает над книгой «Железная хватка» – об этнической политике и гражданских войнах в странах Африки и Южной Америки.

¹⁸ Лига плюща – ассоциация восьми частных университетов северо-востока США, самых престижных в стране.

Папа обычно указывал Университет Миссисипи в качестве основного места работы, хотя за десять лет странствий мы ни разу туда не возвращались. И всегда он «в настоящее время работал» над книгой «Железная хватка», хотя я не хуже его знала, что никто над ней не работает вот уже лет пятнадцать, ни в настоящее время, ни в ненастоящее, и книга – пятьдесят пять блокнотов, исписанных неразборчивым почерком, – просто хранится в большой картонной коробке с надписью черным маркером: «ХВАТКА».

– Америка! – вздохнул папа, сжимая руль.

Наш голубой «вольво» – универсал пересек границу очередного штата. «Добро пожаловать во Флориду! Солнечный штат приветствует вас!» Я опустила солнцезащитный щиток, чтобы не так слепило глаза.

– Ничто не сравнится с этой страной! Нет, правда, земля обетованная, да и только. Страна свободных и смелых! Так, ты не закончила сонет номер тридцать. «Когда на суд безмолвных, тайных дум я вызываю голоса былого...»¹⁹. Давай, я же знаю, что ты знаешь. Едем дальше: «И старой болью я болею снова...»

Начиная со второго класса в начальной школе «Уодсворт Элементарии» города Уодсворт (штат Кентукки) и до выпускного класса средней школы «Сент-Голуэй» в городе Стоктоне (Северная Каролина) я проводила в голубом «вольво» не меньше времени, чем в классной комнате. И хоть папа всегда умел убедительно объяснить наш бродячий образ жизни (см. ниже), я втайне воображала, будто мы странствуем, потому что папа убегает от маминого призрака – а может, наоборот, ищет его в каждом снятом на время домике с двумя спальнями и скрипучими качелями на крылечке, в каждом придорожном кафе, где подают бисквит, по вкусу не отличающийся от губки, в каждом мотеле с плоскими, как блин, подушками, лысым ковром и сломанной кнопкой «КОНТРАСТ» у телевизора, так что дикторы похожи на разноцветных человечков из «Шоколадной фабрики»²⁰.

Папа о воспитании детей:

– Ничто так не расширяет кругозор, как путешествия! Взять хотя бы «Дневники мотоциклиста»²¹. Монроз Сен-Милле пишет в своей книге «Возраст открытий»: «Сидеть на месте – значит быть глупым. Быть глупым – значит умереть». А мы будем жить! Какая-нибудь дуреха за соседней партой только и знает, что свою Кленовую улицу и свой аккуратенький беленький домик с аккуратными белыми родителями внутри. А ты после своих странствий будешь, конечно, знать и Кленовую улицу, а кроме нее – еще бесконечные пустыни и заброшенные дома, карнавалы и луну. Человека, сидящего на ящике из-под яблок возле автозаправки в городке Безрадостный, штат Техас, потерявшего обе ноги во Вьетнаме, женщину в будке у въезда в городок Забубенный, штат Делавэр, у которой шестеро детей и муж без зубов, зато с прокуренными легкими. Когда учитель предложит разобрать мильтоновский «Потерянный рай», одноклассникам за тобой не угнаться – ты их оставишь далеко за кормой. Далекой искоркой мелькнешь у горизонта! А уж когда ты наконец-то вступишь в большую жизнь... – Отец повел плечом, и улыбка его была ленивой, точно старый пес. – Войдешь в историю, куда деваться!

Обычно за год мы успевали пожить в трех городах: в одном с сентября по декабрь, в другом с января по июнь, в третьем с июля по август. Пару раз мы охватили целых пять городов. В конце концов я пригрозила, что начну дико подводить глаза черным карандашом и носить мешковатую одежду. Отец решил, что лучше уж вернуться к традиционному числу три.

¹⁹ «Когда на суд безмолвных, тайных дум я вызываю голоса былого...» – Шекспир. Сонет 30. Перевод С. Маршака.

²⁰ ...разноцветных человечков из «Шоколадной фабрики». – Имеется в виду книга Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика» (1964). По ней были сняты фильмы в 1971 и 2005 гг.

²¹ «Дневники мотоциклиста» – документальная книга-дневник о путешествиях молодого Эрнесто Че Гевары и его друга Альберто Гранадо по Южной Америке в 1952 г. В 2004 г. по книге был снят фильм (*The Motorcycle Diaries*; испанское название: *Diarios de motocicleta*).

Езда с отцом не дарила чувство просветления и освобождения души (см. Дж. Керуак, «В дороге»²², 1957). Она напрягала разум. Сонетные марафоны. «Сто миль одиночества: выучи наизусть „Бесплодную землю“»²³. Папа мерил дорогу от одного края штата до другого не отрезками расстояния, а строго выверенными получасовыми тренингами на выбранную тему. «Словарные карточки: минимальный лексикон будущего гения». «Авторские аналогии» («Аналогия есть цитадель мысли: самый трудный способ управлять неуправляемыми отношениями»). «Устное сочинение» (с последующим двадцатиминутным проверочным опросом). «Война слов» (на ринге Кольридж против Вордсворта). «Шестьдесят минут солидного романа» (среди охваченных произведений: «Великий Гэтсби» [Фрэнсис Скотт Фицджеральд, 1925] и «Шум и ярость» [Уильям Фолкнер, 1929]). И наконец – «Радиотеатр ученицы Ван Меер» с такими постановками, как «Профессия миссис Уоррен» (Дж. Б. Шоу, 1894), «Как важно быть серьезным» (Оскар Уайльд, 1895) и отрывки произведений Шекспира, включая поздние пьесы.

– Синь, я не могу отличить рафинированный светский выговор Гвендолен от произношения выросшей в деревне Сесили. Постарайся четче показать их различие, и кстати, если позволишь небольшую режиссерскую подсказку в духе Орсона Уэллса, тут понимать надо: обе девушки в этой сцене жутко злятся. Нельзя показывать мирное благодушное чаепитие! Для них многое поставлено на карту. Обе уверены, что влюблены в одного и того же человека – в Эрнеста!

Несколько штатов спустя, в вечнозеленых дорожных сумерках, охрипший и со слезящимися глазами, папа включал не радио, а свой любимый компакт-диск «А. Э. Хаусман. Стихи на обрыве Уэнлок-Эдж»²⁴, и мы молча слушали стальной баритон сэра Брэди Хеливика из Королевского Шекспировского театра (среди недавних ролей – Ричард в «Ричарде III», Тит в «Тите Андронике», Лир в «Короле Лире»). Под томные звуки скрипки он читал «Когда мне был двадцать один» и «На смерть молодого атлета», а папа то и дело подхватывал текст, стараясь перещеголять запись.

Стар и мал, «ура» крича,
Тебя носили на плечах.

– А что, из меня получился бы актер, – сказал папа, откашливаясь.

Мы с папой отмечали красными кнопками на карте Соединенных Штатов все города, в которых останавливались хотя бы совсем ненадолго («Наполеон таким же образом отмечал продвижение своих войск», – говорил папа). Судя по этой карте, с моих шести до шестнадцати лет мы успели пожить в тридцати девяти городах тридцати трех штатов, не считая Оксфорда, а я успела поучиться примерно в двадцати четырех школах, включая начальные, средние и старшие классы.

Папа шутил, что меня, мол, среди ночи разбуди, отбарабаню книгу «В поисках Годо»²⁵: как отыскать в Америке приличную школу», но это он был чрезмерно суров. Сам препода-

²² «В дороге». – Роман Джека Керуака «В дороге», наравне с «Голым завтраком» Уильяма Берроуза и «Воплем» Аллена Гинзберга относится к числу ключевых произведений литературы бит-поколения.

²³ «...выучи наизусть „Бесплодную землю“». – «Бесплодная земля» – поэма Т. С. Элиота. Томас Стернз Элиот (более известный под сокращенным именем Т. С. Элиот, 1888–1965) – американско-английский поэт, драматург и литературный критик, один из крупнейших поэтов двадцатого века.

²⁴ «А. Э. Хаусман. Стихи на обрыве Уэнлок-Эдж»... – Альфред Эдвард Хаусман (1859–1936) – один из самых популярных поэтов-эдвардианцев. «Стихи на обрыве Уэнлок-Эдж», «Когда мне был двадцать один» и «На смерть молодого атлета» – стихотворения из сборника «Шропширский парень» (1896), получившего широкую известность в годы Первой мировой войны. Строки из стихотворения приведены в переводе С. Маршака.

²⁵ «В поисках Годо...» – аллюзия на пьесу «В ожидании Годо». «В ожидании Годо» (фр. *En attendant Godot*, англ. *Waiting for Godot*; 1948–1949) – самая известная пьеса ирландского писателя, поэта и драматурга Сэмюэля Баркли Беккета (1906–1989),

вал в университетах, где «студенческим клубом» называлась пустая комната, в которой стояли только аппарат для игры в настольный футбол да торговый автомат с парой шоколадок. А я, между прочим, училась в просторных, пахнущих свежей краской классах и монументальных спортзалах. В школах Тысячи команд (футбольная, баскетбольная, бального танца); школах Тысячи списков (прогульчиков, отличников, наказанных); школах, Исполненных новизны (новая автостоянка, новое меню, новый кабинет изобразительного искусства); школах, Овеянных стариной (там очень любят употреблять в рекламных брошюрках слова «классический» и «традиционный»); школах Блистательных библиотек (где книги пахнут клеем и «Мистером Проктором»); школах Отвратных библиотек (где книги пахнут потом и мышиными кашками); в школах со Слезливыми учителями, Сопливыми учителями, Учителями, которые не расстанутся с кружкой остывшего кофе, Учителями, которым не наплевать на детей, Учителями, которые втайне люто ненавидят всех этих мелких поганцев.

Нельзя сказать, что, вступая в очередное высокоорганизованное сообщество с устоявшимися правилами и поведенческой иерархией, я немедленно обретала статус Истерики С Бегающими Глазами или Нудной Зубрилки В Тщательно Отглаженной Клетчатой Юбочке. Я не получала даже титула Новенькой – его у меня мигом отбирала какая-нибудь другая девочка, у которой губы пухлее и смех звонче.

Я бы рада считать, что была наблюдателем в дикой природе, подобно Джейн Гудолл²⁶, и совершала потрясающие открытия, не нарушая естественного баланса вселенной. Но папа говорит, по результатам его исследований, среди племен Замбии титул что-то значит только в том случае, если его подтверждают другие. А спроси какую-нибудь Загорелую Спортсменку С Гладко Выбритыми Ногами, она наверняка скажет, что если я и Джейн, то уж никак не Джейн Гудолл и не Простушка Джейн, не Бедовая Джейн²⁷, не «Что случилось с малышкой Джейн?»²⁸ и, уж конечно, не Джейн Мэнсфилд²⁹.³⁰ Скорее что-то вроде Джейн Эйр дорочестеровской эпохи, известной под псевдонимами Не Поняла, О Ком Речь, и А-а, Эта.

Наверное, здесь следует поместить краткое описание внешности (нагл. пос. 2.0). Очевидно, полускрытая в толпе темноволосая девочка в очках, похожая на застенчивую сову, – это я и есть (см. статью «Сплюшка» в кн. «Энциклопедия живых существ», 4-е изд.). Вокруг меня по часовой стрелке, начиная с правого нижнего угла: Льюис Полк по прозвищу Альбинос (его вскоре временно отстранили от занятий за то, что принес револьвер на урок алгебры); Джош Стетмайер (его старшего брата Бита посадили за продажу ЛСД восьмиклассникам); Хоуи Истон (он перебирал девчонок, как охотник на оленей, способный в один день расстре-

наряду с Эженом Ионеско основоположника театра абсурда, лауреата Нобелевской премии по литературе 1969 г. Пьесу «В ожидании Годо» Беккет написал на французском языке, а затем перевел ее на английский. Она признана самым влиятельным англоязычным драматургическим произведением XX века.

²⁶ ...наблюдателем в дикой природе, подобно Джейн Гудолл... – Дама Джейн Моррис Гудолл (р. 1934) – посол мира ООН, приматолог, этолог и антрополог из Великобритании. Дама-командор ордена Британской империи. Более 45 лет изучала социальную жизнь шимпанзе в Национальном парке Гомбе-Стрим в Танзании. Основательница международного Института Джейн Гудолл.

²⁷ Марта Джейн Каннари Берк, более известная как Бедовая Джейн (*Calamity Jane*, 1852/1856–1903), – американская жительница фронта на Диком Западе, профессиональный скаут, более всего известная своими притязаниями на знакомство и даже супружество с Диким Биллом Хиком, а также участием в Индейских войнах с коренными жителями континента. По многочисленным воспоминаниям, она была также женщиной, выказывавшей большую доброту и сострадание, особенно к больным и нуждающимся. Этот контраст сделал ее одной из самых знаменитых и вместе с тем печально известных фигур в истории Дикого Западе.

²⁸ «Что случилось с малышкой Джейн?» (*What Ever Happened to Baby Jane?*, 1962) – американский фильм, психологический триллер. Режиссер Роберт Олдрич, в главных ролях Бетт Дэвис и Джоан Кроуфорд.

²⁹ Вера Джейн Мэнсфилд (1933–1967) – американская киноактриса, добившаяся успеха как на Бродвее, так и в Голливуде. Неоднократно появлялась на страницах журнала *Playboy*, наряду с Мэрилин Монро была одним из секс-символов 1950-х гг.

³⁰ ...не Простушка Джейн, не Бедовая Джейн, не «Что случилось с малышкой Джейн?» и, уж конечно, не Джейн Мэнсфилд. – «Простушка Джейн» (*Plain Jane*) – американское реалити-шоу, в котором участникам помогают преобразить свой облик.

лять сотню обойм; поговаривали, что в списке его побед числилась и наша учительница ИЗО, миссис Эпплтон); Джон Сато, у которого изо рта воняло, точно из нефтяной скважины; и наконец, всеобщее посмешище Сара Маршалл ростом шесть футов три дюйма³¹ – всего через несколько дней после того, как нас фотографировали, она уехала из Клирвуд-Дэй в Берлин, по общему мнению – совершить переворот в немецком женском баскетболе.

«Ты – вылитая мама, – высказался папа, увидев снимок. – У тебя та же балетная грация и осанка. Все уродины мира за такое убить готовы».

У меня голубые глаза, веснушки и рост примерно пять футов три дюйма³², если встать на цыпочки.

О чем еще надо упомянуть: хоть папа и получил у Джорджа и Женеви Бриджесов позорно низкие оценки за обязательную и произвольную программу, внешность у него была того типа, что выигрышной всего раскрывается в зрелом возрасте. Как видите на снимке, сделанном в университете Лозанны, папа неуверенно щурится в объектив, у него слишком агрессивно-светлые волосы, слишком аскетично-бледная кожа, и вся его крупная фигура как-то нерешительно скособочена (нагл. пос. 2.1). Считается, что глаза у папы карие, но в тот период их цвет скорее можно было назвать невнятным. Зато с годами (хорошенько прожарившись в африканском климате) папа стал жестче и приобрел потрепанно-грубоватый вид (нагл. пос. 2.2). Благодаря этому он сделался мишенью, маяком, влекущей электрической лампочкой, на которую слетались женщины по всей стране. Данное явление особенно затронуло возрастную группу около тридцати пяти лет.

Женщины цеплялись к папе, как пух липнет к шерстяным брюкам. Я давным-давно придумала для них специальное прозвище, хотя сейчас мне за него немного совестно: июньские букашки (см., например, ст. «Зеленый фруктовый жук – *Cotinis mutabilis*» в кн. «Обыкновенные насекомые», т. 24).

Была такая Мона Летровски, актриса из Чикаго, с широко посаженными глазами и темными волосками на руках, – она любила орать, повернувшись к нему спиной: «Дурак ты, Гарет!» Предполагалось, что тогда папа подбежит к ней, развернет к себе за плечи и увидит выражение горькой нежности на ее лице. Только папа ни разу к ней не подошел и никакой горькой нежности не увидел. Он просто смотрел на ее спину, словно это было произведение абстрактной живописи, а потом уходил на кухню и наливал себе стаканчик бурбона. Была еще Конни Медисон Паркер – аромат ее духов висел в воздухе, точно потрепанная пиньята³³. Была Зула Пирс из города Окуш (штат Нью-Мексико) – темнокожая, выше папы ростом, так что когда они целовались, ей приходилось наклоняться, будто подсматривая в замочную скважину: кто это там пришел? Вначале она меня звала «Синь, лапушка», а потом, по мере того как разладились их с папой отношения, «Синьлпшка», затем «Синюшка» и в конце концов «Синюха». («Синюха меня с самого начала невлюбила!» – визжала она.)

³¹ Шесть футов три дюйма – приблизительно 190 см (1 фут = 30,5 см; 1 дюйм = 2,54 см).

³² Пять футов три дюйма – приблизительно 160 см.

³³ Пиньята – мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. По форме воспроизводит фигуры животных (обычно лошадей) или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, хлопушки, игрушки, конфетти, орехи и т. п.).

[НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ 2.0]

[НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ 2.1]

Продолжительность папиных романов колебалась от срока высиживания яиц уткуноса (19–21 день) до срока беременности белки (24–45 дней). Если честно, многих его приятельниц я ненавидела – особенно тех, что пытались меня воспитывать в духе истинной женственности, вроде Конни Медисон Паркер, которая врывается в ванную и отчитывала меня за то, что не выставляю напоказ свое «богатство» (см. ст. «Моллюски» в кн. «Энциклопедия живых существ», 4-е изд.).

Конни Медисон Паркер (36 лет) по поводу «богатства»:

– Детка, надо уметь показать товар лицом! Иначе мальчишки не будут обращать на тебя внимания. Я-то знаю, о чем говорю, – у меня сестра такая же плоская, как ты. Прямо тexasские Великие равнины! Не на чем глаз остановить. Вот однажды глядь – а у тебя совсем никакого богатства не осталось. Что тогда делать будешь?

[НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ 2.2]

Не все июньские букашки были такие ужасные. Попадались среди них и безобидные экземпляры вроде Талли Мейерсон с печальными глазами. Мне ее даже было немного жаль.

Хоть папа всегда откровенно давал понять, что они в его жизни недолговечны, как моток скотча, большинство июньских букашек упорно не замечали его равнодушия (см. ст. «Бассет» в кн. «Энциклопедия собачьих пород», т. 1).

Наверное, каждая июньская букашка понимала, что на *прочих букашек* папе наплевать, но была уверена, что с ней-то все будет иначе – ведь она вооружена, помимо личного опыта разрыва отношений, многолетним опытом чтения статей в дамских журналах и подобных печатных изданиях, например: «Как привести его к алтарю» («Траск», 1990) и «Немного прохладцы: не показывайте ему своих чувств (чтобы его тянуло к вам сильнее)» («Марс», 2000). Два-три незабываемых свидания, и папа быстро поймет и прочувствует, как неотразима она у плиты на кухне, как раскованна в спальне, как мила и общительна в поездках на автомобиле. И как искренне они удивлялись, когда папа выключал свет, безжалостно смахивал несчастную букашку с притолоки и щедро поливал крыльцо средством от насекомых.

Мы с папой проносились через очередной городок подобно пассату, оставляя после себя бесплодную пустыню.

Иногда июньские букашки пытались нас остановить. Дурочки, они воображали, будто могут поймать вечный ветер и поменять всю климатическую систему земного шара. За два дня до нашего с папой отъезда в Харпсберг (штат Коннектикут) Джесси Роуз Рубимен из города Ньютон (штат Техас), наследница франшизы «Ковры Рубимен», объявила, что беременна от папы, и со слезами потребовала, чтобы мы взяли ее с собой – или пусть папа внесет первоначальный взнос в сто тысяч долларов на воспитание ребенка, с последующими еженедельными выплатами по десять тысяч в течение восемнадцати лет. Папа не дрогнул. В подобных случаях он, как сам хвастался, держал себя с достоинством метрдотеля из хорошего ресторана, где подают первоклассные вина, мясное суфле по предварительному заказу и богатый выбор сыров подвозят к столику на тележке по первому требованию. Не теряя спокойствия, папа потребовал от будущей матери сделать анализ крови.

Оказалось, Джесси совсем и не была беременна. Она просто приняла желаемое за действительное: желудочный грипп за утреннюю тошноту. Пока мы готовились к переезду в Харпсберг, на неделю позже, чем планировалось, Джесси заполняла наш автоответчик скорбными монологами. В день отъезда папа обнаружил на крыльце конверт и попытался скрыть его от меня.

– Последний счет за коммунальные услуги, – сказал он, считая, что лучше умереть, чем показать мне «бред бушующих гормонов психопатки», который сам же и пробудил. Шесть часов спустя, уже в штате Миссури, я выкрала письмо из бардачка, пока папа покупал на автозаправке «Тамс», жевательные таблетки от изжоги.

Любовные письма от июньских букашек папа приравнивал к добыче алюминия, а для меня это было – словно в толще кварца наткнуться на вкрапления золота. Нигде больше не найдешь слиток эмоций в таком чистом, беспримесном виде.

Я до сих пор храню свою коллекцию. В ней семнадцать экземпляров. Приведу здесь отрывок из четырнадцатистраничной оды Гарету авторства Джесси.

Ты для меня – весь мир! Я за тобой пойду хоть на край света, только позови. Но ты не позвал, и я готова остаться тебе просто другом. Я буду по тебе скучать. Прости, что насчет ребенка так получилось. Надеюсь, мы все-таки будем общаться. На будущее считай меня хорошим другом, на кого можно положиться и в счастье, и в несчастье. По поводу вчерашнего звонка: извини, что назвала тебя свиньей. Гарет, я немногого прошу, только помни меня не

такой, как в последние пару дней, а той счастливой безоблачной девушкой, которую ты повстречал на парковке около «Кей-марта»³⁴.

Мир тебе на вечные времена!

Впрочем, не считая эпизодического жужжания, нарушающего вечернюю тишину, по большей части мы с папой были вдвоем – как Джордж и Марта, Бутч и Сандэнс³⁵, Фред и Джинджер³⁶, Мэри и Перси Биши³⁷.³⁸

В среднестатистический вечер пятницы в городе Ромэн, штат Нью-Джерси, вы не застали бы меня в темном углу автостоянки возле кинотеатра «Сансет», где мы вместе с Загорелой Спортсменкой С Гладко Выбритыми Ногами покуривали бы «Америкэн Спирит» в ожидании, пока за нами явится Избалованный Поклонник на папашинной машине, чтобы промчаться на бешеной скорости по Атлантик-авеню, перелезть через железную сетку, ограждающую заброшенное поле для мини-гольфа «Африканское сафари», и пить теплое пиво «Будвайзер», сидя на искусственном травяном покрытии возле десятой лунки.

Не найти вам меня и за дальним столиком в закусочной «Бургер Кинг», где я держалась бы за руки с Мальчиком, Похожим На Обезьяну Из-за Жутких Брекетоу, ни в гостях с ночевкой у Примерной Ученицы, Чьи Не В Меру Заботливые Родители, Тед и Сью, Оберегают Ее От Взросления, Точно От Кори, Равно Как От Общения С Раскованными И Стильными Сверстниками.

Вы нашли бы меня с папой в съемном домике на ничем не примечательной улице, обсаженной дубами и почтовыми ящиками в виде скворечников. Мы едим переваренные спагетти, посыпанные опилками пармезана, читаем книги, проверяем студенческие контрольные или смотрим по телевизору какую-нибудь киноклассику вроде «На север через северо-запад» или «Мистер Смит едет в Вашингтон»³⁹.⁴⁰ А потом, когда я закончу с посудой – и только если у папы настроение «бурбон», – он может изобразить Марлона Брандо в роли Вито Корлеоне⁴¹. А если особо вдохновится, даже напихает себе салфеток за щеки, чтобы в точности воспроизвести бульдожье выражение дона Корлеоне. (Мне в этих случаях отводилась роль Майкла.)

Барзини снова выступит против тебя первым. Он устроит встречу с кем-нибудь, кому ты абсолютно доверяешь... гарантирует твою безопасность. И на этой встрече тебя предательски убьют... Это старая привычка. Я провел свою жизнь, стараясь не быть легкомысленным.

Слово «легкомысленным» папа произносил с сожалением, уставившись себе под ноги.

³⁴ ...около «Кей-марта». – «Кей-март» (*Kmart*, иногда пишется как *K mart* или *kmart*) – крупная сеть недорогих универмагов в США.

³⁵ Бутч Кэсиди и Сандэнс Кид – легендарные бандиты Дикого Запада и персонажи известного фильма (настоящие имена Роберт Лерой Паркер и Гарри Лонгebo).

³⁶ Фред Астер (1899–1987) и Джинджер Роджерс (1911–1995) – известнейший американский танцевальный дуэт.

³⁷ Английский поэт Перси Биши Шелли (1792–1822) и его жена Мэри Шелли (1797–1851), автор книги «Франкенштейн, или Современный Прометей».

³⁸ ...*Джордж и Марта, Бутч и Сандэнс, Фред и Джинджер, Мэри и Перси Биши*. – Первый президент США Джордж Вашингтон и его жена Марта. Также «Джордж и Марта» (*George and Martha*, 1999) – детский мультсериал про двух бегемотиков.

³⁹ «Мистер Смит едет в Вашингтон» (*Mr. Smith Goes to Washington*, 1939) – кинофильм режиссера Фрэнка Капры. Трагикомедия о влиянии отдельного человека на политику Соединенных Штатов.

⁴⁰ ...«На север через северо-запад» или «Мистер Смит едет в Вашингтон». – «На север через северо-запад» (*North by Northwest*, 1959) – приключенческо-шпионский триллер, режиссер Альфред Хичкок. В главных ролях: Кэри Грант, Эва Мари Сейнт и Джеймс Мейсон.

⁴¹ ...*Марлона Брандо в роли Вито Корлеоне*. – Имеется в виду известнейший фильм режиссера Фрэнсиса Форда Копполы «Крестный отец» (*The Godfather*, 1972). Марлон Брандо (1924–2004) – американский актер кино и телевидения, кинорежиссер и политический активист. Некоторые современные киноведа считают его одним из величайших актеров в истории.

Женщины и дети могут быть легкомысленными, но не мужчины...
Слушай.

Тут папа смотрел на меня, изогнув бровь.

Кто бы ни позвал тебя на эту встречу с Барзини... он предатель. Не забудь
это.

И тогда наступало время моей единственной реплики:

*Grazie*⁴², папа.

Кивнув, он закрывал глаза:

*Prego*⁴³.

Помню, однажды я не засмеялась, когда папа изображал, как Брандо изображает Вито. Мне было одиннадцать, мы жили тогда в городе Фатток (штат Небраска). Мы были в гостинной, папа случайно встал прямо против настольной лампы с красным абажуром, и лицо его вдруг озарилось багровым потусторонним светом, как на Хеллоуин. Глаза ввалились, в точности как у призрака, рот искривился по-ведьмински, щеки будто покрылись древесной корой, на которой какой-нибудь мальчишка мог бы вырезать свои инициалы. Это был уже не папа, а кто-то другой... *нечто* другое. Страшный чужак с багровым лицом и темной, затхлой душой на фоне бархатного кресла, покосившейся книжной полки, на фоне маминой фотографии с буржуазными цацками.

– Солнышко?

Глаза у нее были живыми. Она смотрела ему в спину так скорбно, словно дряхлая старуха в богадельне, успевшая обдумать все великие вопросы бытия и, наверное, найти на них ответы, вот только никто не принимает ее всерьез среди этих безликих комнат, вечерних телевикторин, терапии с помощью домашних животных и «сеансов макияжа для дам». А папа смотрел на меня, и плечи у него вздрагивали. Он растерялся, как будто я только что вошла в комнату и застала его за воровством.

– Что такое? – Он шагнул ко мне, в полосу безобидного желтого света.

– Живот болит, – буркнула я, бросилась к себе в комнату и схватила с полки потрепанную книгу в бумажной обложке: «Душа на продажу. Разоблачение социопата обыкновенного» (Бёрн, 1991).

Папа мне сам ее купил на гаражной распродаже у одного выходящего на пенсию преподавателя психологии. Я успела пролистать всю вторую главу, «Особенности характера: отсутствие личностных связей в романтических отношениях», и частично третью, «Два недостающих фрагмента: моральные принципы и совесть», пока сообразила, какая я дуреха и истеричка. Хотя папа в самом деле «не считался с чувствами других людей» (стр. 24), умел «очаровывать, пользуясь этим в своих целях» (стр. 29) и нисколько не заботился о «принятых в обществе морально-этических нормах» (стр. 5), но все-таки он «любил что-то еще, кроме себя самого» (стр. 81) и «мудрого красавца, которого видел в зеркале» (стр. 109), а именно мою маму. Ну и меня, конечно.

⁴² *Grazie* – спасибо (*ит.*).

⁴³ *Prego* – пожалуйста (*ит.*).

Глава 3. «Грозовой перевал», Эмили Бронте

Профессор Принстонского университета, ведущий социолог доктор Феллини Лоджиа в своей книге «Неотвратимое будущее» (1978) высказывает довольно мрачную мысль: по его мнению, ничто в этой жизни не может удивить по-настоящему, «даже смерть от удара молнии» (стр. 12). «Жизнь каждого человека, – пишет он, – это всего лишь череда подсказок о том, что нам предстоит. Хватило бы только ума, чтобы замечать эти подсказки, и мы могли бы изменить будущее».

Если и была в моей жизни подсказка – намек, пророческий шепот, – то случилось это в мои тринадцать лет, когда мы с папой переехали в город Говард (штат Луизиана).

Со стороны наша бродячая жизнь может показаться очень смелой и бунтарской, а на самом деле все было совсем не так. Существует немного пугающий (и никем официально не отмеченный) закон движения, применимый к объекту, который перемещается по американской автостраде: хотя несешься вперед с безумной скоростью, ощущение такое, будто с тобой ничего не происходит. Прибываешь в пункт Б и с разочарованием убеждаешься, что все твои физические характеристики – энергия и прочее – остались без изменений. Иногда, уже засыпая, я смотрела в потолок и молилась: хоть бы что-нибудь *настоящее* произошло и преобразило меня. При этом Бог представлялся мне таким, как потолок, на который я в данный момент глядела. Если лунный свет и тени от листьев за окном рисовали на потолке узоры, Он был прекрасен и поэтичен. Если потолок был наклонный, Он склонялся к тому, чтобы услышать мои мольбы. Если в углу виднелось пятно от протечки, это значило, что Он претерпел много бурь и моя для Него – пустяк. Если в центре потолка, около люстры, красовалось неровное пятно от прихлопнутой газетой или ботинком шестиногой или восьминогой тварюшки, Он был мстителен.

В Говарде Бог ответил на мои молитвы (оказался Он белым и гладким, а в остальном ничем не примечательным). Во время долгой поездки через пустыню Андамо (штат Невада), слушая магнитофонную запись – кавалерственная дама Элизабет Глиблетт с пафосными интонациями читает «Таинственный сад» (Ф. Бернетт, 1909), – я между делом сказала папе: мол, ни у одного из наших многочисленных съемных домов не было приличного сада. И вот в сентябре, приехав в Говард, папа выбрал для нас номер 120 по Гилдейкр-стрит: светло-голубой дом среди тропической биосферы. По всей улице выращивали благопристойные пионы, обязательные розы, благодатные клумбочки, кое-где перемежающиеся редкими ростками ползучих сорняков, а мы с папой изнемогали в борьбе с растительным миром бассейна Амазонки.

Три недели каждую субботу и воскресенье, вооружившись кожаными перчатками, секаторами и средством от вредителей, мы с папой с утра пораньше углублялись в тропическую чащу и героически пытались усмирить буйные заросли. Редко нам удавалось продержаться дольше двух часов, а иногда и двадцати минут не выдерживали, если папа замечал пробегающего под листьями пальмы корифа золотоносная так называемого жука-оленья размером с мужскую ступню.

Ну, папа не тот человек, чтобы признать поражение. Он упорно продолжал борьбу, воодушевляя соратников воинственным кличем: «Ван Мееры непобедимы!» и «Думаешь, если бы Паттон жил здесь, он бы выбросил полотенце на ринг?»⁴⁴ – пока в одно судьбоносное утро его не цапнула какая-то тварь (я услышала папин отчаянный вопль с переднего крыльца, где

⁴⁴ ...«Думаешь, если бы Паттон жил здесь, он бы выбросил полотенце на ринг?»... – Кейси Паттон (р. 1974) – отставной канадский боксер, пятикратный чемпион Канады, выступал в весе пера (меньше 57 кг) на летней Олимпиаде 1996 г. в г. Атланта, Джорджия. Завоевал золотую медаль на чемпионате Содружества в г. Виктория, Британская Колумбия, в 1994 г. и титул «Лучший канадский боксер-любитель» 1994 г. В 2008 г. включен в Зал Славы спорта в г. Лондон, Онтарио.

пыталась обрезать разросшуюся лиану). У папы левую руку раздуло, как футбольный мяч, и вечером папа ответил на объявление опытного садовника в «Говард сентинел».

В объявлении говорилось: «Работа в саду. Любая. Сделаю».

Звали его Андрео Вердуга, и был он прекрасен, как рассвет (см. ст. «Пантера» в кн. «Великолепные хищники мира природы», Гудвин, 1987). Загорелый, черноволосый, с цыганскими глазами и гладким торсом, словно обкатанная морем галька, насколько я могла судить из окна второго этажа. Родом он был из Перу, щедро поливал себя одеколоном, а изъяснялся языком старинных телеграмм:

– КАК САМОЧУВСТВИЕ ТЧК ХОРОШАЯ ПОГОДКА ТЧК ГДЕ ШЛАНГ ТЧК

Каждый понедельник и четверг в четыре часа пополудни я откладывала на потом французское сочинение и задачи по алгебре и подсматривала, как он работает. Правда, по большей части Андрео не столько работал, сколько прохлаждался, расслаблялся и радовался жизни, лениво покуривая сигаретку на солнечной полянке среди густой чащобы. Окурки всегда выкидывал в какое-нибудь незаметное место – за кустиком бромелии или в плотную заросль бамбука, не проверив даже, полностью ли затушена сигарета. По-настоящему к работе Андрео приступал часа через два-три, к папиному приходу. Сопровождая свои действия выразительными жестами (тяжело дыша, утирая пот со лба), он вхолостую возил газонокосилку среди кустов или прислонял к стене дома деревянную лестницу в безуспешной попытке укоротить нависающие ветки. Больше всего мне нравилось наблюдать, как Андрео что-то бурчит себе под нос по-испански после того, как папа поставит вопрос ребром: почему лианы до сих пор создают парниковый эффект на крыльце и откуда на заднем дворе взялась новая поросль фикусов-душителей?

Однажды я подкараулила Андрео в кухне, когда он хотел незаметно стянуть из холодильника мое апельсиновое мороженое. Он застенчиво мне улыбнулся, показывая кривоватые зубы.

– ВЫ НЕ ПРОТИВ ТЧК ЕСЛИ Я ВОЗЬМУ ТЧК СПИНА БОЛИТ ТЧК

Я всю большую перемену просидела в школьной библиотеке со словарем и учебником испанского. Подготовилась, как могла.

Me llamo Azul.

Меня зовут Синь.

El jardinero, Mellors, es una persona muy curiosa.

Егерь Меллорс⁴⁵ – очень необычный человек.

¿Quiere usted seducirme? ¿Es eso que usted quiere decirme?

Хотите соблазнить меня? Вы это пытаетесь мне сказать?

¡Nelly, soy Heathcliff!

Нелли, я Хитклиф!⁴⁶

Напрасно я ждала, когда в библиотеку вернут книгу Пабло Неруды «Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния» (ее взяла Подружка, Которая Носит Облегающие Топики, а потом ухитрилась потерять в доме у Поклонника, Который Хоть Бы Сбрил Эти Гадкие Волосишки На Подбородке). Пришлось мне спереть экземпляр из кабинета испанского языка и вы зубрить наизусть стихотворение XVII, гадая, отважусь ли я когда-нибудь, подобно Ромео, произнести вслух слова любви – выкрикнуть их так громко, чтобы они обрели крылья и достигли самых высоких балконов. Да что там, вряд ли я осилила бы и Сирано изобразить – настроичить стихи на карточке, подписавшись чужим именем⁴⁷, и тайно подбросить в разбитое

⁴⁵ Меллорс – персонаж романа Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» (1928).

⁴⁶ Нелли, я Хитклиф! – Хитклиф и Нелли – персонажи романа Э. Бронте «Грозовой перевал» (1847).

⁴⁷ ...вряд ли я осилила бы и Сирано изобразить – настроичить стихи на карточке, подписавшись чужим именем... – Сирано – главный герой романтической драмы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (1897). Намек на сцену, когда Сирано подсказывает своему сопернику слова признания в любви.

окно его грузовичка, пока Андрео бездельничает в саду, почитывая журнальчик в тени каучуковых деревьев.

В итоге мне пришлось изобразить не Ромео и не Сирано, а Геракла.

Как-то в среду, прохладным ноябрьским вечерком, примерно в восемь пятнадцать, я сидела у себя в комнате, готовилась к контрольной по французскому. Папа был на торжественном обеде в честь нового декана. В дверь позвонили. Я немедленно перепугалась, вообразив зловещего продавца Библий и прочих кровожадных отщепенцев (см. О'Коннор, «Полное собрание рассказов»⁴⁸, 1971). Побежала в папину комнату, осторожно выглянула в угловое окошко и очень удивилась, когда разглядела в лиловой темноте красный грузовичок Андрео, хоть он и съехал с дорожки в самую гущу папоротников.

Не знаю, что было жутче: представлять у дверей отщепенца или знать, что это *он*. Мой первый порыв был – запереться у себя в комнате и спрятаться под одеяло, но Андрео все звонил и звонил. Наверное, заметил свет в моем окне. Я на цыпочках спустилась по лестнице. Простояла у двери минуты три, не меньше, кусая ногти и репетируя свою первую реплику (*¡Buenas Noches! ¡Qué sorpresa!*)⁴⁹. Ладони вспотели, а во рту словно скопился полужастывший клей «Суперцемент». Наконец я открыла дверь.

Передо мной стоял Хитклиф.

Он – и в то же время не он. Замер в нескольких шагах от меня, словно дикий зверь, который боится подойти ближе. В слабом вечернем свете, пробивающемся сквозь ветви, исчертившие небо, лицо казалось искаженным, словно в крике, но звука не было, только еле слышное мычание – так электричество гудит в проводах. Одежда была чем-то заляпана. Я сперва подумала – он стены красил, а потом ошеломленно поняла, что это *кровь*, повсюду, и на руках тоже, густая, словно чернила. От нее пахло железом, как от трубы под раковиной. Он стоял прямо в крови – вокруг не до конца зашнурованных армейских ботинок натекла лужа. Он моргнул, так и не закрывая рта, шагнул ко мне – то ли обнять, то ли убить – и рухнул у моих ног.

Я бросилась на кухню, набрала девять-один-один. Ответила какая-то девушка-полуавтомат. Мне пришлось дважды повторить адрес. Наконец она сказала, что «скорая» уже едет, и я опять выскочила на крыльцо. Опустилась возле Андрео на колени. Попробовала стащить с него куртку, но он застонал и схватился за левый бок, ниже ребер. Я поняла, что там огнестрельная рана.

– *Yo telefoneé una ambulancia*, – сказала я («Я вызвала „скорую“»).

Я поехала с ним в больницу.

– НЕТ ТЧК ПЛОХО ТЧК ПАПА ТЧК

– *Usted va a estar bien*, – сказала я («С вами все будет хорошо»).

Санитары помчали каталку куда-то за белые двери, а дежурная – миниатюрная бойкая медсестра по фамилии Марвин дала мне кусок мыла, больничную пижаму и указала на туалет в конце коридора: у меня джинсы внизу испачкались в крови.

Переодевшись, я оставила папе сообщение на автоответчике и уселась ждать на светленьком пластмассовом стуле. Вообще-то, я боялась того, что будет, когда приедет папа. Он, конечно, мой родной папочка, но как-то не похож на других отцов – я их наблюдала в дни родительских собраний в начальной школе «Вальхалла». Те были застенчивые и разговаривали мягкими ватными голосами, а мой папа был шумный и непосредственный, действовал всегда решительно, терпением и спокойствием не отличался. Может, из-за тяжелого детства папа всю жизнь вольно обращался с глаголами «брать» и «рубить». Он постоянно что-нибудь

⁴⁸ ...О'Коннор, «Полное собрание рассказов»... – Фланнери О'Коннор (1925–1964) – американская писательница, написала два романа и тридцать рассказов, вошла в американскую литературу как один из наиболее ярких и глубоких мастеров южной готики. Полное собрание ее рассказов было составлено и опубликовано посмертно.

⁴⁹ *¡Buenas Noches! ¡Qué sorpresa!* – Добрый вечер! Какой сюрприз! (*исп.*)

рубил: ладонью воздух, правду-матку, сплеча, сук, на котором сидит. А также брал – на себя ответственность, быка за рога, кого-нибудь на понт, смелостью города и так далее. Что касается взгляда на жизнь в целом, тут папа напоминал микроскоп, в котором с помощью винта можно настраивать резкость и любые объекты видеть всегда в фокусе. Он не терпел никакой расплывчатости, мутности и нечеткости.

Папа ворвался в отделение травматологии с криком:

– Что, черт подери, здесь происходит? Где моя дочь?!!

Сестру Марвин точно ветром сдуло.

Убедившись, что я жива-здорова, не страдаю от огнестрельного ранения и вообще на мне нет ни царапинки, через которую могла бы проникнуть зараза от «этого хренова латиноса», папа вломился в захватанные белые двери с надписью громадными красными буквами «ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН» (папа никогда и нигде не считал себя посторонним) и потребовал немедленно ему объяснить, что случилось.

Другого бы выгнали с позором, а может, даже арестовали, но это был мой папа, ходячий «Першинг», он же народный любимец. Через две минуты вокруг него уже забегали впечатлительные медсестры, и какая-нибудь рыженькая стажерка нет-нет да и проявит интерес, напрочь позабыв о пациенте с ожогами третьей степени и о мальчишке, перебравшем ибупрофена и тихонько всхлипывающим в уголке.

– Он сейчас наверху, в хирургии, состояние стабильное, – сообщила рыженькая стажерка, подобравшись к папе почти вплотную и с улыбкой заглядывая в лицо (см. ст. «Муравей-бульдог» в кн. «Знакомьтесь: насекомые», Бадди, 1985).

– Свежая информация будет, как только доктор выйдет после операции. Давайте молиться, чтобы все обошлось благополучно! – воскликнула медсестричка (см. ст. «Рыжий лесной муравей» в кн. «Знакомьтесь: насекомые»).

Вскоре с третьего этажа, из хирургии, спустился доктор Майкл Фидс и сказал, что у Андрео пулевое ранение брюшной полости, но он выживет.

– Вы не знаете, чем он сегодня занимался? – спросил доктор. – Судя по ране, стреляли с близкого расстояния, то есть это мог быть несчастный случай. Например, чистил пистолет, а он вдруг выстрелил. С полуавтоматическим оружием такое бывает...

Папа взглядом препарировал несчастного доктора, сделал срез, поместил на безупречно чистый предметный столик микроскопа и намертво прикрепил зажимами.

– Мы с дочерью ничего не знаем об этом человеке.

– Но я так понял...

– Он дважды в неделю подстригал у нас газон, и притом некачественно. С какого перепугу он вдруг явился заливать кровью именно наше крыльцо – это вне моего понимания. Конечно, случай трагический, – продолжил папа, косясь на меня. – Моя дочь была рада спасти ему жизнь, обеспечить бедняге квалифицированную медицинскую помощь, или как там это называется, но я вам прямо скажу, доктор...

– Доктор Фидс, – подсказал доктор Фидс. – Майк.

– Я вам скажу, доктор Мидс, мы с этим типом никак не связаны, и я не позволю втягивать мою дочь в его темные делишки – азартные игры, мафиозные разборки или еще какую-нибудь уголовщину. Больше мы к этой истории никакого касательства не имеем!

– Понимаю, – тихо ответил доктор Фидс.

Папа, коротко кивнув, положил мне руку на плечо и вывел за белые, сильно захватанные двери.

Ночью я долго лежала без сна, представляя себе трогательную встречу с Андрео в зарослях филиппинских фиг и маранты Макоя. Его кожа будет пахнуть какао и ванилью, моя – страстоцветом. И застенчивость больше не будет меня сковывать. После того как человек пришел к тебе с огнестрельным ранением и его кровь залила тебе руки, носки и джинсы, вас свя-

зывают прочные узы, которые никакому папе не дано постичь. *¡No puedo vivir sin mi vida! ¡No puedo vivir sin mi alma!* (Жить не могу без моей жизни! Жить не могу без моей души!)

Он проводит рукой по своим густым волосам, черным и блестящим.

– ТЫ СПАСЛА МНЕ ЖИЗНЬ ТЧК КОГДА-НИБУДЬ Я УГОЩУ ТЕБЯ ПУЭРТОРИКАНСКОЙ ЕДОЙ ТЧК

Но разговору этому не суждено было состояться.

На следующее утро нас посетила полиция, мы с папой дали показания, а потом я потребовала, чтобы мы поехали в больницу Святого Матфея. Я везла с собой дюжину розовых роз («Дарить этому парню красные розы я тебе не позволю! Должны быть какие-то границы!» – орал папа в цветочном отделе супермаркета, где на нас обернулись две покупательницы с мелкими детьми). Еще я везла согретый молочный коктейль с шоколадным вкусом.

Андрео в больнице не оказалось.

– Часов в пять утра ушел из палаты, – сообщила медсестра Джоанна Коун (см. ст. «Гигантский цепкохвостый сцинк» в кн. «Энциклопедия живых существ», 4-е изд.). – Мы проверили его полис. Он предъявил поддельную карточку. Врачи считают, он потому и сбежал, но тут такое дело... – Сестра Коун подалась вперед, выпятив круглый розовый подбородок, и зашептала многозначительно (вот так же, наверное, она шептала мистеру Коуну, чтоб не спал во время церковной службы): – Он по-английски ни слова сказать не мог. Доктор Фидс так и не добился, кто в него стрелял. И полицейские тоже не знают. Я что подумала... Так, просто по интуиции, вдруг он из этих, нелегалов, которые сюда приезжают ради хорошей работы с больничными и пенсией? В нашем районе и раньше такие попадались. Моя сестра Шейенн видела целую толпу в очереди у кассы в магазине «Мир электроники». Знаете, как они пробираются? Ночью, на надувных плотках. Из самой Кубы плывут, сбегает от Фиделя. Вы меня понимаете?

– Ходят такие слухи, – уклончиво ответил папа.

Он велел сестре Коун позвонить в Американскую автомобильную ассоциацию, и когда мы вернулись домой, эвакуаторы уже увозили грузовичок Андрео. Под раскидистым баньяном стоял большой белый фургон со скромной надписью «Промышленная очистка и Ко». Фирма специализировалась по уборке на месте преступления. По папиной просьбе они подъехали к нам от Батон-Руж (полчаса езды) и отчистили кровь Андрео с асфальта, парадного крыльца и близлежащих папоротников.

– Пусть этот печальный случай останется в прошлом, облачко мое, – сказал папа, сжимая мне плечо и махая рукой суровой сотруднице «Промышленной очистки» по имени Сьюзен, лет сорока – сорока пяти, в ослепительно-белом комбинезоне и зеленых резиновых перчатках выше локтя. Она вступила на наше крыльцо, как космонавт ступает на Луну.

В местной газете поместили заметку об Андрео («ИНОСТРАНЕЦ С ПУЛЕВЫМ РАНЕНИЕМ ИСЧЕЗ ИЗ БОЛЬНИЦЫ»). На том и закончился, как выразился папа, инцидент «Вердуга» (небольшой скандалчик, мимолетно омрачивший безупречно организованную жизнь города).

Прошло три месяца. Мирты и маниоки окружили дом плотной стеной, лианы окончательно заплели столбики крыльца и водосточные трубы и уже подумывали штурмовать крышу, когда лучи солнца даже к полудню не решались сунуться в подлесок, а от Андрео по-прежнему не было никаких вестей. В феврале мы с папой переехали в город Роско, расположенный в штате Мичиган, на официальной родине белки бурундуковой. Я не произносила вслух имени Андрео и молчала, якобы от безразличия, когда папа его вспоминал («Интересно, что стало с тем латиноамериканским бандитом»), но думала о нем постоянно. Мой немногословный егерь, мой Хитлиф, мое «что-то настоящее».

Был еще один случай.

Мы с папой жили в городе Несселз, штат Миссури. Мое пятнадцатилетие отметили в закусочной «Картофельные драники», а потом пошли бродить по «Уол-Марту»⁵⁰ – выбирать мне подарки. («Воскресенье в „Уол-Марте“! – сказал папа. – Массовый пикник на футбольном поле с небывалыми скидками, чтобы Уолтоны могли купить себе лишний замок на юге Франции»). Он пошел в ювелирный отдел, а я пока изучала отдел электроники и вдруг, подняв глаза, увидела человека с косматой гривой черных, как бильярдный шар «восьмерка», волос. Человек стоял ко мне спиной, разглядывая цифровые видеокамеры. На нем были выцветшие джинсы, серая футболка и бейсбольная кепка камуфляжной расцветки, низко надвинутая на лоб.

Лица почти не видно – только краешек небритой загорелой щеки, – но тут он двинулся к полкам с телевизорами, и сердце у меня отчаянно заколотилось. Я мгновенно узнала эту манеру сутулиться, этот вздох напоказ и замедленные, словно под водой, движения. Сразу повеяло Таити. Такие люди в любое время суток, сколько бы работы ни предстояло сделать, умеют закрыть глаза – и тотчас отступает реальность с клочковатыми газонами, рычащими газонокосилками и угрозами нанимателя немедленно уволить к чертям собачьим. Просто он уже на Таити, совершенно обнаженный, пьет коктейль из скорлупы кокосового ореха, и такая кругом тишина, только ветер шуршит щеточками перкуссии и чуть слышно доносятся девичьи вздохи океана. (Очень немногие рождаются со способностью к Таити, хотя естественная предрасположенность наблюдается у греков, турок и южноамериканцев. В Северной Америке одаренные особи встречаются преимущественно среди канадцев, особенно в районе Юкона, а в США их можно отыскать только среди хиппи и нудистов первого-второго поколения.)

Я пошла следом – убедиться, что это на самом деле не он, просто кто-то очень похожий, но с приплюснутым носом или с отметиной на лбу, как у Горбачева. А он уже миновал телевизоры и направлялся к отделу аудиотехники, словно в полусне (временами на него находило такое настроение, оттого он и не ухаживал как следует за орхидеями фаленописис). Я метнулась в другую сторону, проскочила мимо стеллажей с компакт-дисками, мимо стойки с альбомом Бо Кейт Бэдли «Свидание в стиле хонки-тонк» и картонным плакатиком «РАСПРОДАЖА», но когда заглянула за надпись «Музыкант месяца», тот человек уже скрылся в фотоцентре.

– Есть приличные скидки? – неожиданно раздался над ухом папин голос.

– Ой... Не-а.

– Тогда пошли со мной в отдел «Сад и патио». Я, кажется, нашел то, что нужно! Джакузи «Пляжная симфония» со встроенной стереосистемой и особым режимом массажа спины и шеи. Цена *значительно* снижена. Скорей, а то не успеем!

Я кое-как отвертелась под неубедительным предлогом, будто хочу заглянуть в отдел одежды. Папа бодро двинулся к «Домашним любимцам», а я шмыгнула в фотоцентр. Того человека уже не было. Я проверила «Аптеку», «Подарки», «Цветы». В «Игрушках» краснотеткая тетка шлепала своих детишек, в ювелирном парочка латиноамериканцев, видимо муж с женой, рассматривали наручные часы, в отделе оптики какая-то старушка лихо примеряла громадные очки с тонированными стеклами. Я пробежала мимо толпы ненормальных мамашек в отделе для грудничков, очумелых новобрачных в отделе ванн, проскочила отдел домашних животных – там папа беседовал с золотой рыбкой о свободе («Плохо живется в кутузке, а, старичок?») – и отдел товаров для шитья, где лысый дядька вдумчиво оценивал достоинства бело-розового ситца. Я подвергла строгому досмотру кафе и очереди у касс и даже отдел жалоб и предложений, возле которого раскормленный ребеночек с визгом поддавал ногой конфету.

⁵⁰ ...бродить по «Уол-Марту»... – «Уол-Март» (Wal-Mart Stores, Inc) – американская компания-ритейлер, управляющая крупнейшей в мире розничной сетью, действующей под торговой маркой Walmart.

Но и здесь *того человека* не было. Не выйдет смущенной радости узнавания, и никакого тебе «ЛЮБОВЬ ЗАГОВОРИТ ТЧК И НЕБЕСА ТЧК БАЮКАЕТ СОГЛАСНЫЙ ХОР БОГОВ ТЧК»⁵¹.

Уныло вернулась я в фотоцентр и тут обратила внимание на проволочную тележку, брошенную посреди прохода. Пустую, – и у того человека была пустая, поклясться могу! – только на дне лежал маленький пакетик с надписью «ШелестTM, осенний набор».

Я озадаченно пощупала пакетик. Внутри хрустели синтетические листья. На обороте я прочла: «ШелестTM, осенний набор, объемные листья деревьев разных пород, из искусственных материалов. Наклейте их на камуфляж, и даже самый чуткий зверь не различит вас среди лесной зелени. ШелестTM – мечта охотника!»

– Ты что, на оленей охотиться собралась? – поинтересовался папа, неожиданно возникнув у меня за спиной. Потом он принялся. – Что за кошмарная вонь – мужской одеколон, синтетический хвойный запах... Я везде тебя искал. Думал уже, ты сгинула в черной дыре под названием «общественный туалет».

Я бросила пакетик обратно в тележку.

– Показалось, что увидела знакомых.

– Да? А скажи-ка мне, какую интуитивную реакцию вызывают у тебя следующие слова: «колониальный стиль», «натуральное дерево», «патио», «защита от солнца», «защита от ветра», «защита от черта-дьявола»? Потрясающая цена – всего двести девяносто девять долларов. И симпатичный такой ярлычок с девизом фирмы: «Мебель для патио – не просто мебель. Это состояние души». – Папа усмехнулся и обнял меня за плечи, мягко подталкивая к соседнему отделу. – Плачу десять тысяч долларов, если кто сможет мне объяснить смысл этой фразы!

Мы покинули «Уол-Март» с мебелью для патио, кофемашиной и золотой рыбкой, выпущенной на поруки (бедняжка не пережила свободы и на второй день вольного житья всплыла брюхом кверху). Я убедила себя, что «вряд ли» и «очень маловероятно», а все-таки еще не один месяц не могла выбросить из головы мысль, что это на самом деле был он – беспокойный и переменчивый Хитклиф. День за днем он бродил по всем «Уол-Мартам» Америки, разыскивая меня среди безлюдных торговых залов.

⁵¹ ...«ЛЮБОВЬ ЗАГОВОРИТ ТЧК И НЕБЕСА ТЧК БАЮКАЕТ СОГЛАСНЫЙ ХОР БОГОВ ТЧК». – Искаженная цитата из комедии Шекспира «Бесплодные усилия любви», действие IV, сцена 3, перевод Ю. Корнеева.

Глава 4. «Дом о семи фронтонах», Натаниэль Готорн

Естественно, идея Постоянного дома (то есть любого жилища, где мы с папой прожили бы дольше девяноста дней – именно столько времени американский таракан способен просуществовать без еды) – так вот, идея эта была для меня несбыточной мечтой, воздушным замком, все равно что для советского человека тоскливой зимой 1985 года – грезы о новеньком кадиллаке «купе-де-вилль» с голубыми кожаными сиденьями.

Не сосчитать, сколько раз я показывала папе на карте автомобильных дорог Нью-Йорк или Майами.

– Или Чарльстон! Почему нельзя преподавать «Урегулирование конфликтов» в цивилизованном месте, в Университете Южной Каролины?

Прислонившись головой к окну, полузадушенная ремнем безопасности, одуревшая от мелькающих перед глазами бесконечных полей, я мечтала, как мы с папой когда-нибудь где-нибудь осядем... словно пыль. Не важно где, лишь бы осесть.

Папа неизменно высмеивал меня за сентиментальность («Как можно отказаться от путешествий? Не понимаю! Неужели *моя* дочь хочет стать глупой и скучной, словно сувенирная пепельница, словно обои в цветочек или вон та вывеска... Да-да, вон та, „Большой фруктовый десерт, девяносто девять центов“. Так и буду теперь тебя звать: Большой Фруктовый Десерт»). В результате я уже и не пыталась прерывать наши дорожные обсуждения «Одиссеи» (Гомер, античность) или «Гроздьев гнева» (Стейнбек, 1939) любыми намеками на такие литературные темы, как «Родина», «Почва», «Отчий дом». И вдруг папа с невероятным пафосом объявил, когда мы ели пирог с ревенем в придорожном кафе «Быстрый перекус» на окраине Ломейна, штат Канзас («Дин-дон, злой ведьмы больше нет!»⁵² – пропел он, пугая официантку), что весь выпускной учебный год, все семь месяцев и девятнадцать дней, мы с ним будем жить в одном и том же месте: в городе Стоктоне, штат Северная Каролина.

Как ни странно, название города было мне знакомо, и не только потому, что я пару лет назад прочла на обложке журнала «Венчурс» статью «Пятьдесят городов, где лучше всего поселиться, выйдя на пенсию» – тридцать девятое место в списке занимал как раз Стоктон (население 53 339 чел.) где-то в Аппалачах, весьма гордый своим прозвищем (Флоренция американского Юга). Этот город в горах фигурировал еще и в увлекательном отчете ФБР о беглецах из Джексонвилля, в основанной на реальных событиях книге «Беглецы» (Пилларс, 2004) о том, как трое преступников сбежали из флоридской тюрьмы и двадцать два года скрывались от правосудия в заповеднике Грейт-Смоки-Маунтинс. Питались оленями, кроликами, скунсами и объедками, оставшимися от туристов. Так бы их и не поймали («Заповедник настолько огромен, что в нем легко могло бы спрятаться стадо розовых слонов», по выражению автора, отставной сотрудницы-спецагента Джанет Пилларс), да только один из троих не смог побороть навязчивого желания посетить местный универмаг. В пятницу осенним вечером 2002 года Билл Пайкс по кличке Котлован явился в Стоктон, в торговый центр «Аркада Динглбрук», где купил несколько белых рубашек и съел пирожок с ветчиной и сыром. Тут его и опознал кассир закусочной «Синнабон». Двоих из преступной троицы поймали, а третий, известный только по прозвищу (Эд Неряха), остался на свободе и затерялся в горах.

Папа о Стоктоне:

– Обыкновенный занудный городишко, как и любой другой, где я могу заработать жалкие гроши в Университете Северной Каролины, а ты – обеспечить себе место в Гарварде на следующий год.

⁵² «Дин-дон, злой ведьмы больше нет!» – песня из фильма «Волшебник страны Оз» (*The Wizard of Oz*, 1939); в главной роли Джуди Гарленд.

– Круто-круто, – сказала я.

Август перед учебным годом мы провели в Портсмуте, штат Мейн, в кондотеле «Волны Атлантики», и там папа довольно близко познакомился с некой миз Дайаной Л. Сизонс – старшим юристом риелторского агентства «Шервиг Риэлти» с головным офисом в Стоктоне. Дайана специализировалась по долгосрочной аренде недвижимости и могла похвастаться внушительным послужным списком. Раз в неделю она присылала папе глянцевые фотографии сдающихся внаем домов, скрепками прикалывая к ним записочки от руки, на фирменных бланках: «Дивный оазис в горах!»; «Южное очарование!»; «Изысканно и нестандартно, прямо в любимчиках у меня!».

Папа, известный своей привычкой играть с влюбленными продавщицами, как хищники саванны играют с раненой антилопой гну, все откладывал окончательное решение насчет дома, а на вечерние звонки Дайаны («Просто хотела поинтересоваться, как вам понравился номер 52 по улице Первоцвета!») отвечал с меланхолической неуверенностью и протяжными вздохами. В записочках Дайаны начали прорываться истерические нотки («До конца лета ждать не будет!»; «Улетит как горячие пирожки!»).

В конце концов папа прекратил мучения риелторши, выбрав один из самых эксклюзивных вариантов – полностью обставленный дом 24 по Армор-стрит, номер первый в списке «Лучших предложений».

Меня это поразило. Папа, уж конечно, не зарабатывал золотых гор лекциями в Государственном колледже города Хиксбурга или Университете Канзаса в Петале («Федеральный форум» платил смешные деньги – 150 долларов за статью). Почти все наши временные пристанища были крохотными и совсем не запоминающимися – всякие там Уилсон-стрит, д. 19, и Кlover-Серкл, д. 4. И вдруг папа выбирает «Просторный дом в тюдоровском стиле, обставленный с поистине королевской роскошью». На глянцевой фотографии дом был похож на лежащего двугорбого верблюда-бактриана исполинских размеров (как выяснилось позже, фотограф постарался всячески скрыть тот факт, что верблюд находится в процессе линьки. Водопроводные трубы держались на честном слове, а украшавшие фасад косые деревянные балки отвалились уже в осеннем полугодии).

Не успели мы въехать в дом номер 24 по Армор-стрит, как папа в первую же минуту, по своему обычаю, начал изображать Леонарда Бернстайна⁵³, дирижируя грузчиками транспортной компании «Перышко», словно это не просто Ларри, Родж, Стью и Грег, мечтающие поскорее отделаться от работы и пойти пить пиво, а симфонический оркестр, составленный из струнных, медных и деревянных духовых, а также ударных инструментов.

Я потихоньку удрала и пошла в одиночестве осматривать дом и сад. В доме оказались не только «ПЯТЬ СПАЛЕН, КУХОННЫЙ РАЙ С ОТДЕЛКОЙ ИЗ ГРАНИТА И ДРЕВЕСИНЫ ТВЕРДЫХ ПОРОД, ВСТРОЕННЫМ ХОЛОДИЛЬНИКОМ И СДЕЛАННЫМИ НА ЗАКАЗ СОСНОВЫМИ ШКАФЧИКАМИ», но еще и «ХОЗЯЙСКИЕ АПАРТАМЕНТЫ С МРАМОРНОЙ ВАННОЙ, ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ПРУД С РЫБКАМИ И БИБЛИОТЕКА – МЕЧТА КНИГОЧЕЯ».

– Пап, а как мы за все это будем платить?!

– М-м? А, об этом не волнуйся... Извините, эту коробку обязательно нести боком? Видите вот тут стрелочку и надпись «Не кантовать»? Да-да, это значит – не кантовать!

– Дорого же!

– Ничего не дорого. Я вам уже говорил, могу повторить: это нужно отнести в гостиную. Не сюда, а в гостиную, и, пожалуйста, не уроните! Так вот, моя радость, я за последний год кое-что скопил. Не *сюда*! Видите ли, у нас с дочерью есть определенная *система*. Да-да, если

⁵³ ...изображать Леонарда Бернстайна... – Леонард Бернстайн (1918–1990) – выдающийся американский композитор, пианист и дирижер.

потрудитесь взглянуть, на коробках имеются *надписи* несмываемым маркером, и эти надписи обозначают те или иные *комнаты* в доме. Верно! Золотую медаль вам!

Струнные с громадной коробкой в руках протиснулись мимо нас в «КУХОННЫЙ РАЙ».

– Пап, давай уедем! Поживем лучше в доме 52 по улице Первоцвета.

– Не смей! Мы с мисс Сизонс договорились о вполне разумной цене. Да, это несите в подвальный этаж, в кабинет, и обратите внимание – в этой коробке действительно бабочки, так что ее не надо тащить волоком. Вы что, читать не умеете? Полегче там!

Медные Духовые неуклюже затопали вниз по лестнице, унося здоровенную коробку с надписью «БАБОЧКИ. ХРУПКОЕ».

– А, что? Ну-ну, давай-ка расслабься и получай удовольствие...

– Пап, у нас нет таких денег!

– Э-э... Я понимаю твою мысль, солнышко, ты, наверное, по-своему права... – Папа поднял взгляд к лепному потолку, с которого на высоте трех с половиной метров свисала громадная бронзовая люстра, словно перевернутая модель извержения вулкана Тамбора в 1815 году («Индонезия и Огненное кольцо»⁵⁴, Прист, 1978). – Чутьку затейливей, чем мы с тобой привыкли, но почему бы нет? Нам здесь целый год жить все-таки. Так сказать, последняя глава перед твоим выходом в широкий мир. По крайней мере, будет что вспомнить.

Поправив очки, папа вновь склонился над распечатанной коробкой с надписью «ПОСТЕЛЬНОЕ БЕЛЬЕ», словно Джин Питерс, раздумывающая, стоит ли бросить монетку в фонтан Треви и загадать желание.⁵⁵

Я вздохнула. Давно уже стало ясно, что папа намерен устроить из моего последнего школьного года нечто грандиозное (отсюда и бактриан, и прочие излишества в духе тетушки Мэйм⁵⁶; о них я расскажу чуть позже). И в то же время он страшился предстоящего года – потому и смотрел так уныло в коробку с постельным бельем. Одна из причин – ему даже думать не хотелось о том, что в конце концов нам придется расстаться. Мне тоже тяжело было думать о расставании. Покинуть папу – все равно что разодрать на клочки старые американские мюзиклы: разлучить Роджерса с Хаммерстайном, Лоу⁵⁷ с Лернером⁵⁸, Комден⁵⁹ с Грином.⁶⁰

⁵⁴ *Индонезия и Огненное кольцо* – Огненный пояс Земли, или Тихоокеанское вулканическое кольцо, – самая активная вулканическая зона Земли. Тихоокеанское ложе окаймляют более 300 активных вулканов, или 75 % всех действующих вулканов в мире. Вулканы протянулись цепью в 40 тысяч км по краям океана, образуя грандиозное кольцо диаметром около 10 тысяч км. Цепь вулканов проходит через Камчатку, Курильские, Японские, Филиппинские острова, Восточную Индонезию и Новую Зеландию, далее через Антарктиду по Южной и Северной Америке и замыкается на Аляске и Алеутских островах.

⁵⁵ ...словно Джин Питерс, раздумывающая, стоит ли бросить монетку в фонтан Треви и загадать желание. – Имеется в виду американский фильм «Три монетки в фонтане» (*Three Coins in the Fountain*, 1954). Одну из главных ролей в нем исполнила Джин Питерс (1926–2000) – американская киноактриса, звезда студии *20th Century Fox* конца 1940–1950-х гг.

⁵⁶ ...и прочие излишества в духе тетушки Мэйм... – «Тетушка Мэйм» (1955) – роман Патрика Денниса о невероятных приключениях мальчика, после смерти отца оказавшегося под опекой эксцентричной тетушки. Прообразом тетушки стала родная тетя Денниса, Марион Таннер. По роману была поставлена пьеса, а также мюзикл, сняты фильм и музыкальный фильм.

⁵⁷ Фредерик Лоу (Фриц Лёве, 1901–1988) – американский композитор австро-немецкого происхождения. Созданный им совместно с А. Лернером мюзикл «Моя прекрасная леди» (1956) вошел в сокровищницу мировой музыкальной культуры.

⁵⁸ Алан Джей Лернер (1918–1986) – американский либреттист и автор текстов к песням. Работал с Фредериком Лоу, а позднее – с Бертоном Лейном. Среди прочих наград трижды удостоен премии «Тони» (*Antoinette Perry Award for Excellence in Theatre*) и трижды – «Оскара».

⁵⁹ Бетти Комден (1917–2006) и Адольф Грин (1914–2002) за 60 лет совместной работы создали множество песен и сценариев популярных музыкальных фильмов.

⁶⁰ ...все равно что разодрать на клочки старые американские мюзиклы: разлучить Роджерса с Хаммерстайном, Лоу с Лернером, Комден с Грином. – Композитор Ричард Роджерс (1902–1979) и автор текстов к песням Оскар Хаммерстайн II (1895–1960) составляли знаменитый авторский тандем 1940–1950-х гг., специализировавшийся в жанре мюзикла. Это партнерство считается наиболее успешным в истории Бродвейского музыкального театра. Среди написанных ими совместно бродвейских мюзиклов пять таких знаменитых, знаковых, как «Оклахома!» (1943) (их первая совместная работа в новом для того времени жанре музыкальной пьесы), «Карусель» (1945), «Юг Тихого океана» (1949), «Король и я» (1951) и «Звуки музыки» (1959), оказавших огромное влияние на музыкальный театр того времени.

Мне кажется, была еще и другая причина папиной грусти, и даже более важная. Целый год на одном месте, безусловно, скучный абзац в его захватывающей воображаемой биографии, в главе двенадцатой, «Америка: путешествия и преподавательская деятельность».

– Всегда представляй себе, что о твоей жизни напишут книгу, – повторял папа. – Само собой, ее не напечатают, пока не обзаведешься Веской Причиной, зато жить будешь с размахом.

Мне было ясно до боли, что в папиных мечтах его посмертная биография будет не в духе таких жизнеописаний, как «Генри Киссинджер: человек и власть» (Джонс, 1982) или даже «Доктор Ритм. Жизнь Бинга Кросби»⁶¹⁶² (Грант, 1981), а скорее сравнима с Новым Заветом или Кораном.

Совершенно ясно, что папа, хоть никогда этого не говорил, обожал быть в движении, в дороге, в гуще событий. Любые остановки, вокзалы, пункты прибытия вгоняли его в тоску. И ничего, что он не успевал даже выучить имена студентов в очередном университете, придумывая взамен прозвища, например: Очень Много Вопросов, Очки Как У Лемура, Улыбка До Ушей и Сидит Слева.

Иногда мне становилось страшно: вдруг для папы дочь – это последняя остановка? Финишная черта? Когда на него находило настроение «бурбон», я боялась: может, ему хочется бросить меня и Америку и уехать в бывший Заир, ныне Демократическую Республику Конго (в Африке «демократический» – сленговое словечко, употребляется просто для красоты, примерно как «обалденно» или «ошизел»). Возглавить там борьбу местных угнетенных за свободу, словно Че, Троцкий и Спартак в одном флаконе. Когда папа рассказывал о четырех незабвенных месяцах в бассейне реки Конго в 1985 году и как он там общался «с самыми душевными, трудолюбивыми, самыми настоящими» людьми, вид у него становился какой-то эфемерный, точно у постаревшей кинозвезды эпохи немого кино, сфотографированной слегка не в фокусе.

В такие минуты я подозревала, что он втайне мечтает вернуться в Африку и устроить там революцию, единолично стабилизировать обстановку в ДРК (разгромив вооруженные силы хуту), а затем обратиться к другим странам, ожидающим освобождения, словно прекрасные девы, прикованные к железнодорожным рельсам (Ангола, Камерун, Чад). Когда я высказывала свои опасения вслух, папа, конечно, смеялся, но смеялся недостаточно весело. Какой-то неубедительный был у него смех, и невольно приходила мысль – неужели я, забросив удочку наугад, нечаянно выловила громадную, самую невероятную рыбину? Глубоководный папин секрет, никем еще не наблюдавшийся и не подвергавшийся научной классификации: папа мечтал быть героем, великим борцом за свободу, из тех, кого рисуют на плакатах и печатают на сотнях тысяч футболок в марксистском берете, со взором мученика и жиденькими усиками (см. «Портреты замечательных людей», М. Горький, 1978)⁶³.

И еще эта несвойственная ему мальчишеская манера, с которой папа втыкал очередную кнопку в карту, объявляя новое место назначения выпендренным речитативом (папина версия рэпа):

– Следующая остановка – город Спирс, штат Южная Дакота, символ штата – фазан обыкновенный, прочие достопримечательности: черноногий хорек, национальные парки Бэдлендс,

⁶¹ Гарри Лиллис «Бинг» Кросби (1903–1977) – американский певец и актер, один из самых успешных исполнителей в США. Создатель и мастер эстрадно-джазовой крунерской манеры пения. Исполнитель многих известных песен в стиле свинг и диксиленд.

⁶² ...«Генри Киссинджер: человек и власть» (Джонс, 1982) или даже «Доктор Ритм. Жизнь Бинга Кросби»... – Обе книги, по всей вероятности, вымышлены. Генри Альфред Киссинджер (Хайнц Альфред Киссингер, р. 1923) – американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений. Советник по национальной безопасности США в 1969–1975 гг. и государственный секретарь США с 1973 по 1977 г. Лауреат Нобелевской премии мира (1973).

⁶³ ...«Портреты замечательных людей», М. Горький, 1978... – Англоязычный перевод книги М. Горького «Портреты замечательных людей» (1936).

Блэк-Хиллс, Мемориал Неистового Коня⁶⁴, столица – Пирр, крупнейший город – Су-Фолс, реки: Моро, Шейен, Уайт-Ривер, Джеймс...

А сейчас он смотрел, как Ударные и Деревянные Духовые тащат тяжеленный ящик к отдельному крыльцу с навесом, ведущему в «ПРОСТОРНЫЕ ХОЗЯЙСКИЕ АПАРТАМЕНТЫ».

– Ты можешь занять большую спальню на втором этаже, – сказал папа. – Да хоть весь второй этаж забирай, если хочешь. Чем плохо? Почему нам для разнообразия не пожить как Кубла-хан в волшебной стране Ксанад?⁶⁵ Поднимись наверх, там тебя ждет сюрприз. Я думаю, тебе понравится. Мне пришлось подкупить одну домохозяйку, одну риелторшу, двух продавцов мебели, распорядителя аукциона... Так, послушайте! Да-да, я к вам обращаюсь! Будьте добры, соизвольте спуститься и помочь своему соотечественнику распаковать вещи для моего кабинета. А то он, кажется, провалился в кроличью нору.

Обычно папины сюрпризы, и большие, и маленькие, носили просветительский характер: полный комплект «Энциклопедии физического мира» Ламюр-Франса 1999 года, перевод с французского, в Соединенных Штатах не продается («У всех нобелевских лауреатов такая есть», – сказал папа).

Но на этот раз, войдя в огромную комнату, оклеенную голубыми обоями, с пасторальными картинами на стенах и громадными полукруглыми окнами в пупырчатых шторах из стеклянных бусин, я обнаружила не редкое подпольное издание *Wie schafft man ein Meisterwerk*, то бишь «Как создать шедевр: пошаговое руководство» (Линт, Штеггерт, Кью, 1993). У окна в углу стоял мой старый письменный стол в стиле «Гражданина Кейна»⁶⁶. Титанических размеров, из древесины грецкого ореха, могучий письменный стол в стиле нового Возрождения – тот самый, за которым я делала уроки восемь лет назад в доме 142 по Телвуд-стрит, в городе Уэйн, штат Оклахома.

Папа купил этот стол неподалеку от Талсы, на распродаже имущества лорда и леди Хиллиер. На распродажу его жарким воскресным днем затащила очередная июньская букашка, торгующая антиквариатом, Парти Люпин по прозвищу Купите Недорого. Едва увидев этот стол (который впятером еле затащили на возвышение), папа уже никого, кроме меня, за ним не представлял (хотя у меня в мои тогдашние восемь лет размах крыла не достигал и половины ширины столешницы). Папа заплатил за это чудо какую-то невероятную сумму – сколько именно, так и не признался – и торжественно объявил, что это «письменный стол для Синь», стол, «достойный моей маленькой овечки, за которым она сможет открыть миру свои Великие Мысли». Неделю спустя у папы не приняли к оплате два чека – один в продуктовом, другой в университетской книжной лавке. Я не сомневалась, что виной тому «запредельная цена, которую он выложил на аукционе», по словам «Купите недорого». Хотя папа уверял, что просто напутал в бухгалтерских подсчетах:

– Десятичную запятую не там поставил.

А потом – какое разочарование! – оказалось, что открывать миру Великие Мысли я могла только в Уэйне. Забрать стол с собой во Флориду, в город Слудер, не получилось. Транспорт-

⁶⁴ Мемориал Неистового Коня – высеченная в скале скульптура индейского вождя по имени Неистовый Конь, строится с 1948 г.

⁶⁵ ...как Кубла-хан в волшебной стране Ксанад? – «Кубла-хан, или Видение во сне» – поэма Сэмюэля Тейлора Кольриджа, так и не оконченная, начата в 1797 г. Ксанаду (в переводе Бальмонта – Ксанад) – страна, где жил Кубла-хан, и в то же время поместье Чарльза Фостера Кейна из знаменитого фильма Орсона Уэллса «Гражданин Кейн» (1941).

⁶⁶ ...в стиле «Гражданина Кейна». – «Гражданин Кейн» (*Citizen Kane*, 1941) – первый полнометражный фильм 25-летнего Орсона Уэллса, который сыграл в нем главную роль. Финансировала съемки кинокомпания «РКО Радио Пикчерс» (*RKO Radio Pictures*). На протяжении нескольких десятилетий регулярно побеждал в масштабных опросах кинопрофессионалов как «лучший фильм всех времен и народов». Фильм рассказывает историю жизни медиамагната Чарльза Фостера Кейна, прототипом которого послужил Уильям Рэндольф Херст.

ная фирма не оправдала свой рекламный слоган: «Все берем с собой». Попросту стол не влез в грузовой фургон. Я бурно рыдала и обозвала папу рептилией, словно мы покинули без присмотра любимого черного пони в пустой конюшне, а не всего лишь здоровенный стол с резными ножками в виде птичьих лап и семью выдвижными ящиками, запирающимися на семь разных ключей.

Сейчас, в Стоктоне, я вихрем слетела по «ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ДУБОВОЙ ЛЕСТНИЦЕ». Папа отыскался в подвале – он бережно вскрывал коробку с надписью «БАБОЧКИ. ХРУПКОЕ», где лежала мамина коллекция – шесть застекленных витрин, над которыми мама работала перед смертью. В каждом новом доме папа, не жалея времени, развешивал их на стене, всегда на одном и том же месте – напротив своего рабочего стола. Тридцать две красотки, навеки застывшие в заколдованном конкурсе красоты. Потому папа и не любил, когда июньские букашки – и вообще кто угодно посторонний – хозяйничали у него в кабинете. Ведь самое душераздирающее в чешуекрылых – не расцветка, и не внезапная мохнатость усиков бабочки павлиний глаз, и даже не то щемящее чувство, которое появляется, когда смотришь на существо, еще вчера порхавшее в воздухе, а сейчас припиленное на булавке под стеклом, с нелепо расправленными крылышками. Главное – что в них живет моя мама. Как сказал однажды папа, в них можно увидеть ее лицо крупным планом, отчетливей, чем на любой фотографии (нагл. пос. 4.0). Мне тоже всегда казалось, что эти бабочки обладают какой-то странной притягательностью – смотришь на них и как будто залипаешь, трудно отвести взгляд.

[НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ 4.0]

– Ну как, понравилось? – бодро поинтересовался папа, взяв в руки застекленную рамку и сосредоточенно осматривая уголки.

– Идеально! – ответила я.

– Правда ведь? На этой идеальной поверхности можно начертать такую вступительную работу, чтобы гарвардские седобородые затрепетали в своих парадных панталонах!

– Только... Сколько же это стоило, выкупить его снова? Да еще и доставка...

Папа глянул на меня:

– Тебе не говорили, что цену подарка не спрашивают?

– Сколько?! За все в целом?

Папа долго смотрел на меня в упор, потом сказал со вздохом:

– Шестьсот долларов.

Положил рамку с бабочками в коробку, коротко сжал мое плечо и отправился на первый этаж, крича, чтобы Медные и Деревянные прибавили темп.

Он врал. Я знала наверняка – не только потому, что, произнеся «шестьсот», он отвел глаза в сторону, а доктор Фриц Рудольф Шейцер в своей работе «Поведение разумных существ» (1998) утверждает, что расхожее мнение, будто при вранье человек невольно отводит глаза, «в точности соответствует истине», но еще и потому, что, разглядывая стол со всех сторон, я нашла привязанный к ножке красненький ярлычок с ценой: 17 000.

Я взбежала по лестнице. Папа в коридоре изучал содержимое очередной коробки: «КНИГИ. БИБЛИОТЕКА». Я ужасно растерялась и даже немножко расстроилась. Мы с папой давным-давно заключили Соглашение путешественников: всегда говорить друг другу Правду, «даже если она зверообразна, страшна и мерзко-вонюча». Не сосчитать, сколько в нашей жизни было случаев, когда обычный средний папа сочинил бы правдоподобную историю, лишь бы соблюсти видимость Образцового родителя, бесполого и морально устойчивого, как пряничные человечки, – взять хотя бы тот раз, когда папа пропал куда-то на сутки, а потом вернулся усталый, но довольный, точно ковбой, который только что успешно объездил норовистую лошадку. Когда я требовала Правду (а иногда я предпочитала не требовать), папа ни разу меня не подвел – даже если это позволяло, словно рентгеном, просветить его репутацию и обнаружить в ней энное количество дыр и шероховатостей.

Теперь я чувствовала, что просто обязана выяснить все до конца, иначе эта ложь проест меня насквозь (см. «Воздействие кислотных дождей на каменные горгульи», «Условия хранения», Элиот, 1999, стр. 513). Я отцепила ценник от ножки стола и весь день таскала в кармане, дожидаясь удобного момента, чтобы объявить папе шах и мат.

А потом, когда мы уже собирались ехать обедать в «Захолустный стейк-хаус», я застала папу у меня в комнате: он любовался чудо-столом, до смешного гордый и счастливый.

– Молодец я, правда? – сказал папа, потирая руки, как Дик Ван Дайк⁶⁷. – За таким столом хоть святому Петру сидеть, скажи, а?

Ну не могла я его позорить и тыкать ему в нос непозволительными расходами. Это была бы просто ненужная жестокость – все равно как если сообщить Бланш Дюбуа⁶⁸, что у нее руки дряблые, волосы секутся и вообще зря она танцует польку так близко к огням рампы.

Лучше промолчать.

⁶⁷ Дик Ван Дайк – Ричард Уэйн «Дик» Ван Дайк (р. 1925) – американский актер, комик, сценарист и продюсер. Первого успеха добился в 1960 г. на Бродвее, когда за роль в мюзикле «Пока, пташка» был удостоен премии «Тони». Спустя три года мюзикл был экранизирован, где Ван Дайк также сыграл свою роль. В 1964 г. исполнил роль Берта в киноверсии мюзикла «Мэри Поппинс», за что был номинирован на «Золотой глобус». С 1961 по 1966 г. Дик Ван Дайк был ведущим собственного телешоу на канале CBS, которое принесло ему три премии «Эмми». В 1979 г. вместе с актрисой Кэтлин Куинлан сыграл главные роли в последнем фильме Стенли Крамера, драме «И спотыкается бегущий». В 1990-е гг. актер был исполнителем роли доктора Марка Слоана в детективном телесериале «Диагноз: убийство».

⁶⁸ Бланш Дюбуа – персонаж пьесы Теннесси Уильямса «Трамвай „Желание“» (1947).

Глава 5. «Женщина в белом», Уилки Коллинз

На третий день после приезда в Стоктон мы с папой пошли за продуктами в магазин «Толстый кот», и там в секции замороженных товаров я впервые увидела Ханну Шнайдер. Я стояла около тележки с покупками, а папа выбирал мороженое.

– Величайшее открытие Америки не атомная бомба, не фундаментализм, не здоровое питание, не Элвис Пресли и даже не тонкое наблюдение, что джентльмены предпочитают блондинок⁶⁹, а то, на какую недостижимую высоту Америка вознесла мороженое. – Папа обожал выдавать такие комментарии, открыв настежь дверцу холодильника и вдумчиво изучая разные сорта «Бен энд Джерриз», при этом совершенно не замечая, что перегородил дорогу всем остальным покупателям.

Пока он рассматривал упаковки с мороженым, словно ученый, проводящий анализ ДНК по фрагменту человеческого волоса, я заметила женщину в дальнем конце прохода.

Темноволосая, тонкая, как хлыст, в траурно-черном костюме и черных туфлях на шпильке в стиле восьмидесятых (кинжалы, а не туфли). Она казалась неуместной, словно бы выцветшей в неоновом свете, под сентиментальную фоновую музыку. Однако, судя по тому, как хладнокровно она изучала пачку замороженного горошка, ей нравилось быть неуместной, словно страус в стаде буйволов. Она буквально излучала смесь удовлетворенности и легкого смущения, характерную для красивых женщин, привыкших, что на них смотрят, и поэтому я ее сразу возненавидела.

Я давно уже решила: заслуживают презрения люди, которые постоянно воображают себя объектом съемки – общим ли, средним, крупным планом или наплывом. Наверное, дело в том, что я сама абсолютно не могла себя представить участницей киносценария, хотя бы даже своего собственного. В то же время я (вместе с еще каким-то покупателем, застывшим, приоткрыв рот, с книгой о диетической кухне в руках) не могла не воскликнуть: «Тишина на съемочной площадке!» и «Внимание! Мотор!». Такая она была невероятно потрясающая и необычная, даже на большом расстоянии. Как говаривал папа в настроении «бурбон»:

– «В прекрасном – правда, в правде – красота; / Вот все, что нужно помнить на земле»⁷⁰.

Она положила горошек на место и двинулась в нашу сторону.

– «Нью-Йоркское-супер» со сливочной помадкой или то, которое с шоколадными рыбками? – спросил папа.

Каблучки-стилеты вонзались в пол при каждом шаге. Чтобы не пялиться, я неубедительно устала в описание пищевой ценности каких-то леденцов.

Папа незнакомку не замечал.

– Можно еще, конечно, взять вот это, с кусочками шоколадного печенья... О, смотри, «Сладкая фантазия». Кажется, это что-то новое, хотя даже не знаю... Зефир и... что там еще? Шоколадный бисквит? По-моему, это перебор.

Проходя мимо, незнакомка взглянула на папу, сосредоточенно исследующего холодильник, потом на меня и улыбнулась.

У нее было романтически-изысканное, безупречной лепки лицо – из тех, на которые красиво ложатся свет и тени. И еще она была старше, чем сперва показалось, – хорошо за тридцать, я думаю. А главное, ее окутывала атмосфера классического голливудского шика, в духе «Шато-Мармон»⁷¹ и РКО⁷². Никогда такого человека не видела, кроме того раза, когда мы с папой как-

⁶⁹ ...тонкое наблюдение, что джентльмены предпочитают блондинок... – «Джентльмены предпочитают блондинок» (*Gentlemen Prefer Blondes*, 1953) – известный фильм с участием Мэрилин Монро.

⁷⁰ «В прекрасном – правда, в правде – красота; / Вот все, что нужно помнить на земле». – Строки из стихотворения Джона Китса (1795–1821) «Ода греческой вазе», перевод Г. Кружкова.

⁷¹ «Шато-Мармон» – отель в Лос-Анджелесе, на бульваре Сансет. Построен в 1929 г. по образцу Шато д'Амбуаз – коро-

то под утро смотрели «Иезавель»⁷³. Ее осанка и размеренная, словно метроном, поступь (уже в отдалении, за витриной с картофельными чипсами) отдавали «Парамаунтом», крохотными стаканчиками виски и воздушными поцелуями «У Сиро»⁷⁴. А если она откроет рот, наверняка послышится не рассыпчатый современный говорок, а красивые влажные слова вроде «поклонник», «трельяж» и «мелодия» (ну, может иногда, «трель»). И людей она наверняка оценивает практически вымершими категориями: Честность, Репутация, Достоинство.

И ведь не скажешь, что она была ненастоящая. Очень даже настоящая! Выбившаяся из прически прядь... Пушинка, прилипшая к юбке... Просто очень отчетливо чувствовалось, что где-то и когда-то она была в центре внимания. И судя по уверенному, даже агрессивному выражению глаз, твердо намеревалась вернуть это прекрасное время.

– Я вот думаю, может, взять вот это, с хрустящей карамелью... Что скажешь? Синь?

Если бы участие этой женщины в моей жизни ограничилось единственным мимолетным эпизодом, словно из фильмов Хичкока, я бы и тогда, наверное, ее запомнила – может, не настолько живо, как ту жаркую летнюю ночь, когда мы впервые смотрели «Унесенных ветром» в открытом кинотеатре, причем папа непрерывно комментировал, какие в небе видны созвездия («Смотри, вон Андромеда!»), и когда Скарлетт не испугалась генерала Шермана, и когда ее стошнило от морковки, и даже тогда, когда Ретт сказал, что ему плевать.

Между тем по странной прихоти судьбы всего лишь через двадцать четыре часа видение явилось мне вновь, да еще на сей раз в роли со словами.

До начала учебного года оставалось три дня. Папа, продолжая изумлять непривычными поступками, повел меня в торговый центр «Синие горы», в отдел одежды для подростков, и там заставил перемерить кучу вещей из серии «Снова в школу», обращаясь за советами по части моды и стиля к продавщице, миз Камилле Лютерс (см. ст. «Курчавошерстный ретривер» в кн. «Энциклопедия собак», т. 1). Камилла была старшим продавцом, восемь лет проработала в отделе подростковой одежды и мало того – была в курсе новейших веяний, поскольку имела горячо любимую дочь, мою ровесницу, по имени Синнамон.

По поводу зеленых штанов, напоминающих форменную одежду китайской Народно-освободительной армии, миз Лютерс высказалась так: «Словно специально для тебя сшиты!» Она азартно приложила вешалку с брюками к моей пояснице и уставилась в зеркало, наклонив голову набок, будто к чему-то прислушивалась.

– И Синнамон тоже идеально подходят. Я ей такие же купила, она их носит не снимая!

Мнение миз Лютерс о бесформенной белой блузке на пуговицах – в таких большевики штурмовали Зимний дворец:

– И это тоже как раз для тебя! У Синнамон такие всех цветов есть. Она тоже худышка, совсем как ты. Птичьи косточки! Все думают, у нее анорексия, а на самом деле ничего подобного. Одноклассницы ей завидуют – они-то на диете сидят, лишь бы в двенадцатый размер втиснуться!

левской резиденции во Франции, в долине реки Луары. Сейсмоустойчивый по конструкции, отель пережил крупные землетрясения в 1933, 1953, 1971, 1987 и 1994 гг., а в 1940-е служил окрестным жителям бомбоубежищем. В помещениях отеля снимались эпизоды множества фильмов.

⁷² PKO (*Radio-Keith-Orpheum Pictures*) – последняя по времени основания и наименьшая по оборотам из пяти студий-мейджоров классического Голливуда.

⁷³ «Иезавель» (*Jezebel*, 1938) – романтическая драма. В главных ролях – Бетт Дэвис и Генри Фонда. Действие фильма происходит на американском Юге до Гражданской войны.

⁷⁴ «У Сиро» – ночной клуб в Голливуде, на бульваре Сансет, открылся в 1940 г. и существовал до 1957 г. Завсегдатаями здесь были кинознаменитости, в том числе Мэрилин Монро, Хамфри Богарт и Лорен Бэколл, Фрэнк Синатра, Ава Гарднер, Сидни Пуатье, Анита Экберг, Джоан Кроуфорд, Бетти Грейбл, Марлен Дитрих, Джинджер Роджерс, Рональд Рейган, Дин Мартин, Микки Руни, Кэри Грант, Джуди Гарленд, Лана Тернер и другие. Здесь ужинал будущий президент США Джон Ф. Кеннеди.

Мы вышли из подросткового отдела, унося с собой чуть ли не весь революционный гардероб Синнамон, и по совету миз Лютерс отправились в обувной магазин «Волшебный башмачок» в Северном Стоктоне, на Мерси-авеню.

– Вот эти, по-моему, как раз в стиле Синнамон. – Папа взял в руки черную туфлю на здоровенной платформе.

– Нет, – ответила я.

– Ну и слава богу! Наверняка Шанель переворачивается в гробу.

– На съемках «Касабланки» Хамфри Богарт постоянно ходил в ботинках на платформе, – произнес кто-то.

Я обернулась, ожидая увидеть, что вокруг папы кружит очередная мамашка, словно гриф над падалью, но оказалось – нет.

Это была она – женщина из «Толстого кота».

Высокая, в облегающих, словно вторая кожа, джинсах, идеально скроенном твидовом жакете и больших темных очках, сдвинутых на макушку. Темно-русые волосы безмятежно покачивались, обрамляя лицо.

– Он, конечно, не Эйнштейн и не Трумен, – продолжала незнакомка, – и все-таки без него история человечества была бы иной. Особенно если на словах: «За твои глаза, детка» – ему пришлось бы смотреть на Ингрид Бергман снизу вверх.

У нее был потрясающий голос – с этакой гриппозной хрипотцой.

– Вы ведь не здешние? – спросила она, прямо обращаясь к папе.

А он уставился на нее, словно в стену.

Папино общение с красивыми женщинами – всегда своеобразный химический опыт. Чаще всего никакой реакции не наблюдается. Изредка бывает *видимость* бурной реакции, с выделением жара, света и газа, при полном отсутствии конечного продукта – скажем, стекла или пластмассы. Только вонюца.

– Не здешние, – сказал папа.

– Недавно приехали?

– Да. – Папина улыбка, вроде фигового листка, почти не прикрывала явного желания закончить разговор.

– И как вам здесь?

– Замечательно.

Я понять не могла, почему он такой неприветливый. Обычного папа не возражает, когда очередная июньская букашка выписывает над ним круги. Еще и приманивает их – открывает занавески и включает лампочку, устраивая импровизированные лекции на тему Горбачева, гонки вооружений и закономерных этапов гражданской войны (июньские букашки, впрочем, основную суть пропускают мимо ушей). Порой еще роняет намеки на будущую эпохальную книгу, над которой работает, – «Железная хватка».

Может, эта была слишком красивая для него или слишком высокая (почти с папу ростом)? А может, ее непрошенные пояснения насчет Богарта пришлись против шерсти. Папа всегда злится, если его просвещают о чем-нибудь, что ему и так известно. О подробностях актерской жизни мы с папой знали все. По дороге от Литтл-Рока до Портленда я успела прочесть вслух от корки до корки «Громилы, коротышки, лопухость и вставные челюсти: истинный портрет ведущих голливудских актеров» (Риветт, 1981) и «Другие голоса, тридцать две комнаты. Как я работала горничной у Л. Б. Майера»⁷⁵ (Харт, 1961). Между Сан-Диего и Солт-

⁷⁵ ...«Другие голоса, тридцать две комнаты. Как я работала горничной у Л. Б. Майера»... – Луис Барт Майер (Лазарь Меир, 1884–1957) – один из первых кинопродюсеров, известный как руководитель и один из основателей голливудской киностудии «Metro-Goldwyn-Mayer» (MGM) и американской Академии кинематографических искусств и наук, ежегодно присуждающей главную кинопремию «Оскар», также предложенную им. В названии книги – аллюзия к роману «Другие голоса, другие комнаты» (1948), первой опубликованной книге Трумена Капоте, в стиле южной готики с автобиографическими элементами.

Лейк-Сити я зачитывала вслух бесчисленные биографии различных знаменитостей, авторизованные и нет, в том числе Говарда Хьюза⁷⁶, Бетт Дэвис, Фрэнка Синатры и Кэри Гранта, а также приснопамятную «Боже, все это уже было: образ Иисуса в кинематографе, 1912–1988, или Хватит Голливуду тащить Сына Божия на экран» (Хетчер, 1989).

– А ваша дочка, – незнакомка мне улыбнулась, – в какой школе будет учиться?

Я раскрыла рот, но папа ответил раньше:

– В «Сент-Голуэ».

Он смотрел на меня с выражением, означающим «Надо сматывать удочки», которое тут же сменилось выражением «Позвольте выйти из самолета», а затем «Будьте так добры, стукните ее по затылку». Обычно эти гримасы применялись, если папу слишком активно донимала июньская букашка с каким-нибудь бросающимся в глаза физическим недостатком вроде нарушений ориентации в пространстве (сильная близорукость) или недоразвитого крылышка (нервный тик).

– Я там работаю учительницей. – Она протянула мне руку. – Ханна Шнайдер.

– Синь Ван Меер.

– Какое чудесное имя!

Она вопросительно посмотрела на папу.

– Гарет, – помедлив, представился он.

– Рада знакомству.

С апломбом девушки, которая в школе считалась дурнушкой в безобразном свитере, а потом неожиданно стала яркой и талантливой драматической актрисой (горячо любимой зрителями), Ханна Шнайдер сообщила нам с папой, что вот уже три года преподает ученикам старших классов факультатив «Введение в киноискусство». Также она уверенно объявила, что «Сент-Голуэй» – «совершенно необычная школа».

Папа обернулся ко мне:

– Нам, наверное, пора. Тебе ведь на музыку надо?

(Я никогда в жизни не брала уроков музыки.)

Однако Ханна Шнайдер нисколько не смутилась и продолжала вещать, словно мы с папой – корреспонденты журнала «Конфиденшл» и уже полгода всеми средствами добивались разрешения взять у нее интервью. Впрочем, никакого высокомерия и тем более наглости в этом не было; просто Ханна ни на минуту не сомневалась, что все сказанное ею вам ужасно интересно. И вам действительно было интересно.

Она спросила, откуда мы приехали («Из Огайо», – процедил папа), в каком я классе («В выпускном», – прошипел папа), как нам нравится наш новый дом («Сплошной восторг!» – рывкнул папа), а потом рассказала, что сама три года назад перебралась сюда из Сан-Франциско («Поразительно!» – вызверился папа). Пришлось ему все-таки расщедриться на ответную любезность.

– Возможно, мы с вами увидимся на школьном футбольном матче, – сказал он, махнув на прощанье рукой (жест, который может с равным успехом означать «Пока» или «Отстаньте»), и немедленно поволок меня к выходу.

Папа никогда не ходил на школьные футбольные матчи и даже не собирался. Все контактные виды спорта, а заодно и азартно вопящих болельщиков он сурово осуждал, считая «глубоко неправильными» и «жалости достойными проявлениями нашего внутреннего австралопитека». «Вероятно, в каждом из нас живет внутренний австралопитек, но я предпочитаю,

⁷⁶ Говард Хьюз (Говард Робард Хьюз-младший, 1905–1976) – американский предприниматель, инженер, авиатор, режиссер, продюсер. В конце 1960-х гг. Хьюз считался обладателем первого или второго (после Пола Гетти) состояния в США. Режиссер и независимый продюсер известных фильмов «Ангелы ада», «Лицо со шрамом», «Вне закона» и других. С 1947 по 1954 г. владелец компании RKO Pictures.

чтобы мой сидел себе в пещере и расчленял убитого мамонта примитивными каменными орудиями, а наружу не высывался».

– Уф, хорошо хоть живыми ушли, – буркнул папа, заводя мотор.

– Что это такое было?

– Кто ж ее знает. Я тебе говорил когда-то: эти стареющие американские феминистки, похваляющиеся тем, что сами за себя платят и сами открывают себе двери, на самом деле вовсе не очаровательные современные женщины, какими себя считают. Не-ет, это космические зонды из галактики Большое Магелланово Облако в поисках мужчины, возле которого можно пристроиться на стационарную орбиту.

– Вообще-то, я о тебе. Ты ей нахамил.

– Я нахамил?

– Ага. А она симпатичная. Мне понравилась.

– Нельзя назвать симпатичным человека, который вламывается в твоё личное пространство, приземляется, не спрашивая разрешения на посадку, и позволяет себе исследовать твой ландшафт при помощи радара, да еще и транслировать полученные результаты на все космическое пространство.

– А как же Вера Штраусс?

– Кто-кто?

– Вера П. Штраусс.

– А-а, которая ветеринар?

– Кассирша в магазине здорового питания.

– Да, конечно. Мечтала стать ветеринаром. Я помню.

– Она к нам полезла с разговорами, когда мы...

– Отмечали мой день рождения. Я все помню, в стейк-хаусе Уилбура.

– Уилсона. Стейк-хаус Уилсона, в округе Мид.

– Ну да, я просто...

– Ты пригласил ее подсесть к нам, и мы три часа выслушивали ее кошмарные истории.

– Как ее бедному брату сделали лоботомию, помню-помню. Я же тогда признал, что был не прав, и попросил у тебя прощения. Откуда мне было знать, что она сама – готовый пациент для шоковой терапии и надо было сразу вызывать тех милых заботливых людей, что появляются в финальной сцене «Трамвая „Желание“»?⁷⁷

– Что-то ты тогда не жаловался на ее радар.

– Уела. Но все-таки Вера была необычной женщиной. Не моя вина, что ее необычность оказалась в духе Сильвии Платт⁷⁸. По крайней мере, что-то экстраординарное в ней было. А эта, сегодня... Я даже имя ее уже забыл.

– Ханна Шнайдер.

– Да, так вот, она...

– Что «она»?

– Банальная.

– У тебя крыша поехала?

– Я не для того шесть часов экзаменовал тебя по дидактическому пособию «Выходя за рамки школьной программы», чтобы ты в повседневной жизни употребляла такие выражения, как «поехала крыша»!

⁷⁷ ...надо было сразу вызывать тех милых заботливых людей, что появляются в финальной сцене «Трамвая „Желание“»? – Героиню пьесы Теннесси Уильямса (*Streetcar Named Desire*, 1947) в финале увозят в сумасшедший дом.

⁷⁸ ...в духе Сильвии Платт. – Сильвия Платт (1932–1963) – американская поэтесса и писательница, считающаяся одной из основательниц жанра исповедальной поэзии в англоязычной литературе. В 1982 г. за книгу *Collected Poems* («Собрание стихотворений») Платт получила посмертно Пулицеровскую премию. Большую часть взрослой жизни Сильвия Платт страдала от клинической депрессии и в конце концов покончила с собой. Ее имя стало синонимом депрессии и самоубийства.

– Ты несколько повредился в уме, – отрезала я, скрестив руки на груди и глядя в окно на проезжающие автомобили. – А Ханна Шнайдер... – Я постаралась вспомнить какие-нибудь внушительные слова, чтобы утереть папе нос. – Обворожительна и непостижима!

– Э-э?

– Знаешь, она ведь прошла мимо нас вчера в «Толстом коте».

– Кто?

– Ханна.

– Она была в «Толстом коте»? – удивился папа.

Я кивнула:

– Прошла вплотную к нам.

Папа задумался, потом вздохнул:

– Надеюсь, она не вроде погибшего зонда «Галилей»⁷⁹. Еще одной аварийной посадки я не переживу. Как бишь ее звали – ту, из Кокорро?

– Бетина Мендехо.

– Да, Бетина, у нее еще был чудный четырехлетний сынишка-астматик.

– Дочь девятнадцати лет, училась на диетолога.

– Ну конечно, – кивнул папа. – Теперь я вспомнил.

⁷⁹ ...погибшего зонда «Галилей». – Зонд «Галилей» – космический зонд, отправленный к Юпитеру в октябре 1989 г. На орбиту вокруг Юпитера «Галилей» вышел в 1995 г. Когда зонд изнашивался и в нем почти закончилось горючее, было принято решение уничтожить его, направив прямо на Юпитер, чтобы избежать возможного заражения спутников Юпитера земными микроорганизмами. Столкновение произошло в 2003 г.

Глава 6. «О дивный новый мир», Олдос Хаксли

О школе «Сент-Голуэй» папе рассказал коллега – преподаватель Хиксбургского государственного колледжа, и вот уже около года глянцевая брошюрка 2001–2004 г. под волнующим названием «Лучше учимся – выше летаем» странствовала в большой коробке на заднем сиденье нашего «вольво» (вместе с пятью экземплярами научного журнала «Федеральный форум», т. 10, № 5, 1998, где была напечатана папина статья «*Nächtlich*⁸⁰: распространенные мифы о борьбе за свободу»).

Брошюрка была набита стандартной демагогией с массой восторженных прилагательных и солнечных фотографий деревьев в осеннем уборе, учителей с добрыми мышинными лицами и радостных школьников, шагающих по дорожкам, держа учебники, словно букеты цветов. На заднем плане скучали тускло-лиловые горы и уныло-синее небо. «Школа оснащена всеми необходимыми удобствами», – томно стонала стр. 14. И действительно, фотографии являли читателю футбольное поле, такое ровненькое, словно оно было застелено линолеумом, столовую с окнами-эркерами и коваными чугунными люстрами, а также монструозный спорткомплекс, масштабами не уступающий Пентагону. Крошечная каменная часовенка изо всех сил старалась спрятаться от рассеявшихся среди газонов мощных зданий в тюдоровском стиле, с пышными названиями вроде Ганновер-Холл, Элтон-Хаус, Барроу и Воксхолл. Фасады их напоминали американских президентов: седая маковка, насуспенный лоб, деревянные зубы и упрямое выражение.

Еще в брошюрке имелось очаровательно эксцентрическое жизнеописание Горацио Миллса Голуэя: некогда оборванец, затем крупный промышленник, разбогатевший на бумажном производстве и в 1910 году основавший школу, не из альтруизма, не ради гражданского долга и преданности науке, а из маниакального желания видеть перед своей фамилией приставку «Сент» – «Святой». Оказывается, самый легкий путь к достижению этой цели – создать школу.

Мой любимый раздел, «Куда уходят наши выпускники?», начинался с горделивого вступления, написанного лично директором Биллом Хавермайером (постаревший Роберт Митчем⁸¹), а далее шло перечисление невиданных высот, на которые поднялись выпускники «Сент-Голуэя». Причем хвасталась школа не общепринятыми параметрами успеха – заоблачные оценки в аттестате, огромный процент поступивших в престижные университеты, – а свершениями более нестандартными: «У нас самый большой в стране процент выпускников, которые стали художниками-новаторами... 7,27 % выпускников за последние 50 лет зарегистрировали свои изобретения в Патентном бюро США; один из десяти выпускников „Сент-Голуэя“ совершает научные открытия... 24,3 % стали публикующимися поэтами; 10 % изучают искусство сценического макияжа; 1,2 % – искусство театра марионеток; 17,2 % живут во Флоренции; 1,8 % – в Москве; 0,2 % – в Тайбэе». «Один из 2031 выпускников школы попадает в Книгу рекордов Гиннеса. Ван Яну, выпуск 1982 г., принадлежит рекорд за самую долгую выдержанную ноту в вокале...»

Когда мы с папой впервые ехали в «Сент-Голуэй», дорожка петляла среди чахлах сосенок, а потом внезапно выбросила нас прямо на середину кампуса – а называлась она очень уместно: Тропа Горацио. У меня даже дыхание перехватило. Слева раскинулась ренуаровская лужайка, такая радостно-зеленая, что кажется, раз – и улетит, если бы ее не придавили по

⁸⁰ *Nächtlich* – ночной (нем.).

⁸¹ ...постаревший Роберт Митчем... – Роберт Чарльз Дэрман Митчем (1917–1997) – американский актер, сценарист и продюсер, а также кантри-музыкант. Лауреат премии «Золотой глобус» за вклад в киноискусство (1992). Снимался в фильмах-нуар (например, «Из прошлого»), играл в основном отрицательных персонажей.

краям могучие дубы. («Общинный луг, – выводила рулады брошюрка, – находится под неусыпной заботой талантливого садовника Квазимодо; говорят, он работает здесь со времен основания школы». Справа нависал огромный и суровый Ганновер-Холл, словно собрался форсировать реку Делавэр в рождественскую ночь⁸². По другую сторону квадратной каменной площадки, окаймленной березками, высился колоссальный и в то же время стильный лекционный корпус из стекла и металла: Аудитория Любви.

Поездка была сугубо деловая: мы явились не просто на экскурсию. По кампусу нас водила Мирта Грейзли, пожилая дама в шелковом костюме цвета фуксии, гуру поступающих в школу. Передвигалась она зигзагами, словно обезумевшая моль.

– Кажется, мы еще не осмотрели художественную галерею? Ах боже мой, про столовую совсем забыла! Обратите внимание на лошадку-флюгер над корпусом Элтон! Может быть, вы вспомните: ее фотографию в прошлом году опубликовали в архитектурном ежемесячном журнале.

Однако главная наша цель была – уговорить начальство «Сент-Голуэя», чтобы при моем поступлении учли оценки из предыдущей школы. К этой задаче папа подошел со всей серьезностью, словно Рейган, обсуждающий с Горбачевым договор о ядерном разоружении.

– Если позволите, говорить буду я, а вы просто сидите и демонстрируйте свою ученость.

Наша собеседница, миз Лейси Ронин-Смит, обитала в часовой башне Ганноверского корпуса, подобно Рапунцель. Лет под семьдесят, жилистая, с голосом бывалого моряка и унылой прической, она уже тридцать один год занимала в «Сент-Голуэе» должность завуча, а в свободное время, судя по фотографиям на стенах, увлекалась рукоделием в технике лоскутного шитья и туристическими походами в обществе подруг и маленькой собачки, черной и косматой, словно какое-нибудь стареющее рок-светило.

– У вас в руках нотариально заверенная копия школьного табеля Синь, – втолковывал ей папа.

– Да, – отозвалась миз Ронин-Смит.

Уголки ее губ, постоянно искривленных, будто она жевала лимон, чуть дрогнули, выдавая легкое недовольство.

– До переезда Синь училась в школе «Ламего-Хай» в городе Ламего, штат Огайо, – это одно из самых динамичных учебных заведений в стране. Я хотел бы убедиться, что затраченные ею усилия здесь оценят по достоинству.

– Не сомневаюсь, что хотели бы, – согласилась Ронин-Смит.

– Естественно, другие ученики, особенно лучшие, могут увидеть в ней угрозу. Мы никого не хотим расстраивать, однако справедливость требует поместить ее в списке успеваемости приблизительно на то же место, которое она занимала, когда нам пришлось сменить место жительства в связи с моей работой. Она была первой ученицей...

Миз Лейси устремила на папу особый бюрократический взор – сожаление с чуть заметной ноткой злорадства.

– Жаль вас разочаровывать, мистер Ван Меер, но не стану скрывать: на этот счет в нашей школе существуют четкие правила. Только что поступившие ученики, независимо от своих выдающихся оценок, не могут оказаться в списке выше, чем...

⁸² ...словно собрался форсировать реку Делавэр в рождественскую ночь. – Во время Войны за независимость США Джордж Вашингтон с отрядом численностью около 2400–2500 человек в рождественскую ночь с 25 на 26 декабря 1776 г. переправился через реку Делавэр. После этого отряд направился к Трентону и атаковал позиции гессенских солдат, застав их врасплох и одержав уверенную победу. Затем отряд еще раз пересек реку, вместе с пленными и захваченными боеприпасами. В третий раз Вашингтон пересек реку в конце года при еще более неблагоприятных погодных условиях и вслед за тем, 2 и 3 января 1777 г., разбил британские войска под командованием лорда Корнуоллиса под Трентоном и Принстоном. Этому событию посвящена огромная по размеру картина «Вашингтон пересекает Делавэр», написанная немецко-американским художником Эмануэлем Лойце (1816–1868) в 1851 г. Принадлежит музею Метрополитен в Нью-Йорке. В нью-йоркском Музее современного искусства находится картина 1953 г. на ту же тему художника Ларри Риверса.

– Боже правый! – неожиданно воскликнул папа.

Изогнув бровь и восхищенно приоткрыв рот, он подался вперед, в точности повторяя угол наклона Пизанской башни. Я с ужасом поняла: сейчас он выдаст свой излюбленный номер под названием «Да, Вирджиния, Санта-Клаус существует». Мне захотелось спрятаться под стул.

– Какой, однако, внушительный диплом у вас тут висит! Можно поинтересоваться, что это?

– Э-э... Что-что? – пискнула Ронин-Смит (словно папа указал ей на ползущую по стене мокрицу).

Развернув кресло, завуч окинула взглядом громадный, каллиграфическим почерком заполненный диплом на кремовой бумаге с золотыми печатями, вывешенный рядом с фотографией хеви-металлической собачки в цилиндре и галстук-бабочке.

– А-а, это мой диплом Университета Северной Каролины за выдающиеся успехи в области учебно-воспитательной деятельности и разрешения конфликтных ситуаций.

Папа так и ахнул:

– Да вам бы в ООН работать!

– Ну что вы! – Миз Ронин-Смит покачала головой, нехотя приоткрывая в улыбке желтоватый неровный ряд зубов. Шея у нее порозовела от смущения. – Какое там!

Полчаса спустя крепость была успешно покорена (папа трудился отчаянно, как евангелист во имя спасения души). Мы спустились из башни по винтовой лестнице.

– Всего один стрекулист впереди остался, – ликующе шепнул папа. – Мелкий тарантул по имени Рэдли Клифтон. Видали мы таких! Недельки через три забацаешь рефератик по теории относительности, он мигом сдуется.

* * *

На следующее утро в без четверти восемь папа высадил меня из машины у корпуса Ганновер-Холл. Я почему-то нервничала. С чего бы, в сущности? Для меня первый день в новой школе – явление настолько же знакомое и привычное, как для Джейн Гудолл – танзанийские шимпанзе после пяти лет в джунглях. А вот поди ж ты! Новая блузка словно сделалась мне велика на два размера (короткие рукавчики топорщились на плечах, как накрахмаленные льняные салфетки), юбка в красно-белую клетку липла к ногам, а волосы (обычно единственное, за что мне не бывает стыдно) торчали во все стороны, словно пух у одуванчика. В общем, столик в бистро-барбекю, да и только.

– «Она идет во всей красе!»⁸³ – крикнул вслед папа, опустив стекло. – Светла, как ночь ее страны! / Вся глубь небес и звезды все / В ее очах заключены!» Дай им по мозгам, детка! Покажи им, что такое настоящая образованность!

Слабо кивнув, я захлопнула за собой дверцу машины (и старательно проигнорировала женщину с волосами цвета фанты, обернувшуюся послушать папины прощальные наставления в духе Мартина Лютера Кинга). Общее собрание было назначено на 8:45. Я отыскала свой шкафчик в гардеробе на третьем этаже Ганновера, забрала учебники и дружески улыбнулась учительнице, которая бегала взад-вперед с какими-то распечатками (словно солдат, внезапно обнаруживший, что не продумал как следует предстоящие военные действия). Потом я отправилась в лекционный корпус. Как истинная заучка, я пришла ужасно рано. В аудитории было пусто, и только какой-то совсем мелкий школьник в первом ряду вдумчиво изучал явно еще чистую тетрадь на пружинке.

⁸³ «Она идет во всей красе» – стихотворение Дж. Г. Байрона из цикла «Еврейские мелодии» (1815), перевод С. Маршака.

Для старших классов были отведены задние ряды амфитеатра. Я села на указанное завучем место и стала считать минуты до того, как в аудиторию с грохотом ворвется толпа, неся с собой оглушительные «Как дела?» и «Чем занимался летом?», запахи шампуня, зубной пасты и новых туфель и всю ту страшную кинетическую энергию, какую излучают дети в большом количестве, – так что пол дрожит, стены трясутся и невольно думаешь: если обуздать эту безумную силу и перенаправить по проводам на мощную электростанцию, можно было бы осветить все Восточное побережье.

Открою свой давний, испытанный прием, как сохранить нерушимое самообладание. Этого не достигнешь притворной углубленностью в пустую тетрадку и попытками внушить себе, что ты на самом деле будущая рок-звезда, топ-модель, миллионер, Джеймс Бонд, девушка Бонда, королева Елизавета, Элизабет Беннет⁸⁴ или Элиза Дулитл на балу. Бесплезно также вздергивать подбородок под углом от пятнадцати до сорока пяти градусов и воображать, будто ты потерянный отпрыск семейства Вандербильт или Грейс Келли⁸⁵ в расцвете таланта и славы. Все эти методы работают только в теории. На практике притворство быстро соскальзывает – и ты остаешься голышом при всем честном народе, а твое чувство собственного достоинства смятой простыней валяется у ног.

На самом деле сохранить величавое спокойствие можно двумя способами:

- отвлечься какой-нибудь книгой или пьесой;
- мысленно читать наизусть Кита.

Я эту методику открыла для себя довольно рано – во втором классе начальной школы «Спарта». Когда невольно услышала в подробностях, как Элеонора Слагг пригласила в гости с ночевкой особо приближенных подружек и что потом было. Я вытащила из рюкзака похищенную наугад из папиной библиотеки книгу – «Mein Kampf»⁸⁶ (Гитлер, 1925) – и с сугубо нордической стойкостью заставила себя читать, пока напечатанные слова не вытеснили слова Элеоноры и не принудили их к капитуляции.

– Добро пожаловать! – сказал в микрофон директор Хавермайер.

Фигурой он был похож на кактус сагуаро, слишком долго обходившийся без воды, и одежда была такая же выцветшая, пыльная – темно-синий пиджак, голубая сорочка, кожаный пояс с громадной серебряной пряжкой, на которой изображена не то осада Аламо, не то битва при Литтл-Бигхорн⁸⁷. Директор неторопливо расхаживал по сцене, как бы наслаждаясь звяка-

⁸⁴ *Элизабет Беннет* – персонаж романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение» (1813).

⁸⁵ *Грейс Келли* – Грейс Патрисия Келли (1929–1982) – американская актриса, с 1956 г. – супруга князя Монако Ренье III, 10-я княгиня Монако, мать ныне правящего князя Альбера II.

⁸⁶ «*Mein Kampf*» – «Моя борьба» (нем.).

⁸⁷ ...не то осада Аламо, не то битва при Литтл-Бигхорн. – Битва за Аламо (23 февраля – 6 марта 1836) – самая известная битва Техасской революции. После того как повстанческая армия техасских поселенцев и авантюристов, прибывших из Соединенных Штатов, выдворила все мексиканские войска из Мексиканского Техаса, президент Мексики Антонио Лопес де Санта-Анна возглавил вторжение, стремясь вернуть контроль над областью. 23 февраля мексиканские войска вошли в Бехар и осадили техасский гарнизон в миссии Аламо. Ранним утром 6 марта мексиканская армия пошла на штурм Аламо. Техасцы (численность которых неизвестна) отразили две атаки, но не смогли отбить третью. Мексиканские солдаты вскоре установили контроль над Аламо. Пятеро или семеро техасцев сдались, но были незамедлительно казнены по приказу Санта-Анны. Большинство очевидцев события оценивают количество убитых техасцев от 182 до 257 человек, в то время как большинство историков оценивает мексиканские потери в 400–600 ранеными и убитыми. Из бойцов техасского гарнизона, участвовавших в битве, выжили только двое. Мексиканцы сохранили жизнь чернокожему рабу Джо и дезертиру мексиканской армии Бригидо Герреро, сумевшему убедить солдат, что он находился в заключении. Женщины и дети, прежде всего члены семей техасских солдат, были допрошены Санта-Анной и затем отпущены. По приказу Санта-Анны трое из выживших были посланы в Гонсалес, чтобы донести известие о разгроме техасцев. После получения новости Сэм Хьюстон, командующий техасской армией, отдал приказ к отступлению. Битва при Литтл-Бигхорн – сражение между индейским союзом лакота – северные шайенны и Седьмым кавалерийским полком армии США, произошедшее 25–26 июня 1876 г. у реки Литтл-Бигхорн, Монтана. Битва закончилась уничтожением пяти рот американского полка и гибелью его знаменитого командира Джорджа Кастера.

нием воображаемых шпор, а беспроводной микрофон сжимал в руке так нежно, словно любимую стетсоновскую шляпу.

– Ну, поехали, – шепнул рядом со мной гиперактивный Моцарт, непрерывно отстукивающий по сиденью, между широко расставленных ног, ритм из «Женитьбы Фигаро»⁸⁸ (1786).

Я сидела между Амадеем и каким-то унылым пацаном, в точности похожим на Сола Минео (см. худ. фильм «Бунтарь без причины»⁸⁹).

– Я обращаюсь к тем, кто еще ни разу не слышал Диксоновское Слово мудрости, – продолжал Билл Хавермайер. – Вам повезло – сейчас вы его услышите впервые. Диксон – это мой покойный дедушка, Папаша Хавермайер. Он любил, когда молодежь слушает и учится у старших. Когда я был маленьким, он часто отводил меня в сторонку и говорил: «Сынок, не бойся меняться». Лучше не скажешь! Не бойтесь меняться. Вот так.

Билл – не первый директор школы, страдающий синдромом Голубого глаза. Многие директора, а особенно мужчины, принимают полутемную школьную столовку или учебную аудиторию со скверной акустикой за обитую алым бархатом «Копа-рум»⁹⁰, школьников – за восторженную публику, раскупившую билеты на месяц вперед, а себя самого – за Фрэнка Синатру, которому все простится, и фальшивая нота, и пропущенная строчка.

Само собой, на самом деле слушатели над ним потешаются, хихикают и передразнивают.

– Привет, что читаешь? – спросил какой-то парень у меня за спиной.

Я и не думала, что это ко мне обращаются, пока вопрос не прозвучал снова, на этот раз прямо над моим плечом. Я уставилась в потрепанную пьесу, которую держала в руках. Страница 18: «Брик счастлив с тобой?»

– Ау? Мисс? Мэм? – Парень наклонился еще ниже, горячо дыша мне в шею. – Вы говорите по-английски?

Девчонка рядом с ним захихикала:

– Парлей ву франсей? Шпрехен зи дёйчи?

Папа говорит, в любой ситуации, когда невежливо просто встать и уйти, обязательно найдется такой Оскар Шейпли⁹¹ – отвратный тип, непонятно с чего вообразивший, будто он очарователен в плане общения, а в плане секса вообще неотразим.

– Парлате итальяно? Ау?

Строчки диалога из «Кошки на раскаленной крыше» (Теннесси Уильямс, 1955) расплывались у меня перед глазами. «Один из этих недоделанных уродов запустил в меня масляным бисквитом... У них нет шеи... Жирные головки наклеплены на жирные тушки без малейшего промежутка»⁹². Мегги-кошка не стала бы такое терпеть. Она бы закинула ногу на ногу, одернула свою коротенькую комбинацию и сказала что-нибудь страстно-пронзительное, так что все присутствующие, включая Большого Па, подавились бы кубиками льда из коктейля.

⁸⁸ ...музыку из «Женитьбы Фигаро». – «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1786) – опера-буфф Моцарта на итальянском языке, написанная на либретто Лоренцо да Понте по одноименной пьесе Бомарше.

⁸⁹ «Бунтарь без причины» (*Rebel Without a Cause*, 1955) – американский художественный фильм Николаса Рэя (1955), молодежная драма. Главные роли исполняют Джеймс Дин, Сол Минео и Натали Вуд. Три номинации на премию «Оскар».

⁹⁰ «Копа-рум» – концертный зал в ныне не существующем отеле «Сэндс» в Лас-Вегасе (штат Невада). Здесь выступали многие известные представители шоу-бизнеса, в том числе участники «Крысиной стаи», Элла Фицджеральд, Джуди Гарленд, Нат Кинг Коул и другие. Свое название зал получил в честь знаменитого нью-йоркского клуба «Копакабана». В 1981 г. сеть отелей «Сэндс» открыла новый концертный зал под названием «Копа-рум» в Атлантик-сити, штат Нью-Джерси.

⁹¹ Оскар Шейпли – персонаж фильма «Это случилось однажды ночью», пристает в автобусе к героине фильма. «Это случилось однажды ночью» (*It Happened One Night*, 1934) – романтическая комедия с Клодетт Колбер и Кларком Гейблом в главных ролях. В 1935 г. картина была удостоена пяти «Оскаров», в том числе была признана лучшим фильмом года. Фильм стал первым в истории, завоевавшим «Оскары» в пяти самых престижных номинациях, что позже удалось только двум фильмам: «Пролетая над гнездом кукушки» (1975) и «Молчание ягнят» (1991).

⁹² Строчки диалога из «Кошки на раскаленной крыше» (Теннесси Уильямс, 1955) расплывались у меня перед глазами. «Один из этих недоделанных уродов запустил в меня масляным бисквитом... У них нет шеи... Жирные головки наклеплены на жирные тушки без малейшего промежутка». – Перевод Виталия Вульфа и Александра Дорошевича.

– Что ж еще такого придумать, чтобы на меня обратили внимание?

Делать нечего, пришлось оглянуться.

– Что?

Парень одарил меня улыбкой. Я думала, что увижу недоделанного урода без шеи, а он неожиданно оказался в стиле «Спокойной ночи, луна»⁹³ (Маргарет Браун, 1947). У таких глаза как перина, веки-занавески и улыбка в виде гамака и все лицо подернуто сном, точно амальгамой, – у обычных людей такое выражение бывает всего пару минут, когда уже засыпаешь, а люди типа «Спокойной ночи, луна» так ходят весь день, до позднего вечера. Люди «Спокойной ночи, луна» бывают как мужского пола, так и женского, и окружающие, даже учителя, в них души не чают. Задав на уроке вопрос, учитель первым делом смотрит на учеников «Спокойной ночи, луна». Те отвечают, не проснувшись до конца и совершенно мимо темы, а учитель все равно радуется: «Ах, замечательно!» – и как-нибудь да исхитрится перекрутить ответ, будто тоненькую проволочку, чтобы получилось хоть на что-то похожее.

– Извини, – сказал мне парень. – Не хотел тебя беспокоить.

Он был блондин, но не из тех белобрыхых, скандинавского склада, которых так и хочется немедленно перекрасить или просто макнуть головой во что-нибудь цветное. Белоснежная рубашка, темно-синий пиджак, небрежно повязанный галстук в красно-синюю полоску чуть-чуть сбил на сторону.

– Ты, наверное, знаменитая актриса? Заехала к нам по дороге на Бродвей?

– Да нет...

– Я – Чарльз Лорен, – сообщил он, словно открывая важную тайну.

Папа у меня большой сторонник прямого взгляда, глаза в глаза, но он не учитывает, что на близком расстоянии это практически невозможно. Приходится выбирать – правый глаз или левый, или все время переводить взгляд туда-сюда, или просто уставиться в точку между глаз. Только очень уж это уязвимое место, бровями осененное и над носом причудливо нависающее. Именно сюда метил Давид, когда убил Голиафа камнем из пращи.

– Я твое имя знаю, – сказал Чарльз Лорен. – Синь как-то там. Только не говори...

– Что там за *гвалт* в задних рядах?

Чарльз резко отодвинулся. Я обернулась к сцене.

Место Хавермайера заняла низенькая плотная женщина с кислотно-оранжевыми волосами – та самая, что косилась на папу, когда он выкрикивал мне вслед Байрона. Ее розовый костюм оттенка брюквы весь напружинился в усилии не расстегнуться. Тетка устала на меня, скрестив руки на груди и решительно расставив ноги, как на рисунке 11.23 «Классический турецкий воин времен Второго крестового похода» в одной из папиных любимых книжек: «Именем Божиим: история войн и преследований на религиозной почве» (Муррт, 1981). И не только тетка на меня смотрела. В аудитории повисла тишина, все повернули головы в едином порыве, словно отряд турок-сельджуков, к которым нечаянно забрел одинокий путник-христианин по пути в Святую землю.

– Ты, видимо, новенькая, – сказала тетка в микрофон – словно каблуком проскребла по асфальту. – Позволь тебе открыть маленький секрет... Как тебя зовут?

Я надеялась, что вопрос риторический, но тетка молчала и ждала ответа.

– Синь, – сказала я.

Тетка скорчила гримасу:

– Как? Что она сказала?

– Она сказала «синь», – откликнулся кто-то.

⁹³ ...«Спокойной ночи, луна» (Маргарет Браун, 1947). – Детская книжка Маргарет Уайз Браун, иллюстратор Клемент Херд. Пользуется широкой популярностью для чтения перед сном. В книге крольчонок говорит «Спокойной ночи» всему, что его окружает: «Спокойной ночи, комната. Спокойной ночи, луна. Спокойной ночи, корова, которая прыгает через луну» и т. д.

– *Синь?* Так вот, *Синь*, у нас в школе принято уважать выступающего. Когда человек на трибуне что-то говорит, принято *слушать*.

Наверное, можно не объяснять, что я не привыкла, чтобы на меня таращился полный зал народу. Джейн Гудолл всегда наблюдала из укрытия, практически невидимая среди бамбуковых зарослей в своей льняной рубашке и шортах цвета хаки. Чужие взгляды стекали с меня, словно сырое яйцо, брошенное в стену. Сердце сделало перебой.

– Итак, продолжим. Как я говорила, мы изменили сроки выбора элективного курса. Исключений не будет делаться ни для кого, и шоколадки мне притаскивать бесполезно – Максвелл, это я к тебе обращаюсь. Будь добр вовремя определиться с программой обучения.

– Извини, – шепнул мне в спину Чарльз. – Надо было тебя предупредить. С Эвой Брюстер лучше не заедаться. У нас ее зовут Эвита⁹⁴. Она вроде диктатора, хотя формально всего лишь секретарь.

Тетка... то есть Эва Брюстер, объявила, что все могут расходиться по классам.

– Слушай, я спросить хотел... Эй, постой!

Проскочив мимо Моцарта, я выбралась в проход. Чарльз не отставал.

– Да не беги ты! Во учиться торопишься, сразу видно, что первая группа крови, – улыбнулся он. – Просто, понимаешь, ты же новенькая, вот мы с друзьями и подумали...

Он говорил, а взгляд уже уплыл куда-то вверх, где на верхушке лестницы виднелась дверь с надписью «ВЫХОД». У этих, которые «Спокойной ночи, луна», глаза – как воздушные шарик, накачанные гелием. Невозможно долго их удержать на привязи.

– Мы надеялись, ты согласишься с нами пойти перекусить на большой перемене. Добыли пропуск с территории кампуса. Так что в столовую не ходи. Встретимся в «Скрэтче» в четверть первого. – Он близко-близко наклонился ко мне. – И не опаздывай, а то хуже будет. Понятно?

Подмигнул и умчался.

А я так и стояла столбом. Меня толкали со всех сторон, и в конце концов пришлось вместе со всеми двинуться к лестнице. Я понять не могла, откуда Чарльз узнал мое имя. Зато я точно знала, почему он так передо мной стелется: они с друзьями рассчитывают вместе со мной готовиться к урокам. Все это я уже проходила много раз. Кто только меня не приглашал вместе готовиться: от Героя-Футболиста С Миндалевидными Глазами, У Которого В Выпускном Классе Сын Родился, до Красотки-Фото модели, Уцененный Вариант. Поначалу я прыгала от восторга, получив приглашение. Прибегала по назначенному адресу с охапкой карандашей, маркеров и дополнительных учебников, счастливая, словно девушка из массовой, которой вдруг предложили на пару спектаклей заменить исполнительницу главной роли. И папа тоже радовался. Вез меня к дому Брэда, или Джеба, или Шины и разглагольствовал, какая это чудесная возможность расправить крылышки, показать всем, что остроумием я не уступаю Дороти Паркер, и организовать современный «Алгонкинский круглый стол»⁹⁵.

Только очень скоро становилось ясно, что меня пригласили вовсе не за небывалую остроту моего ума. Если принять гостиную очередной Карлы за Порочный круг, то мне отводилась роль официанта – его замечают, только если с едой что-нибудь не так или кому-то понадобится новая порция виски. Просто одноклассникам стало известно, что я «ботан» (в «Академии Ковентри» таких называли «кардиганами»), и мне поручали готовить половину вопросов из списка заданий, а иногда и весь список целиком.

⁹⁴ *Эвита* – Мария Эва Дуарте де Перон (1919–1952) – первая леди Аргентины, вторая жена 29-го и 41-го президента Хуана Перона. В молодости работала актрисой и моделью, участвовала в радиопостановках. Ее биографии посвящен мюзикл Э. Л. Уэббера и Тима Райса «Эвита» (1978).

⁹⁵ ...показать всем, что остроумием я не уступаю Дороти Паркер, и организовать современный «Алгонкинский круглый стол». – Дороти Паркер (урожденная Ротшильд, 1893–1967), американская писательница и поэтесса, известная своим едким юмором и проницательностью в отношении пороков городской жизни XX века. «Алгонкинский круглый стол» – группа известных нью-йоркских писателей, критиков и актеров. Они в шутку называли себя «порочный круг». Группа собиралась за обедом в отеле «Алгонкин» каждый день с 1919-го примерно до 1929 г.

– Пусть она и это сделает! Ты же не против, правда, Синька?

Переломный момент настал, когда мы сидели у Лероя. Я вдруг разревелась прямо посреди гостиной, уставленной фарфоровыми далматинцами. Сама не знаю, с чего я вздумала рыдать именно в тот день; Лерой, Джессика и Скайлер поручили мне всего лишь четверть списка. Они все заахали сладенькими сиропными голосами:

– Господи, что такое, что случилось?

На их вопли в комнату прискакали три настоящих живых далматинца, стали носиться кругами и лаять, а из кухни выглянула мама Лероя в розовых резиновых перчатках – она мыла посуду – и как крикнет:

– Лерой, я кому говорила, не смей их дразнить!

Я кинулась вон и бежала до самого дома, целых шесть миль. Дополнительные учебники Лерой так и не вернул.

– Слушай, откуда ты знаешь Чарльза? – спросил Сол Минео по дороге к стеклянным дверям.

– Я его не знаю, – ответила я.

– Повезло тебе – с ним все мечтают познакомиться!

– Почему?

Сол озадачился, потом сказал со вздохом:

– Он – король.

Не успела я спросить, что это значит, Сол уже спустился вприпрыжку по бетонным ступеням и растворился в толпе. У таких, как Сол Минео, в голосе неизменно звучит затаенная печаль, а смысл их речей расплывчат, словно очертания ангорского свитера. И глаза у них не как у всех – большие и всегда будто бы на мокром месте. Хотелось догнать его и сказать, что к концу фильма он проявит себя как глубоко чувствующий персонаж, символизирующий все потери и боль своего поколения, но если не остережется и не обретет себя, его пристрелит чересчур агрессивный полицейский.

Догонять я не побежала, зато углядела в толпе его королевское высочество, принца Чарльза: с рюкзаком на плече и с игривой улыбкой на устах, он шел через двор к высокой брюнетке в длинном коричневом кашемировом пальто. Подкрался сзади, обхватил за шею и заорал:

– Ага-а-а!

Девушка взвизгнула, а увидев, кто это, засмеялась. Ее смех звонким колокольчиком прорезал утренний воздух, отсекая вялое бормотание других школьников. Сразу ясно: та, кто так смеется, не ведает ни застенчивости, ни неловкости, а если у нее и случится какое-нибудь огорчение, даже горе ее будет роскошно. Очевидно, это была его ослепительная подружка, и вдвоем они составляли этакую загорелую беспечную парочку а-ля «Голубая лагуна»⁹⁶ – в каждой школе такая бывает, причем ровно одна, своими знойными переглядываниями способная обрушить всю незыблемую твердыню высоконравственного воспитания.

Другие ученики наблюдают за ними с пристальным интересом, как за быстрорастущей фасолью пинто в стеклянном ящике. Учителя – не все, но некоторые – спать не могут по ночам, так ненавидят этих двоих за странную, слишком взрослую молодость, словно гардения расцвела в январе, и красоту, такую ошеломляющую и вместе с тем печальную, и за их любовь, которая так мимолетна, и всем вокруг это ясно, кроме них самих. Я не стала на них таращиться (кто видел один вариант «Голубой лагуны», тот видел их все). Только уже потянув на себя

⁹⁶ «Голубая лагуна» (*The Blue Lagoon*) – фильмы 1949 и 1981 гг. по одноименному роману (1908) Генри де Вер Стэкпула. Двое детей, мальчик и девочка, оказываются на необитаемом острове, среди роскошной тропической природы, и, подрастая, влюбляются друг в друга.

боковую дверь корпуса Ганновер, я невзначай обернулась и была потрясена до глубины души: оказывается, я крупно ошиблась.

Чарльз уже стоял на приличном расстоянии от девушки, а она что-то ему втолковывала, учительски хмурясь (все порядочные учителя умеют так хмуриться; у папы, например, лоб собирается складками, точно рифленые чипсы). И совсем она была не школьница – как я могла ее принять за школьницу, с такой-то осанкой? Уперев руку в бедро, она вздернула подбородок, словно разглядывала сокола, кружащего над школой. Каблучок явно итальянского коричневого сапога вдавился в асфальт, растирая невидимую сигарету.

Это была Ханна Шнайдер.

В настроении «бурбон» папа часто провозглашал тост в память Бенно Онезорга, застреленного берлинскими полицейскими во время студенческих волнений 1967 года⁹⁷. Папа в свои девятнадцать лет стоял на митинге рядом с ним.

– Я наступил ему на шнурок от ботинка, а потом он упал. И когда я заглянул в его мертвые глаза, вся моя жизнь, все глупости, которые я считал важными, – оценки, положение в обществе, моя девушка, – все это словно застыло одним куском льда.

Тут папа замолкал и тяжело вздыхал (вернее, это был даже не вздох, а выдох эпических масштабов, словно папа собирался играть на волынке). От него пахло алкоголем – странно-горячий запах. В детстве я думала, что так пахли поэты-романтики и те латиноамериканские генералы девятнадцатого века, о ком папа любил говорить, что они «то ныряли, то взмывали ввысь на волнах революционной борьбы».

– Тогда и произошел, так сказать, мой поворот к большевизму, – рассказывал он. – В ту минуту я решил идти на штурм Зимнего. В твоей жизни тоже такая будет, если повезет.

А после Бенно папа иногда принимался излагать один из любимейших своих принципов под названием «История жизни». Но только если ему не надо было сочинять на завтра лекцию или дочитывать главу в новой книге о войне, написанной его знакомым по Гарварду (подвергая ее скрупулезному анатомическому исследованию, словно коронер в поисках доказательств преступного умысла): «Вот оно! Сразу видно, что Лу Суонн – шарлатан! Жулик навозный! Послушай только эту бредятину: „Для успеха революции необходимо, чтобы вооруженные боевики сеяли панику среди населения; насилие впоследствии набирает обороты и переходит в полномасштабную гражданскую войну“. Да этот кретин знать не знает, что такое гражданская война!»)

– Человек сам в ответе за то, быстро или медленно листаются страницы его жизни, – говорил папа, задумчиво почесывая подбородок и поправляя обмякший воротничок сорочки из ткани шамбре⁹⁸. – Даже если у тебя имеется Веская Причина, все равно история твоей жизни может оказаться скучнее штата Небраска, и виновата в этом будешь только ты. Так вот, если почувствуешь, что за окном машины тянутся бескрайние поля, ищи, во что верить помимо себя самой, – желательно нечто такое, к чему не примешивается запашок лицемерия. И в бой! Не зря Че Гевару до сих пор печатают на футболках, не зря до сих пор шепчутся о Ночных Дозорных, притом что о них уже двадцать лет ни слуху ни духу... А главное, солнышко, ни в коем случае не пытайся изменить чужой сюжет, как бы сильно этого ни хотелось, когда разные

⁹⁷ ...в память Бенно Онезорга, застреленного берлинскими полицейскими во время студенческих волнений 1967 года. – Бенно Онезорг (1940–1967) – немецкий студент по специальностям «романистика» и «германистика». По политическим взглядам пацифист. Присутствовал в качестве зрителя на демонстрации против визита главы Ирана шаха Мохаммеда Реза Пехлеви в Западный Берлин и ФРГ. Во время разгона демонстрации был смертельно ранен выстрелом в затылок с близкого расстояния западноберлинским полицейским Карл-Хайнцем Куррасом. Санитары прибыли лишь через 15 минут. В больницу Онезорг был доставлен через час после ранения. Он умер в машине «скорой помощи». У убитого осталась беременная жена. Суд оправдал Карл-Хайнца Курраса «за недостаточностью улик». Убийство Онезорга стало одной из причин активизации немецкой молодежи, раскола немецкого общества и радикализации студенческого движения в стране.

⁹⁸ Шамбре – легкая хлопчатобумажная ткань, обычно синего или голубого цвета.

бедолаги рядом с тобой – в школе, вообще в жизни – летят очертя голову прямо в пропасть, откуда вряд ли смогут выбраться. Отринь соблазн. Трать силы на *свою* историю. Улучшай ее как можешь. Пусть ее размах будет шире, содержание – глубже, тема – всеохватней. Какая именно тема – не важно, ты откроешь ее сама. Борись за нее! В основе всего – мужество. Отвага. *Mut* по-немецки. Другие пусть разыгрывают свои короткие рассказы, штампованные, случайные, изредка приправленные банальным до боли гротеском. Кое-кто состряпает прямо-таки греческую трагедию – страдальцы от рождения, страдальцами и умрут. А ты, моя строгая весталка тишины⁹⁹, – твоя жизнь сложится в настоящий эпос, не меньше. Уж чья-чья, а твоя история – на века.

– Откуда ты знаешь? – каждый раз спрашивала я.

По контрасту с папиной убежденностью вопрос всегда казался жалким и неуверенным.

– Просто знаю, и все. – Папа закрывал глаза, показывая, что не хочет продолжать разговор.

В тишине чуть слышно позвякивал тающий лед в его стакане.

⁹⁹ ...строгая весталка тишины... – Цитата из стихотворения Джона Китса «Ода к греческой вазе» (1819), перевод Г. Кружкова.

Глава 7. «Опасные связи», Пьер Шодерло де Лакло

Открытие, что Чарльз запросто общается с Ханной Шнайдер, отозвалось для меня сильнейшим искушением, но в конце концов я все-таки не пошла встречаться с ним в «Скрэтч».

Я знать не знала, что такое «Скрэтч», да и не до того мне было. Все-таки углубленное изучение по шести предметам – немаленький груз («Хватит, чтобы утопить целый флот Ее Величества», – прокомментировал папа), а свободный урок, отведенный для самостоятельных занятий, всего один. Преподаватели вроде подобрались знающие, дотошные – в общем, вполне на уровне (а не «канализационный отстойник», как выразился папа о миссис Роупер из средней школы Мидоубрука – та бодро спрашивала: «Куда это ты ложишь „Энеиду“?»). У них был довольно приличный словарный запас (после звонка пятнадцати минут не прошло, как миз Симпсон, которая ведет углубленный курс физики, употребила слово «эрзац»). А миз Мартина Филобек, преподавательница углубленного французского, вечно ходила с поджатыми губами, и это грозило серьезными трудностями в будущем.

– Постоянно поджатые губы – специфическая черта женщины-преподавателя, свидетельствует о склонности неожиданно впасть в академическую ярость, – говорил папа. – Очень тебе советую, подумай о цветах, конфетах... Что угодно, лишь бы ты для нее ассоциировалась не с мрачными сторонами жизни, а с ее приятностями.

Другие ученики тоже были не совсем балбесы («непропеченное тесто», так папа называл моих одноклассников в школе «Сейдж-Дэй»). Представьте себе, миз Симпсон задает вопрос по основным темам «Человека-невидимки»¹⁰⁰ (Эллисон, 1952) (эта книга встречается в списках летнего дополнительного чтения так же часто, как коррупция в Камеруне), я поднимаю руку – и вдруг оказывается, что я *опоздала*: пухлый Рэдли Клифтон с ущербным подбородком уже задрал кверху свою жирную ручонку. Его ответ, хоть не блестящий, не был, однако, ни тупым, ни косноязычным, как Калибан¹⁰¹. Пока миз Симпсон раздавала нам учебный план на девятнадцати страницах – и это только на первое полугодие, – меня вдруг поразила мысль: а ведь, пожалуй, учиться в «Сент-Голуэ» будет не так-то легко и просто. И если я в самом деле хочу закончить с самыми лучшими результатами (правда, иногда папино «хочу» нахально забегает на территорию моего «хочу», минуя таможню), то, наверное, надо переходить в наступление со всей свирепостью Аттилы и его гуннов. Между прочим, лучший выпускник еще и речь прощальную произносит перед всей школой – папа говорит, «такое раз в жизни бывает, как одно тело, одна жизнь и, соответственно, один шанс на бессмертие».

Я также не ответила на письмо, полученное на следующий день, хотя перечитала его раз двадцать, не меньше. Читала даже на вводной лекции миз Гершон по физике: «История физики. От пушечного ядра к световым волнам». Я думаю, палеоантрополог Дональд Йохансон, обнаружив в 1974 году останки первобытного гоминида, получившего прозвище «Люси», испытал примерно те же чувства, что и я, когда открыла дверцу шкафчика, а оттуда выпал кремовый конверт.

Я понять не могла, что же такое передо мной: чудо (которое навсегда изменит ход истории) или наглый розыгрыш.

Синь!

¹⁰⁰ ...по основным темам «Человека-невидимки»... – «Человек-невидимка» (*Invisible Man*, 1953) – роман Ральфа Эллисона. Написан от лица безымянного афроамериканца, живущего в Нью-Йорке в 1940-е г.

¹⁰¹ *Калибан* – неотесанный дикарь, персонаж комедии Шекспира «Буря».

Что случилось? Ты лишилась вкуснящей печеной картошки с чеддером и брокколи в закусочной «У Венди». Цену себе набиваешь? Готов пойти навстречу.

Попробуем еще разок? Я сгораю от желания! (Шучу.)

На том же месте, в тот же час.

Чарльз

Точно так же я проигнорировала еще два письма, оказавшихся в моем шкафчике на следующий день, то есть в среду. Одно в кремовом конверте, второе – написанное беглым почерком на салатно-зеленой бумаге с отпечатанным сверху вензелем: Дж. Ч. У.

Синь!

Я ранен в самое сердце. Ну ладно, сегодня снова буду ждать. И каждый день, до конца времен. Пожалей уже человека!

Чарльз

Дорогая Синь!

Видно, Чарльз напортачил, так что придется вмешаться. Ты, наверное, думаешь, он гнусный пристава. Я тебя не виню. На самом деле нам о тебе рассказала наша хорошая знакомая Ханна и посоветовала познакомиться. Общих с тобой уроков у нас нет, вот мы и решили назначить встречу после школы. Приходи в пятницу, без четверти четыре, на второй этаж корпуса Барроу, в комнату 208, и жди нас там. Смотри не опаздывай!

Мы прямо умираем, так хотим с тобой познакомиться и чтобы ты нам рассказала о жизни в Огайо!!!

Нежно целую,

Джейд Черчилль Уайтстоун

Другую новенькую такие письма мигом очаровали бы. Она бы поотнекивалась для приличия, а через пару дней, как какая-нибудь глупенькая девица в восемнадцатом веке, отправилась бы в сумерках в этот самый «Скрэтч», взволнованно покусывая вишнево-алые губки, дожидаться Чарльза, легкомысленного аристократа в пудренном парике, а он (залихватски подтянув *кюлоты*) тотчас бы ее сгубил.

Ну а я-то несгибаемая монашка – осталась холодна как лед.

Конечно, я преувеличиваю. До сих пор я не получала писем от незнакомцев (точнее, вообще ни от кого, кроме папы). Что скрывать – взяв в руки загадочный конверт, невольно испытываешь трепет. Папа как-то заметил, что личные письма (явление из разряда вымирающих видов, как большой гребенчатый тритон) – один из немногих физических объектов нашего мира, содержащий в себе магию: «Даже скучные зануды, невыносимые в реальной жизни, в переписке становятся вполне терпимы, а порой и забавны».

И все-таки мне эти письма показались какими-то искусственными, неискренними. Слишком какими-то «От маркизы де Мартей к виконту де Вальмону в замок ***», слишком «Париж, 4 августа 17...».

Конечно, я не вообразила, будто мне прочат роль пешки в некой игре в соблазнение. Просто я знаю все о том, что такое «люди, которых знаешь» и «люди, которых не знаешь». Когда вступаешь в сложившийся узкий кружок, этакий «малый салон», есть в этом своя рутина и своя опасность. Количество мест ограничено, значит с появлением новенькой кому-то придется пересесть, а это зловещий знак – знак, что ты теряешь свой придворный статус и превращаешься в *une grande dame manqué*¹⁰².

¹⁰² *Une grande dame manqué* – несостоявшаяся гранд-дама (фр.).

Поэтому на всякий случай новенькую не замечают, а то и шарахаются от нее (всячески намекая на незаконное происхождение), если только у той не найдется знатной маменьки или влиятельной тетки (которую все нежно зовут «мадам Тюрлюрю») и эта могущественная родственница не соизволит представить новенькую – впихнет ее в тесный кружок, не боясь, что помнутся пышные парики, и притом исхитрится остальных усадить с удобством или по меньшей мере сносно, до новых потрясений.

Еще больше меня удивило упоминание Ханны Шнайдер. Вот уж у кого нет никаких оснований сыграть для меня роль «мадам Тюрлюрю»!

Неужели при той нашей встрече в обувном магазине я произвела впечатление жалкой, унылой особы? Мне-то казалось, что мой облик выражает «настороженный интеллект» – именно так сказал обо мне однажды папин коллега, глуховатый доктор Ординот. Как-то под вечер в городе Арчере, штат Миссури, он зашел к нам на ужин с бараньими котлетками и восхитился, какую папа воспитал дочку – «редкой силы ума и характера».

– Каждому бы такую, Гарет! – говорил доктор Ординот, выгибая бровь и подкручивая регулятор слухового аппарата. – Земля быстрее завертелась бы!

Возможно, за десять минут беседы с папой Ханна Шнайдер успела на него нацелиться и решила использовать меня, тихую, молчаливую дочку, в качестве ступеньки?

Так строила свои расчеты Шейла Крейн из Притчардсвилля, штат Джорджия. Она беседовала с папой всего двадцать секунд (пока отрывала корешок его билета на выставку детского творчества в местной начальной школе) и тем не менее решила, что он – ее суженый. Работая на полставки в школьном медкабинете, мисс Крейн завела привычку возникать на перемене около качелей и громко выкликать меня по имени, держа в руках коробку мятного печенья в шоколаде. Завидев меня, она протягивала печеньице, словно приманивая бездомную собачонку.

– А расскажи что-нибудь про своего папу? – спрашивала она как бы невзначай, хотя сверлила меня глазами, как буравчиками. – Например, что он любит?

Обычно я молча хватала печенье и убегала, а один раз ляпнула:

– Карла Маркса.

– Он гомосексуалист? – ужаснулась мисс Крейн.

Революция разгорается медленно, десятилетиями тлеет под спудом нищеты и угнетения, и часто какой-нибудь роковой случай определяет, когда именно произойдет взрыв.

У папы была книжка о малоизвестных моментах истории – «*Les Faits Perdu*»¹⁰³ (Маннер, 1952), и в этой книжке я прочла, что штурм Бастилии мог бы и не состояться, если бы во время демонстрации за ее стенами простой фермер по имени Пьер Фроман не заметил, как некий тюремный стражник ткнул в него пальцем и обозвал *un bricon* (болваном).

Утром четырнадцатого июля 1789 года Пьер был сильно раздражен. Он только что вдрызг разругался со своей женой, красавицей Мари-Шанталь, из-за того, что она бессовестно заигрывала с Луи-Бежем, работником на их ферме. Ко всему прочему, стражник рыхлым телосложением в стиле сыра рокфор был схож с тем самым работником. Пьер, вконец обозлившись, ринулся на него с криком: «*C'est tout fini!*» («Ну, всё!») Обезумевшая толпа бросилась за ним, вообразив, что Пьер имеет в виду царствование Людовика XVI, хотя на самом деле в ту минуту ему представлялась Мари-Шанталь, повизгивающая от удовольствия в полях ячменя и в объятиях размякшего Луи-Бежа. Самое любопытное, что Пьер неправильно расслышал: стражник, указывая пальцем, всего лишь крикнул: «*Votre bouton*» («Ваша пуговица») – одеваясь утром, Пьер не застегнул третью пуговицу на рубашке.

¹⁰³ «*Les Faits Perdu*» – «Утраченные факты» (фр.).

Если верить Маннеру, примерно так совершались почти все исторические события, в том числе Война за независимость (Бостонское чаепитие¹⁰⁴ было делом рук развеселых студентов образца 1777 г.) и Первая мировая (Гаврило Принцип целый день выпивал со своими друзьями из организации «Черная рука» и, разгулявшись, пальнул несколько раз в воздух, чтобы покрасоваться, а тут как раз мимо проезжал кортеж эрцгерцога Фердинанда) (стр. 199, стр. 243). Хиросима тоже результат нелепой случайности. Когда Трумэн объявил кабинету министров: «Что ж, приступим к намеченной процедуре!» – он вовсе не имел в виду бомбардировку Японии, а всего лишь выражал свое намерение окунуться в бассейн при Белом доме.

Точно так же случайно произошла и моя революция.

В ту пятницу на обеденной перемене устроили общее угощение для учителей и учеников, чтобы все могли лучше познакомиться друг с другом. Все толклись на открытой террасе, наслаждаясь лучшими сортами фруктового мороженого – его раздавал школьный повар Кристиан Гордон. Особо рьяные ученики (в их числе Рэдли Клифтон с выглядывающим из-под расстегнутой рубашки животиком) отирались поближе к начальству (от которого, как видно, зависели почетные грамоты и прочие награды; а папа всегда говорит, мол, в наше время подхалимаж не в моде: «Лизоблюдство, личные связи – все это безнадежно устарело»).

Я скромненько поздоровалась кое с кем из учителей, улыбнулась миз Филобек, одинокую грустившей под канадской елью; в ответ, правда, учительница только поджала губы. В конце концов я отправилась в корпус Элтон-Хаус, где предполагался следующий урок (история искусств по углубленной программе), и села ждать в пустом классе.

Минут через десять появился мистер Арчер (см. статью «Красноглазая квакша», «Мир земноводных, семейство *Ranidae*: от царевны-лягушки к головастику», Сёва, 1998). В руках он держал стаканчик мороженого со вкусом манго и экологически безвредный бумажный пакет с надписью «Друг Земли». Блестевшие на лбу капельки пота придавали ему сходство с запотевшим стаканом охлажденного чая.

– Не сможешь мне подготовить к уроку слайд-проектор? – спросил мистер Арчер (он, хоть и «Друг Земли», был зато «Враг всяческой техники»).

Когда я уже заканчивала вставлять в аппарат сто двенадцать слайдов, стали появляться другие ученики – с мороженым в руках и блаженными улыбками на лицах.

– Спасибо за помощь, Птичка-Синичка! – Мистер Арчер улыбнулся, опираясь на столешницу длинными пальцами, как лягушка присосками. – Сегодня мы закончим с наскальной живописью в пещере Ласко и обратимся к богатейшей художественной традиции той местности, которую в наши дни занимает южная часть Ирака.

Я, в отличие от Пьера Фромана, расслышала совершенно правильно. И в отличие от министров Трумэна верно поняла смысл сказанного. Учителя и раньше придумывали мне разные клички, от Синди и Синтии до Вон Там, В Углу, и Красная Шапочка – Шучу-Шучу. С двенадцати до четырнадцати лет я свято верила, что на моем имени лежит проклятие и преподаватели боятся – если произнести его вслух, оно взорвется, словно шариковая ручка в высокогорных условиях, и навеки забрызгает их несмыслимой синевой.

Лотти Бергони, учительница второго класса в Покусе, штат Индиана, прямо-таки позвонила папе и всерьез потребовала, чтобы он дал мне другое имя.

– Ты не поверишь! – восхитился папа шепотом, прикрыв трубку ладонью и показывая мне знаками, чтобы послушала с другого телефона.

¹⁰⁴ *Бостонское чаепитие* (Boston Tea Party) – акция протеста американских колонистов 16 декабря 1773 г. в ответ на действия британского правительства, в результате которой в Бостонской гавани был уничтожен груз чая, принадлежавший английской Ост-Индской компании. Это событие положило начало Американской революции.

– Мистер Ван Меер, я вам скажу откровенно: это нездоровое имя. Дети в школе над ним смеются. Называют девочку Фиолетовой. А кто пообразованнее – Кобальтовой. Может быть, вы подумаете, подберете какие-то другие варианты?

– А вы, мисс Берги, что посоветуете?

– Ну, не знаю, как вам, а мне всегда нравилось имя Дафна...

Может, на меня особенно сильно подействовало конкретное имя, выбранное мистером Арчером. Или то, с какой уверенностью он его произнес, – ни секунды колебания.

Вдруг стало трудно дышать. Ужасно захотелось вскочить со стула и рявкнуть:

– Синь меня зовут, уроды поганые!

Вместо этого я вытащила из рюкзака три письма, запрятанные под обложку дневника. Перечитала их одно за другим и вдруг поняла, как поступлю. Такая же ясность снизошла на Робеспьера, когда он лежал в ванне и вдруг к нему, будто три торговых галеона в порт, приплыли три слова: *liberté, égalité, fraternité*¹⁰⁵.

* * *

После уроков я позвонила папе в университет с платного телефона-автомата в корпусе Ганновер. Попросила передать, чтобы он приехал за мной попозже, в четыре сорок пять, – якобы я задержусь у преподавательницы углубленного курса литературы, миз Симпсон, обсудить ее «Большие надежды»¹⁰⁶ по поводу моего доклада. Потом забежала в женский туалет – проверить, не застряло ли у меня что-нибудь в зубах, не присела ли я случайно на жвачку или кусок шоколада и нет ли у меня на лице синих пятен от испачканных в чернилах пальцев (такое уже случалось). Затем, старательно делая вид, будто мне все нипочем, я отправилась к корпусу Барроу. Постучалась в дверь комнаты номер 208. Из-за двери ответили будничным голосом:

– Открыто!

Я осторожно заглянула в комнату. В центре комнаты сидели за столом четверо неулыбчивых мучнисто-бледных школьников. Другие столы были сдвинуты к стенам.

– Привет, – сказала я.

На меня смотрели без восторга.

– Я – Синь.

– Здесь собирается гильдия демонологии для игры в «Подземелья и драконы», – объявил один парень таким пискливым голосом, будто воздух выходит из велосипедной шины. – Вон там лежат руководства для игроков. Мы сейчас распределяем роли на год.

– Я – мастер подземелья, – поспешно уточнил другой мальчик.

– Ты – Джейд? – спросила я с надеждой одну из девочек.

Гипотеза не совсем беспочвенная: у девочки в длинном черном платье, с узкими рукавами и разрезами у плеч на средневековый манер, волосы были зеленые, как сушеный шпинат.¹⁰⁷

– Лиззи, – ответила она, подозрительно прищурившись.

– Ты знаешь Ханну Шнайдер? – спросила я.

– Которая историю кино ведет?

– О чем это она? – спросила другая девчонка.

– Извините, – сказала я и выскочила из комнаты.

¹⁰⁵ *Liberté, égalité, fraternité* – свобода, равенство, братство (фр.).

¹⁰⁶ «Большие надежды» (1860–1861) – роман Чарльза Диккенса.

¹⁰⁷ – Ты – Джейд? – спросила я с надеждой одну из девочек. / Гипотеза не совсем беспочвенная: у девочки... волосы были зеленые, как сушеный шпинат. – «Джейд» (jade) по-английски означает «нефрит».

Сбежала по лестнице, намертво вцепившись в свою улыбку, словно какая-нибудь безумная католичка – в свои четки.

Всегда трудно признать, что тебя обдурили и облапошили. Особенно если всю жизнь гордилась своей могучей интуицией. Дожидаясь папу на ступенях Ганновера, я пятнадцать раз перечитала письмо Джейд Уайтстоун – ведь наверняка я что-то перепутала: то ли день, то ли время, то ли место встречи. А может, это она ошиблась? Может, она, пока писала письмо, смотрела классический фильм «В порту»¹⁰⁸ – вот и отвлеклась на бесконечно трогательную сцену, когда Марлон Брандо поднимает оброненную Эвой Мари Сент крошечную белую перчатку и натягивает на свою мощную лапу? Конечно, скоро мне стало ясно, что буквально в каждой строчке письма проглядывает издевка – особенно в конце, а я и не заметила.

Меня попросту разыграли.

Еще ни один бунт не заканчивался таким грандиозным пшиком – разве что «Восстание в кабаре „Гран Горизонтес“ отеля „Тропикоко“» в Гаване, – папа говорит, это был мятеж безработного биг-бенда и кордебалета «Эль Лоро Бонито» и длился он ровно три минуты («Четырнадцатилетний любовник и то продержался бы дольше», – заметил папа). Я сидела на ступеньках, и было мне тошно. Я притворялась, что не смотрю завистливо на радостных детишек с громадными портфелями, залезающих в родительские машины, и на долговязых мальчишек в не заправленных в брюки рубашках, бегающих и орущих на лугу, – шиповки, перекинутые за тощие плечи, болтались, будто старые кеды на проводах.

Пошел уже шестой час. Я делала на коленке домашку по углубленной физике, а папа до сих пор не появился. В тускнеющем предвечернем свете газоны, корпуса и дорожки поблекли и выцвели, как на фотоснимках времен Великой депрессии. Несколько учителей брели к автостоянке для сотрудников (шахтеры возвращаются из забоя), а в остальном было пусто и тихо, только дубы обмахивались ветками, словно скучающие южане, да где-то вдали раздавался свисток спортивного тренера.

– Синь?

Я оглянулась назад и застыла от ужаса – по ступенькам спускалась Ханна Шнайдер.

– Что ты здесь делаешь так поздно?

– А-а! – Я улыбнулась как могла бодрее. – Папа задержался на работе.

Главное – всеми средствами показать, что меня в семье любят и обо мне заботятся. А то учителя смотрят на детей, за которыми не приехали родители, как на подозрительный багаж, оставленный без присмотра в аэропорту.

Ханна Шнайдер остановилась возле меня:

– Ты сама не водишь машину?

– Нет пока. То есть я умею, просто еще права не получила.

Папа считал, что незачем: «Какой смысл? Хочешь за год до колледжа гонять по городу, словно акула в поисках мелкой рыбешки? Нет уж! Я оглянуться не успею, а ты уже напаялишь на себя байкерскую косуху... Разве не лучше, когда тебя возит преданный шофер?»

Ханна кивнула. На ней была длинная черная юбка и желтая вязаная кофта на пуговицах. Обычно учительская прическа к концу дня напоминает засохшее комнатное растение, а у Ханны волосы маняще ложились на плечи темной, чуть рыжеватой в лучах заходящего солнца – как у Лорен Бэколл¹⁰⁹, эффектно замершей в дверях. Очень странно видеть

¹⁰⁸ «В порту» (*On the Waterfront*, 1954) – классическая американская драма Элиа Казана о коррупции в профсоюзах портовых грузчиков. Главную роль исполняет Марлон Брандо. Картина завоевала восемь премий «Оскар» (1955), включая премию за лучший фильм года, четыре «Золотых глобуса» (1955), специальный приз жюри Венецианского кинофестиваля (1954) и множество других наград.

¹⁰⁹ Лорен Бэколл (1924–2014) – американская актриса, признанная Американским институтом кино одной из величайших кинозвезд в истории Голливуда. Вдова Хамфри Богарта, «хозяйка норы» Крысиной стаи. Обладательница почетного «Оскара» (2009), двух «Золотых глобусов» и двух премий «Тони».

училку такой греховно-привлекательной. Она буквально притягивала взгляд. Словно в мыльной опере – так и чувствуешь, сейчас будет какая-то феерическая жесть.

– Значит, Джейд за тобой заедет, – как ни в чем не бывало объявила она. – Тем лучше, а то мой дом нелегко найти. В это воскресенье, часа в два, в половине третьего. Ты любишь тайскую кухню? Я готовлю для них что-нибудь каждое воскресенье, а ты будешь почетной гостьей до конца года. Ты к ним привыкнешь, узнаешь получше. Постепенно. Они чудесные дети. Чарльз – само очарование, а вот с другими иногда бывает трудно. Как и все, они ненавидят перемены, но ведь все хорошее в жизни поначалу принимаешь в штыки. Если будут тебя тиранить, помни – дело не в тебе, а в них. Просто им надо научиться обуздывать себя. – Ханна вздохнула, как домохозяйка в рекламе (непослушный ребенок, пятно на ковре), и махнула рукой, словно отгоняя невидимую муху. – Как тебе в школе? Осваиваешься понемногу?

Она говорила очень быстро, а у меня почему-то сердце кувыркалось в груди, словно я – сиротка Энни, а она – та потрясающая женщина, которую играет Энн Райнкинг¹¹⁰; папа еще говорил, что у нее невероятные ноги.

– Да, – сказала я и встала.

– Замечательно! – Ханна сложила вместе ладони, словно модельер, любующийся своей осенней коллекцией. – Я возьму твой адрес в учительской и передам Джейд.

Тут я заметила стоящий неподалеку папин «вольво». Наверное, папа смотрел на нас, но я видела только неясный силуэт за рулем. В ветровом стекле отражались дубы и желтеющее небо.

– Это, наверное, за тобой приехали, – сказала Ханна, проследив мой взгляд. – Так до воскресенья?

Я кивнула. Ее рука невесомо легла на мое плечо. От Ханны пахло грифелем, и мылом, и – внезапно – магазином винтажной одежды. Она проводила меня до машины и, помахав папе рукой, отправилась дальше, к автостоянке для сотрудников.

– Что ты так поздно? – спросила я, усаживаясь.

– Прости, – сказал папа. – Я уже собрался выходить, и тут явился совершенно кошмарный студент с кучей дурацких вопросов и взял меня в заложники...

– А ты понимаешь, как это выглядит? Как будто я – заброшенный нелюбимый ребенок с ключом на шее. Знаешь, о них такие душераздирающие передачи показывают...

– Не надо себя недооценивать. Если ты – передача, то скорее уж «Театральные шедевры». – Папа завел мотор, косясь в зеркальце заднего вида. – А это, надо понимать, та надоедливая дамочка из обувного?

Я кивнула.

– И что ей нужно на сей раз?

– Ничего. Просто подошла поздороваться.

Я хотела рассказать папе правду – в воскресенье все равно придется отпрашиваться в гости «к какой-нибудь безмозглой Сюзи с вечно раззявленным ртом», «беспросветной девице, которая воображает, будто красные кхмеры – это сорт губной помады, а партизанская война как-то связана со школьными партами»; но мы уже мчались мимо спортивного центра «Бартлби» и футбольного поля, где толпа голых до пояса мальчишек подпрыгивала, словно форель, стучая головой по мячу. А как только объехали часовню, прямо перед нами возникла Ханна Шнайдер – она отпирала дверцу старенькой красной «субару». Заднюю дверцу, помнящую, точно банка из-под кока-колы. Заметив нашу машину, Ханна отбросила волосы со лба и улыбнулась характерной потаенной улыбкой изменяющих мужу домохозяек, блефующих игроков в покер и жуликов высшего полета на фотографиях анфас и в профиль. В эту минуту я решила оставить ее слова при себе – держать и не выпускать как можно дольше.

¹¹⁰ Энн Райнкинг (р. 1949) – американская актриса, танцовщица и хореограф. В фильме «Энни» (1982) исполнила роль Грейс Фаррелл, секретарши миллиардера Уорбекса (в конце фильма он влюбляется в Грейс и удочеряет сиротку Энни).

Папа говорил:

– Ничего нет более упоительного для человеческого разума, чем хорошо продуманный тайный план.

Глава 8. «Мадам Бовари», Гюстав Флобер

Есть одно стихотворение, называется «Mein Liebling» – «Любимая»; папа его очень любил и знал наизусть. Автор – поздненемецкий поэт Шуберт Кёниг Бонхоффер¹¹¹ (1862–1937). Бонхоффер был калека, глухой и слепой на один глаз, но, по мнению папы, он лучше понимал суть вещей, чем люди, полностью владеющие всеми органами чувств. Почему-то – может, и несправедливо – это стихотворение всегда напоминало мне Ханну.

Возлюбленного существа
Я душу стал искать когда-то,
Но не в обетах, не в словах,
Изменчивых, подобно злату.

В глазах, поэты говорят,
В глазах. О, эта сила взгляда!
Чему в ответ глаза горят?
Призыву Рая или Ада?

О, алость губ! Я в них алкал
Следов души нежнее пуха.
И вдруг – насмешливый оскал
Навстречу страждущему духу!

О, руки, – вот души приют!
Спят на коленях чуткой птицей.
Ледышки-пальцы выдают
Тот жар, что мне порою мнится.

Но вот – руки прощальный взмах.
Спешу ей вслед, не поспевая.
Бреду обратно, как впотьмах,
Свой дом пустой не узнавая.

Когда бы я умел читать
(Как лощманы читают море)
Ее походку, облик, стать,
Я смог бы наконец понять
Мечту, живущую во взоре.

О, просвещенной жизни путь!
Сам Бог не знал бы в ней сомнений!
Я тщусь постичь любимой суть.
Вокруг нее таятся тени.

Воскресные обеды для избранной компании Ханна устраивала практически каждую неделю; традиция держалась уже три года. Чарльз и другие ждали этих сборищ (даже адрес

¹¹¹ Шуберт Кёниг Бонхоффер (1862–1937) – вымышленный автор.

немножко колдовской: номер 100 по Ивовой улице), ждали с нетерпением, как в 1943 году нью-йоркская богатая наследница, стройная, словно стебелек сельдерея, и похожий на свеклу богатенький папик ждали жарких субботних вечеров в клубе «Аист»¹¹² (см. «Забыть „Эль Морокко“¹¹³: клуб „Аист“, Ксанаду нью-йоркской элиты, 1929–1965», Райзер, 1981).

– Я уже не помню, как все началось. Просто мы все пятеро замечательно с ней поладили, – рассказывала Джейд. – Она потрясающая, это каждому видно. Мы только-только перешли в старшую школу, все записались на ее курс истории кино, а после уроков часами просиживали у нее в классе. Трепались обо всем на свете – о жизни, о сексе, о «Форресте Гампе». А потом стали вместе ходить куда-нибудь поесть и так далее. Однажды она пригласила нас к себе, приготовила что-то из кубинской кухни. Мы засиделись до утра, хохотали как ненормальные. Не помню, над чем смеялись, но весело было – словами не передать. Конечно, мы об этом никому и до сих пор помалкиваем. Хавермейер не любит, чтобы учителя и ученики общались во вне-учебное время. Боятся разных там оттенков серого – ты меня понимаешь? А Ханна, она как раз такая. Оттенок серого.

Конечно, в тот первый день я ничего этого не знала. Я даже собственное имя не смогла бы с уверенностью назвать, сидя в машине рядом с Джейд – довольно-таки пугающей личностью. Той самой, что два дня назад коварно отправила меня в гильдию демонологии.

Я уже думала, что и в этот раз меня продинамят: в половине четвертого Ханны еще не было и в помине и никто другой тоже не появился. Я с утра намекнула папе, что, возможно, во второй половине дня поеду готовиться к урокам вместе с одноклассниками (папа нахмурился, удивляясь, как я опять согласилась на это издевательство). Впрочем, ничего объяснять не пришлось – папа умчался в университет, вспомнив, что забыл на кафедре нужную книгу о Хо Ши Мине. Потом он позвонил и сказал, что прямо там и закончит очередную статью для «Форума» – «Рюшечки бронированной идеологии» или что-то в этом роде, – а домой приедет к обеду. Я сделала себе сэндвич с курицей и салатом и устроилась на кухне, решив посвятить остаток дня книге «„Авессалом, Авессалом!“ – исправленное издание» (Фолкнер, 1990), как вдруг около дома взвыл автомобильный гудок.

– Прошу прощения, я кошмарно опоздала! – крикнула девушка за рулем, приоткрыв на дюйм тонированное стекло в окне черничного цвета «мерседеса».

Сквозь щель были видны только прищуренные глаза и светлые, словно выгоревшие на солнце, волосы.

– Ты готова? А то без тебя уеду, пробки нечеловеческие.

Я поскорее схватила ключи и первую попавшуюся книжку – одну из папиных любимых, «Эндшпили гражданских войн» (Агнер, 1955). Вырвав последнюю страницу, наспех нацарапала записку («Поехала делать домашнее задание по „Улиссу“») и оставила на круглом столике в прихожей. Даже не потрудилась подписаться, как обычно: «С любовью, Кристабель»¹¹⁴.

И вот мы уже мчимся в ее «мерседесе», похожем на кита-убийцу. Меня обуревают Недоверие, Смущение и Откровенная паника – стрелка спидометра дрожит возле отметки 80 миль в час, рука с наманикюренными пальчиками праздно возлежит на баранке, белокурые волосы зверски стянуты в узел на затылке, ремешки босоножек перекрещиваются до самых колен. Серьги, похожие на хрустальную люстру, покачиваются каждый раз, как Джейд отрывает взгляд от дороги, чтобы оглядеть меня с выражением «терпения, близкого к истощению» (так

¹¹² ...в клубе «Аист»... – Клуб «Аист» (*Stork Club*) – ночной клуб на Манхэттене в Нью-Йорке. В годы своего существования (1929–1965) был одним из самых престижных клубов в мире.

¹¹³ «Эль Морокко» (также сокращенно «Элмо» и «Элмер») – популярный ночной клуб на Манхэттене в 1930–1950-х гг. Упоминается во многих кинофильмах, таких как «Сабрина», и литературных произведениях (например, в романах «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, «Тени в раю» Ремарка).

¹¹⁴ Кристабель – героиня неоконченной поэмы С. Т. Кольриджа «Кристабель» (1797–1800), идеальная, любящая и послушная дочь.

выразился папа, рассказывая о том, как дожидался, пока июньская букашка по имени Шелби Холлоу пребывала в салоне «Голова-ноги, высший шик», где ей наводили красоту на светорфорного оттенка ногти, креативно выбеленные на полголовы кудри и вдобавок делали педикюр – а ноги-то с шишками на косточках, ядовито прибавил папа).

– Да, так вот, это... – Джейд потрогала ворот попугайно-зеленого платья в стиле кимоно, думая, видимо, что я онемела от восторга. – Это моей мамуле Джефферсон подарил богатенький японский бизнесмен Хирофуми Кодака – она его три жутких вечера подряд развлекала в «Ритце» в восемьдесят втором. Он страдал от бессонницы после перелета и ни слова не говорил по-английски, так что ей пришлось быть ему круглосуточной переводчицей, если ты меня понимаешь... Да уйди ты с дороги, сволочь!

Джейд надавила на гудок. Мы ловко подрезали скромный серенький «олдсмобиль», за рулем которого сидела старушка – божий одуванчик. Джейд еще и обернулась и показала ей средний палец.

– Ехала бы лучше на кладбище, старая кошелка!

Мы свернули с шоссе на съезд номер 19.

– Кстати! – Джейд снова глянула на меня. – Почему ты не явилась?

– Что? – еле выговорила я.

– Мы ждали, ждали, а ты не пришла.

– А-а... Да я приходила, заглянула в двести восьмую...

– Двести восьмую? – скривилась Джейд. – Написано же было – в триста восьмую.

Кого она пыталась обмануть?

– Написано было «двести восемь», – тихо ответила я.

– Нет, я точно помню, я написала «триста». Между прочим, ты много потеряла. Мы приготовили торт с глазурью и свечами и вообще, – добавила она рассеянно.

Я уже приготовилась выслушать сказочку о приглашенной танцовщице живота, катании на слонах и пляске дервишей, но тут, к счастью, Джейд воскликнула:

– Обожаю Дару и «Баунсинг Чекс»!¹¹⁵ – и включила радио на полную громкость.

Тяжелый металл гремел вовсю, а вокалист орал так, словно его топчут быки в Памплоне¹¹⁶. Мы с Джейд молчали. Она от меня попросту отмахнулась, как отряхивают ушибленную руку. Глянула на часы, поморщилась, полюбовалась на свои голубые глаза в зеркальце заднего вида, смахнула крупинки туши, осыпавшиеся с ресниц на щеки, намазала губы розовой блестящей помадой, потом еще и еще, так что помада потекла в уголке рта. У меня не хватило духу сообщить об этом Джейд. Какая-то она была нервная и беспокойная. Мне вдруг представилось, что в конце дороги, после бесконечных до одурения лесов, полей, безымянных грунтовых дорог и сараев, похожих на обувные коробки, возле которых скучали терпеливые худые лошади, нас ждет не обычный дом, а черная дверь, перегороженная бархатным шнуром. Охранник смерит меня взглядом, убедится, что я не знакома лично с Фрэнком, Эрролом или Сэмми¹¹⁷ (и вообще ни с одним титаном из мира шоу-бизнеса), и объявит, что я недостойна войти внутрь – то есть, попросту говоря, недостойна жить.

¹¹⁵ – *Обожаю Дару и «Баунсинг Чекс»!* – Певица и рок-группа вымышленные.

¹¹⁶ ...вокалист орал так, словно его топчут быки в Памплоне. – Во время фиесты в Памплоне перед корридой пускают по специально выделенным улицам города несколько быков – как правило, шесть. Желающие могут попытаться убежать от разъяренных быков. Этот обычай описан в романе Э. Хемингуэя «И восходит солнце». Бег быков почти каждый год сопровождается травмами, а иногда и человеческими жертвами.

¹¹⁷ ...не знакома лично с Фрэнком, Эрролом или Сэмми... – Фрэнк Синатра (Фрэнсис Альберт Синатра, 1915–1998) – американский певец, актер и шоумен, легенда не только музыкального мира, но и всей американской культуры в целом. Эррол Лесли Томсон Флинн (1909–1959) – голливудский актер австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х гг., прославился в амплу отважных героев и благородных разбойников. Сэмюел Джордж «Сэмми» Дэвис-младший (1925–1990) – американский эстрадный артист, киноактер и певец. Выступать на сцене начал уже в трехлетнем возрасте.

Но дом наконец-то, после долгого петляния по щебенке, все-таки появился: прильнувшая к холму неуклюжая любовница с деревянной физиономией и дурацкими пристройками по бокам наподобие фижм. У крыльца уже стояло несколько машин. Едва мы позвонили, Ханна распахнула дверь, обдав нас волной Нины Симон¹¹⁸, восточных пряностей и каких-то французских духов. Лицо ее сияло, сияла и люстра в гостиной. Рядом нервно теснились штук семь-восемь собак разных пород.

– Это Синь, – равнодушно обронила Джейд, проходя в дом.

– Конечно! – воскликнула, улыбаясь, Ханна. – Главная наша гостья сегодня!

Она была босая, в тяжелых золотых браслетах и оранжево-желтом одеянии – батик в африканском стиле. Темные волосы стянуты в безупречный конский хвост.

Я очень удивилась, когда она меня обняла. Объятие потянуло бы на эпическую сцену стоимостью в миллионы долларов, с десятью тысячами человек массовки (не какой-нибудь невнятный эпизодик на зернистой пленке). Отпустив меня наконец, Ханна стиснула мою руку – так встречающие в аэропорту сжимают руки близких, с кем сто лет не виделись, и спрашивают, как прошел перелет. Она притянула меня к себе, неожиданно худенькая, обвив меня рукой за талию.

– Синь, познакомься: это Фугатий¹¹⁹, это Броди – у него только три ноги, что не мешает ему рыться в мусоре. Клык, Пибоди, Артур, Сталлоне, Чихуахуа – он у нас куцый, дверцей в машине хвост прищемило. И Старый Хрыч, в глаза ему не смотри.

Старый Хрыч был тощий – кожа да кости – грейхаунд с красными глазами пожилого ночного дежурного в будке сбора оплаты за проезд. Прочие собаки косились на Ханну с сомнением, как будто она представляла их какому-нибудь потустороннему духу.

– Кошки тоже где-то здесь, – продолжала Ханна. – Персы Лана и Тернер¹²⁰, а в кабинете обитает неразлучник Леннон. Срочно требуется Йоко ему в пару. Жаль, в приюте для бездомных животных не часто появляются птицы. Чай улун будешь?

– Конечно, спасибо, – сказала я.

– Ах да, ты ведь еще с остальными не познакомилась?

Я отвлеклась от черно-рыжего Чихуахуа, подобравшегося поближе исследовать мои туфли, и тут увидела их – в том числе и Джейд. Плюхнувшись на обмякший шоколадный диван, та нацелила на меня сигарету, точно дротик. Все они смотрели на меня застывшими взглядами, и от этого возникало ощущение, как будто я снова с папой в музее неподалеку от Атланты рассматриваю картины в зале живописи девятнадцатого века. Тощая девчонка – темные волосы висят травой морскою – устроилась на скамье у фортепьяно, обхватив колени руками («Портрет крестьянской девочки», бумага, пастель); мелкий пацан в очках, как у Бена Франклина, сидит по-турецки рядом с облезлой псиной по имени Клык («Мальчик с собакой», Брит., холст, масло). Другой – здоровый, плечистый – прислонился к книжному шкафу, скрестив руки и лодыжки, черная прядка свисает на лоб («Старая мельница», неизвестный художник). Только одного из всех я узнала – Чарльза в кожаном кресле («Веселый пастух», в позолоченной раме). Чарльз ободряюще улыбнулся, но вряд ли это что-то значило – он раздавал улыбки, как сотрудник кафе, в костюме курицы, раздает талончики на бесплатный завтрак.

– Ну давайте представьтесь! – бодро предложила Ханна.

Они по очереди назвали свои имена – вежливо, но совершенно не творчески. Что называется, без огонька.

¹¹⁸ *Нина Симон* (Юнис Кэтли Уэймон, 1933–2003) – выдающаяся американская певица, пианистка, композитор, аранжировщица. Придерживалась джазовой традиции, однако использовала самый разный исполняемый материал, сочетала джаз, соул, поп-музыку, госпел и блюз, записывала песни с большим оркестром.

¹¹⁹ *Фугатий* – легендарный епископ и святой II века, присланный папой римским проповедовать христианство в Британии.

¹²⁰ *...Лана и Тернер...* – Лана Тернер (Джулия Джин Милфред Фрэнсис Тернер, 1921–1995) – американская актриса, одна из самых чувственных звезд классического Голливуда.

- Джейд.
 - Мы уже знакомы, – сказал Чарльз.
 - Лула, – промолвила Девочка-крестьянка.
 - Мильтон, – сказал Старая мельница.
 - Найджел Крич, очень приятно познакомиться, – сказал Мальчик с собакой.
- Его улыбка сверкнула и погасла, как искра зажигалки, когда в ней кончился бензин.

Если считать, что в каждой истории имеется свой золотой век, то воскресные обеды у Ханны в ту осень как раз и были таким золотым веком. Если процитировать одну из папиных любимых киногероинь, блистательную Норму Десмонд¹²¹, в сцене, где она вспоминает ушедшую эпоху немого кино: «Нам не нужен был диалог. У нас были лица».

Нечто похожее было, мне кажется, в тех вечерах у Ханны (нагл. пос. 8.0). Простите за убогое изображение Чарльза – да и Джейд, наверное, тоже. В жизни они гораздо красивее.

Чарльз – красавец (причем полная противоположность Андрео). Золотые кудри, взрывной темперамент – он был не только звездой «Сент-Голуэя» по легкой атлетике, кому одинаково легко давались прыжки в высоту и бег с препятствиями, но еще и школьным Траволтой. Он запросто мог на перемене отхватить беззвучную чечетку, причем в партнерши выбирал не только известных школьных красавиц, не обходил вниманием и менее физически одаренных. Только что вальсировал возле учительской с одной девчонкой, и уже к нему в ритме румбы подлетает другая, и вот они лихо исполняют пачангу в дальнем конце коридора. Чудо, что ни разу никому ноги не отдавили.

А Джейд – роковая красавица (см. «Степной орел» в кн. «Пернатые хищники», Джордж, 1993). Когда она влетала в класс, девчонки порскали в стороны, как белки и бурундуки (мальчишки, пугаясь не меньше, притворялись мертвыми). Бескомпромиссно-блондинистая («Волосы выбелены по самое не могу», – выразилась как-то Бет Прайс на уроке углубленной литературы), пяти футов восьми дюймов росту¹²², «поджарая», она расхаживала по школе в мини-юбке, носила учебники в черной кожаной сумке («Спорим, от Донны, чтоб ее, Каран») и сохраняла неизменно строгое и печальное выражение лица – то есть это я так воспринимала, а большинство считали, что она просто нос задирала. К Джейд, как ко всякой хорошей крепости, было не подступиться, и потому девчонки видели в ней не просто угрозу, а прямо-таки нарушение всех законов добра и порядка. Напрасно спортивный центр «Бартлби» тратил столько сил на рекламную кампанию, пропагандируя здоровое отношение к женской фигуре (фотографии с обложек журналов «Вог» и «Максим», а поперек надпись: «С такими ногами невозможно нормально ходить» и «Все дело в фотообработке»). Стоило Джейд лебедушкой проплыть мимо, жуя «сникерс», как становилась очевидной пугающая истина: с такими ногами ходить очень даже можно. Самим своим существованием она постоянно подчеркивала раздражающий многих факт: некоторые люди побеждают в викторине по теме «Божественная внешность», и ничего тут не поделаешь, остается только смириться с тем, что ты сама участвуешь исключительно в категории «Серая посредственность», да и то не поднимаешься выше третьего места.

Найджел – ноль без палочки (см. «Негативное пространство» в кн. «Уроки рисования», Трей, 1973, стр. 29). На первый взгляд он был совершенно обыкновенный (на второй и на третий – тоже). Лицом и вообще всем собой напоминал петличку для пуговицы: маленький, узенький, никакой. Росточком не больше пяти футов пяти дюймов¹²³, русые волосы, лицо круглое,

¹²¹ ...блистательную Норму Десмонд... – Норма Десмонд – персонаж фильма-нуар «Бульвар Сансет» (Sunset Boulevard, 1950) в исполнении Глории Свенсон, стареющая звезда Голливуда.

¹²² ...пяти футов восьми дюймов росту... – 1 м 73 см.

¹²³ ...пяти футов пяти дюймов... – 1 м 65 см.

невнятное и розовое, как пяточки младенца. Круглые очки его не красили... хотя и не портили. В школе он всегда носил узкие ярко-оранжевые галстуки – подозреваю, это было у него как проблесковый маячок у автомобиля, чтобы привлечь внимание. Однако при ближайшем рассмотрении в его обыкновенности обнаруживались разные интересные особенности. Он обгрызал ногти до мяса; говорил очень тихо, выпаливая слова короткими очередями (словно стайка бесцветных гуппи мечется по аквариуму); в больших компаниях его улыбка, будто неисправная лампочка, нехотя вспыхивала и мгновенно гасла; а если поднести к свету волосок с его головы (я как-то сидела рядом с ним и волос прицепился к юбке), то он мерцал и переливался всеми цветами радуги, включая фиолетовый.

[НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ 8.0]

Затем еще Мильтон – угрюмый, крупный, бугристый, как чье-нибудь любимое кресло, в котором так уютно сидеть с книжкой, вот только обивку давно пора обновить (см. «Барibal, или американский черный медведь» в кн. «Наземные хищники», Ричардс, 1982). В свои восемнадцать он выглядел на тридцатник. Лицо с карими глазами, курчавыми темными волосами и припухлым ртом по-своему почти привлекательно, словно бы отголоском былой красоты. Чем-то он напоминал Орсона Уэллса или, скажем, Жерара Депардьё: чудилось, что в его большом тяжеловесном теле заточен некий мрачный гений и что от него даже после два-

дцати минут под душем несет застарелым сигаретным дымом. Большую часть своей жизни он прожил в штате Алабама, в городе под названием Мятёж, и говорил с таким густым южным акцентом – хоть на хлеб намазывай. Как у всех загадочных героев, у него была ахиллесова пята: большущая татуировка на правой руке, повыше локтя. Милтон всячески ее скрывал – носил рубашки с длинными рукавами, никогда не раздевался до пояса, – а если какой-нибудь комик на физкультуре спрашивал, что у него там, то или смотрел на дебила не мигая, как на старый выпуск викторины «Угадай цену», или отвечал со своим тягучим акцентом:

– Не твое собачье дело.

И конечно, хрупкое создание (см. «Джувьетта», Дж. У. Уотерхаус, 1898)¹²⁴. Лула Малони с жемчужно-бледной кожей, по-птичьи тоненькими руками и длинными темными волосами, вечно заплетенными в косу, вроде тех шнуров, за которые в девятнадцатом веке дергали аристократы, призывая слуг. Она была хороша удивительной старинной красотой – такие лица встречаешь на камнях и каких-нибудь амулетах. О такой вот романтической внешности я мечтала, когда мы с папой читали о Глориане в «Королеве фей» (Спенсер, 1596) или обсуждали любовь Данте к Беатриче Портинари («Знаешь, как трудно в наше время найти женщину, похожую на Беатриче? – говорил папа. – Наверное, проще было бы пробежаться со скоростью света»).

В начале осени я пару раз видела, как Лула в длинном платье (белом или прозрачно-голубом) прогуливалась по территории кампуса под бешеным ливнем, подставив лицо водяным струям, когда все вокруг с визгом мчались в укрытие, прикрывая голову учебниками или распадающимися на ходу экземплярами «Голуэй газетт». Могла она замереть на корточках, зачарованно рассматривая кусочек коры или луковицу тюльпана. Мне, конечно, казалось, что все это просто игра на публику. В городе Окуше, штат Нью-Мексико, у папы как-то случился нудный пятидневный роман с женщиной по имени Березка Петерсен. Эта Березка все уговаривала нас с папой беспечно танцевать под дождем, любить комаров и есть соевый творог тофу. За обедом, перед тем как «поглощать пищу», она произносила молитву минут на пятнадцать – просила «Богове» благословить каждую порцию съедобной плесени и каждого моллюска.

Ей не нравилось, что слово «Бог» мужского рода, и она придумала новое обращение, неопределенного рода.

– Высшая сила не принадлежит к тому или иному полу, это и выражает слово «Богове», – говорила Березка.

Я была уверена, что Лула (в компании ее называли Лу) со своими платьями-паутинками, волосами-водорослями и привычкой разгуливать, пританцовывая, где угодно, только не по предназначенным для этого дорожкам – всего лишь очередной экземпляр Березки, фанатичной сторонницы бобового творога и сине-зеленых водорослей, но вскоре мне стало ясно: девочку попросту сглазили. Навели на нее мощные чары, и потому все ее странности – реально спонтанные, а не по сценарию. Ее несколько не волнует, что о ней думают и как она выглядит со стороны, а жестокие слова жителей королевства («Какая-то она прокисшая, срок годности давно вышел», – отзывалась о ней Люсиль Хантер на уроке углубленной литературы) волшебным образом растворяются в воздухе, не дойдя до ее ушей.

О внешности Ханна, вызывающей в памяти лучшие образцы киноклассики, я больше говорить не буду, уже и так сказано достаточно. Одно только добавлю: в отличие от прочих Елен Троянских, что никак не могут успокоиться насчет собственного совершенства и вечно ходят как бы на высоченных шпильках (застенчиво сутулясь или, наоборот, гордо возвышаясь над всеми), Ханна умела словно и не замечать, что на ней туфли. Глядя на нее, начинаешь понимать, как это на самом деле утомительно – быть красивой. Наверное, жутко выма-

¹²⁴ ...«Джувьетта», Дж. У. Уотерхаус, 1898... – «Джувьетта» (1898) – картина английского художника-прерафаэлиты Джона Уильяма Уотерхауса (1849–1917).

тывает, когда на тебя целый день оборачиваются, чуть ли шеи себе не вывихивают, стараясь рассмотреть, как ты добавляешь в кофе подсластитель или выбираешь на полке баночку не очень заплесневелого черничного варенья.

Однажды на воскресном обеде Чарльз высказался – как, мол, она замечательно выглядит в черной футболке и камуфляжных штанах.

– Да ладно, – без капли кокетства отмахнулась Ханна. – Я просто усталая старушка.

Еще имя это дурацкое...

Правда, с языка оно слетает легко – по крайней мере, изящней, чем, например, Хуан Сан-Себастьян Орильос-Марипон (языколомное имечко папиного помощника в Университете Додсон – Майнер). И все-таки что-то в нем было неприемлемое. Не знаю, кто уж выбирал для нее имя – мама, папа? – но человек этот был напрочь оторван от реальности. Ведь Ханна даже в младенчестве не могла быть детенышем-троллем, а только таких нарекают Ханнами.

Хотя у меня по этой части предубеждение. Как-то в торговом центре папа заглянул в коляску, где сидел вполне довольный жизнью, но чрезвычайно старообразный ребенок.

– Счастье, что это существо надежно пристегнуто, – прокомментировал папа. – А то еще подумают, что началось вторжение марсиан, может случиться паника.

Тут подросла мамочка:

– Ах, я смотрю, вы уже познакомились с Ханной!

Если уж обязательно надо было выбрать для нее простецкое имя, назвали бы Эдит, или Надя, или Ингрид, в крайнем случае – Элизабет или Кэтрин. А по-настоящему годное имя, такое, что подошло бы ей, как Золушке – хрустальная туфелька, – это, скажем, графиня Саския Лепиньска или Анна-Мария д'Обержетт, ну хоть Агнесса Сезамская или Урсула Польская («Безобразные имена при красивых женщинах производят весьма специфический эффект Румпельштильцхена», – говорил папа).

Имя Ханна Шнайдер сидело на ней, как выбеленные джинсы «Джордаш» на шесть размеров больше, чем нужно. А один раз, когда Найджел за обедом назвал ее по имени, она ответила с крошечной задержкой – будто не сразу поняла, что это к ней обращаются.

Невольно задумаешься: может, подсознательно ей и самой не нравится быть Ханной Шнайдер? Может, она лучше была бы Анжеликой фон Гейзенштаг.

Принято рассуждать о том, как хорошо быть «мухой на стене»: никто тебя не замечает, а ты присутствуешь при разговорах избранной компании и все их секреты можешь узнать. Такой мухой на стене я и была первые шесть-семь воскресений у Ханны и могу заявить со знанием дела: такая незаметность очень быстро надоедает. Я бы даже сказала, мухам больше внимания уделяют – кто-нибудь обязательно свернет в трубку газету и будет упорно гоняться за мухой по комнате, а я и того не дождусь. Разве только Ханна изредка пыталась втянуть меня в беседу, но от этого мне только становилось неловко. Еще хуже, чем от пренебрежения остальных.

Первое воскресенье, конечно, не принесло ничего, кроме чудовищного унижения, в чем-то даже страшнее подготовки к урокам у Лероя – там, по крайней мере, я была нужна. Пусть в качестве выючного осла, чтобы дотащить всю шайку-лейку до восьмого класса. А эти – Чарльз, Джейд и прочие – откровенно давали понять, что мое участие в воскресных сборищах навязано им Ханной.

– Знаешь, что я терпеть не могу? – мило поинтересовался Найджел, пока мы с ним убрали со стола тарелки.

– Что? – спросила я, счастливая, что со мной заговорили.

– Когда стесняются.

Ясно было, кого он имеет в виду: я весь обед промолчала, а когда Ханна один-единственный раз задала мне вопрос («Ты сюда приехала из Огайо?»), я так растерялась, что голос зацепился за зубы да так и застрял.

Потом я притворялась, будто увлеченно рассматриваю кулинарную книгу, лежавшую возле CD-плеера, – «Готовим только из натуральных продуктов» (Кьоби, 1984) – и нечаянно услышала, как Мильтон в кухне со всей серьезностью спрашивал Джейд, говорю ли я по-английски.

Джейд засмеялась:

– Наверное, она из тех русских невест, которых заказывают по почте! Но при такой внешности Ханна ее не скоро пристроит. Интересно, можно ее отправить обратно наложенным платежом?

Через несколько минут после этого Джейд уже везла меня домой на безумной скорости (видно, Ханна маловато ей заплатила за услугу). Я смотрела в окно и думала, что это был самый ужасный вечер в моей жизни. Самой собой, я в жизни больше слова им не скажу, сдались мне эти дебилы недоразвитые («Банальные, бездарные подростки», – прибавил бы папа). И с этой садисткой Ханной Шнайдер тоже разговаривать не стану ни за что на свете. Заманила меня в свой гадюшник и спокойно смотрела, как я там барахтаюсь, а сама пока с загадочной улыбкой обсуждала с ними домашнее задание и всякие третьеразрядные университеты, куда надеются пролезть эти недоумки, а после обеда непростительно хладнокровно закурила сигарету, изящно изгибая руку, словно носик чайника, будто все в этом мире сказочно прекрасно.

А потом... Сама не знаю, как это получилось. Во вторник в кишачем школьниками коридоре корпуса Ганновер Ханна как ни в чем не бывало крикнула мне издалека:

– В воскресенье увидимся?

Естественно, первая моя реакция была – замереть, как олень в свете автомобильных фар. А в воскресенье Джейд снова подъехала к нашему дому, на этот раз в четверть третьего, и стекло опустила до отказа.

– Идешь? – крикнула она.

Против этого зова я была бессильна, будто дева, укушенная вампиром. Как во сне сказала папе, что совсем забыла его предупредить, мы сегодня снова собираемся готовиться к урокам, чмокнула его в щеку, не давая возразить, заверила, что мероприятие одобрено школой, и удрала.

Постепенно я смирилась с назначенной мне ролью мухи. Сперва смущалась, потом – примерно через месяц – привыкла, потому что, если честно (хоть я ни за что не призналась бы в этом папе), быть у Ханны десятой спицей в колеснице в сто раз интереснее, чем пупом земли дома.

Завернутая, словно дорогой подарок, в изумрудно-зеленый африканский батик, лиловое с золотом сари или пшеничного цвета домашнее платье, прямиком из «Пейтон-Плейс»¹²⁵ (если не замечать прожога от сигареты на бедре), по воскресеньям Ханна *принимала*, в старинном европейском значении этого слова. До сих пор не представляю, как она умудрялась готовить такие изысканные яства в своей крохотной горчишно-желтой кухоньке. Бараньи котлетки по-турецки («с мятным соусом»), бифштекс по-тайски («с картошкой, пропитанной имбирем»), вьетнамский суп с лапшой и говядиной («настоящий фо бо»). Менее удачным оказался гусь («с клюквой, шалфеем и морковкой»).

Когда Ханна готовила, даже воздух, подобно хорошему жаркому, пропитывался ароматами – свечей, вина, дерева, ее духов и влажного звериного меха. Мы кое-как доделывали домашнее задание, и тут распахивалась дверь и перед нами, словно Венера из пены, возникала Ханна в красном фартуке, заляпанном мятной приправой, мягко ступала босыми ногами с лег-

¹²⁵ «Пейтон-Плейс» (*Peyton Place*, 1957) – фильм на основе одноименного романа Грейс Металиус (1956) о сложных взаимоотношениях жителей маленького городка. Одну из главных ролей исполняет Лана Тернер. Позднее (1964–1969) по книге был снят телесериал с тем же названием. Он стал первой американской мыльной оперой, транслировавшейся в прайм-тайм.

кой, стремительной грацией Трейси Лорд в фильме «Филадельфийская история»¹²⁶. По сравнению с пальчиками ее ног свои уже нельзя было называть пальцами – так, какие-то отростки. Мерцали серьги в ушах, мерцал голос, чуть вздрагивая на окончаниях некоторых слов (у меня те же слова звучали вяло и дрябло).

– Ну как? Закончили, я надеюсь? – говорила она своим неизменно чуть хрипловатым голосом.

Ставила серебряный поднос на колченогий столик, смахнув на пол книгу с наполовину оборванной бумажной обложкой («Освобожденная женщина», Ари Со). Ломтики грюйера и чеддера лежали на блюде веером, словно девушки из кордебалета Басби Беркли¹²⁷. Рядом – чайничек с улуном. При появлении Ханны кошки и собаки вылезали из темных углов и сбивались в стаю рядом с ней, а когда она, взметнув подол длинного платья, вновь уходила на кухню (туда зверей не пускали во время готовки), они шатались по комнате, словно растерянные ковбои, не знающие, куда себя девать, раз перестрелки не случилось.

Дом Ханны (Чарльз его прозвал Ноевым ковчегом) совершенно меня покори́л своим шизофреническим очарованием. Базовая личность – обаятельно-старомодная, хоть и слегка одеревенелая (бревенчатый дом конца сороковых с камином и низко нависающими потолочными балками), а завернешь за угол – и вдруг выскакивает совсем другой персонаж, банальный и даже грубоватый (обшитые алюминием квадратные пристройки по бокам; Ханна их добавила всего лишь год назад).

В комнатах теснилась потертая разномастная мебель (полоски рядышком с клетками, оранжевое в обнимку с розовым, тут же из чулана лезет нечто пестренькое, узорчатое). Взять поляроид да сфотографировать любой уголок дома – получится похоже на картину Пикассо «Авиньонские девицы», только вместо бесформенных кубистских девушек угловатые фигуры на холсте будут обозначать покосившийся книжный шкаф (где стоят не книги, а растения в горшках, восточные пепельницы и коллекция палочек для еды; а книг всего ничего: «В дороге» [Керуак, 1957], «Измени свой мозг» [Лири, 1988]; «Воины современности» [Шют, 1989], сборник текстов Боба Дилана и «Квини» [1985] Майкла Корды)¹²⁸, а также облезлое кресло, самовар возле вешалки для шляп (без шляп) и журнальный столик без журналов.

Не только мебель в этом доме была пожившая и бедноватая. С удивлением я замечала, что при безупречно ухоженной внешности одежда у Ханны иногда бывала несколько утомленная жизнью – хотя заметить это можно, только сидя рядом и если Ханна повернется определенным образом. Хоп – и вдруг свет настольной лампы «блинчиками» по воде отскакивает от крошечных катышков на шерстяной юбке или среди утонченной беседы, пока Ханна громко, по-мужски смеется с бокалом вина в руке, от нее недвусмысленно повеет нафталином.

Некоторые ее вещи выглядели так, словно страдали бессонницей или ехали ночным поездом, – например, желто-кремовый костюм в стиле Шанель с обвисшим подолом или белый кашемировый свитер с огрубелыми локтями и бесформенной талией. А у серебристой блузки с приколотой у горла обмякшей розой вид был такой, словно она уже третий день участвует

¹²⁶ ...Трейси Лорд в фильме «Филадельфийская история». – «Филадельфийская история» (*The Philadelphia Story*) – романтическая комедия, снятая американским режиссером Джорджем Кьюкором в 1940 г., в главных ролях Кэри Грант, Кэтрин Хепбёрн (исполняет роль Трейси Лорд) и Джеймс Стюарт. Фильм считается своеобразным эталоном жанра. Основой сценария послужила пьеса Филипа Бэрри «Филадельфийская история». Позже, в 1956-м, режиссер Чарльз Уолтерс снял второй вариант фильма, в жанре музыкальной комедии, с Грейс Келли, Фрэнком Синатрой, Бингом Кросби и Луи Армстронгом. Картина вышла под названием «Высшее общество».

¹²⁷ Басби Беркли (Уильям Энос, 1895–1976) – американский кинорежиссер и хореограф. Известен постановкой масштабных костюмированных танцевальных номеров с большим количеством участников и неожиданными перестроениями их по принципу калейдоскопа.

¹²⁸ ...«Квини» [1985] Майкла Корды... – Майкл Корда (р. 1933) – писатель английского происхождения, какое-то время работал главным редактором издательства «Саймон и Шустер» в Нью-Йорке. Роман «Квини» основан на биографии его тети, актрисы Мерль Оберон. Позднее на основе романа был снят телевизионный мини-сериал.

в танцевальном марафоне времен Великой депрессии (см. фильм «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?»)¹²⁹.

Я сто раз слышала, как остальные говорили о «тайном капитале» Ханны, только думала – они ошибаются и Ханна от безденежья покупает вещи на блошином рынке. Помню, как-то я смотрела на Ханну, занятую приготовлением бараньей ноги «с чайными листьями и вишней в розовой воде», и вдруг мне представилось, что она, как мультяшный персонаж, балансирует на краю пропасти под названием «Банкротство и разорение». (Даже папа в настроении «бурбон» печалился о маленькой зарплате учителей: «А потом еще удивляются, почему американцы не в состоянии найти на карте Шри-Ланку! Вынужден их огорчить: механизму образования в Америке не хватает смазки! *Non dinero! Kein Geld!*»¹³⁰)

Оказалось, дело не в деньгах. Однажды Ханна вышла погулять с собаками, а Джейд и Найджел стали смеяться над громадным обшарпанным колесом от фургона, прислонившимся к стене сарая, словно толстяк во время перекура. Колесо появилось в тот же самый день, и Ханна сказала, что хочет сделать из него кофейный столик.

– Видно, мало ей платят в «Сент-Голуэ», – заметила я вполголоса.

– Что? – вскинулась Джейд, словно я ее лично оскорбила.

Я поперхнулась:

– Ну, наверное, ей надо бы попросить надбавку.

Найджел еле сдержал смех. Остальные вообще меня проигнорировали, и тут неожиданно Мильтон оторвался от учебника химии.

– Вот уж нет, – усмехнулся Мильтон, и у меня вся кровь бросилась в лицо. – Ханна просто обожает всякие помойки и свалки. Все это барахло она в самых безумных местах находит – на автостоянках и так далее. Был случай, она затормозила посреди шоссе – дикая пробка образовалась, машины гудели как ненормальные, – а ей лишь бы подобрать стул на обочине. И кошки с собаками у нее все из приютов. В прошлом году мы с ней ехали на машине, так она согласилась подвезти какого-то жуткого типа: мускулы, бритая голова, ну как есть скинхед. Загривок у него так прямо и намекал: «Или ты убьешь, или тебя убьют». Я ее спросил зачем, а она говорит: может, он за всю свою жизнь ни от кого доброты не видел. И ведь правда, он как ребенок улыбался всю дорогу. Мы его высадили у «Красного омара»¹³¹. Он нам крикнул: «Благослови вас Бог!» Ханна его на целый год счастливым сделала. – Мильтон пожал плечами и закончил, снова уткнувшись в книгу: – Она такая.

Такая она и была, а еще – на редкость отважная, никогда не ныла и не хныкала. И мастерица на все руки – в два счета могла починить любую поломку, протечку, короткое замыкание, бачок в туалете, затор в трубах, заедающую дверь в гараже. По сравнению с ней папа выглядел беспомощной бабулей. Я потрясенно наблюдала, как Ханна сама чинит встроенный дверной звонок при помощи резиновых перчаток, отвертки и вольтметра – не самая простая операция, если вы читали «Руководство мистера Чини-Сам по электропроводке» (Тербер, 2002). В другой раз она сразу после обеда отправилась в подвал чинить закапризничавшую лампочку-индикатор водонагревателя.

– Воздуха много скопилось в трубке, – сказала она со вздохом.

Еще она была опытным походником, причем по горным маршрутам, хотя никогда не хвасталась. Просто говорила: «Хожу в горы». Каждый мог сам сделать выводы, глядя на раз-

¹²⁹ «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (*They Shoot Horses, Don't They?*) – вышедшая на экран в 1969 г. драма режиссера Сидни Поллака о танцевальном марафоне времен Великой депрессии 1930-х гг. в США. Фильм поставлен по одноименному роману Хораса Маккоя (1935). В главных ролях – Джейн Фонда, Майкл Сарразин, Сюзанна Йорк и Гиг Янг.

¹³⁰ *Non dinero! Kein Geld!* – Нет денег! (исп., нем.)

¹³¹ «Красный омар» – сеть американских недорогих ресторанов. За пределами Соединенных Штатов их филиалы есть в Канаде, Саудовской Аравии, ОАЭ, Катаре и Японии.

брошенное по дому снаряжение, достойное Пола Баньяна¹³²: фляги для воды, карабины, швейцарские складные ножи, сваленные в ящик вместе с рекламными буклетами и старыми батареями. А в гараже – суровые туристические ботинки (немало дорог истоптавшие, судя по подошвам), побитые молью спальные, мотки альпинистских веревок, снегоступы, колышки для палатки, подсохший солнцезащитный крем, аптечка первой помощи (пустая, если не считать тупых ножниц и куса пожелтевшей марли).

На поленнице валялись два странных предмета, похожих на медвежьи капканы.

– Что это? – спросил Найджел.

– «Кошки», – ответила Ханна. – Чтобы с горы не упасть.

Однажды за обедом она мимоходом призналась, что еще подростком в походе спасла человеку жизнь.

– Где? – спросила Джейд.

Ханна вроде как заколебалась, а потом сказала:

– В Адирондаках.

Я чуть было не похвасталась: «Я тоже спасла человека! Нашего садовника, его подстрелили!» К счастью, кое-какой такт у меня имеется. Мы с папой презираем людей, которые вечно лезут и перебивают интересный разговор своими нудными рассказами (папа таких называет «А я! А я!», причем каждый раз медленно моргает – это у него верный признак глубочайшего отвращения).

– Он упал, повредил бедро.

Ханна говорила медленно, чуть ли не по складам, словно играла в «Скрэббл»¹³³ и перебирала фишки с буквами, прикидывая, как бы составить слово подлиннее.

– Мы были одни, кругом – ни души. Я перепугалась, не знала, что делать. Бежала, бежала... К счастью, наткнулась на других походников, у них было радио, и они вызвали помощь. После этого я дала себе слово, что никогда больше не окажусь настолько беспомощной.

– А тот человек поправился? – спросила Лула.

Ханна кивнула:

– Пришлось делать операцию. Но он поправился.

Конечно, выяснять подробности («А кто он был?» – спросил Чарльз) – все равно что пытаться поцарапать бриллиант зубочисткой.

– Ну, хватит на сегодня! – рассмеялась Ханна, забирая у Лулы тарелку.

Пинком отворила дверь в кухню (как мне показалось, чуточку слишком агрессивно) и скрылась за нею.

Обычно мы садились за стол около половины шестого. Ханна выключала верхний свет и музыку (Нат Кинг Коул, требующий, чтобы его перенесли на луну, Пегги Ли, поучающая, что ты никто, пока тебя не полюбят)¹³⁴ и зажигала тоненькие красные свечи.

¹³² ...снаряжение, достойное Пола Баньяна... – Пол Баньян – дровосек огромного роста, персонаж американского фольклора. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне, которое сейчас известно, создано Джеймсом Макгилливреем в 1910 (по другим сведениям, в 1906) г. Несколько лет спустя, в 1916 г., Уильям Лонгхед придумывал рекламу и решил использовать образ Баньяна, сделав его великаном.

¹³³ «Скрэббл» – настольная игра, в которой участники составляют слова из фишек с буквами. В СССР продавалась под названием «Эрудит».

¹³⁴ ...Нат Кинг Коул, требующий, чтобы его перенесли на луну, Пегги Ли, поучающая, что ты никто, пока тебя не полюбят... – Нат Кинг Коул (Натаниэль Адамс Коулз, 1919–1965) – американский джазовый пианист и певец, отец певицы Натали Коул; одна из его песен называется «Забери меня на луну» («Fly Me to the Moon»). Пегги Ли (Норма Делорис Эгстром, 1920–2002) – американская джазовая певица, автор песен и актриса, в начале своей карьеры выступала на радио с оркестром Бенни Гудмена. У нее есть песня «Ты никто, пока тебя не полюбят» («You're Nobody Till Somebody Loves You»).

Застольную беседу папа бы не оценил (никаких споров о Фиделе Кастро, Пол Поте и красных кхмерах; правда, иногда Ханна поминала материализм: «В Америке трудно не мерить счастье вещами»). Зато Ханна великолепно умела слушать, опершись подбородком на руку и обратив к говорящему темные бездонные глаза. Поэтому обед мог затянуться на два, на три часа – может, и дольше, только мне надо было к восьми быть дома как штык («Слишком много Джойса – вредно для пищеварения», – говорил папа).

И вот это свойство, по-моему, лучше всего высвечивает окутанный тенями профиль Ханны. Увы, объяснить ее невозможно, потому что дело тут не в словах.

Просто она была такая.

И ведь не нарочно она это делала, не притворялась и не заигрывала с нами (см. главу 9, «Как добиться, чтобы ваш ребенок-подросток принял вас за своего», в кн. «Подружитесь со своими детьми», Говардс, 2000).

Видимо, в западном мире недооценивают умение слушать. Как любил говорить папа, в Америке любые победители, кроме разве что выигравших в лотерею, обладают мощным голосом, успешно заглушающим голоса конкурентов, – потому-то наша страна такая громкая. До того громкая, что смысл расслышать невозможно – сплошной «белый шум в общегосударственном масштабе». И потому, если встретишь человека, который умеет по-настоящему слушать, ошеломляет внезапное озарение: оказывается, все, абсолютно все, с кем ты общалась начиная с самого рождения, на самом деле тебя не слышали и даже не пытались. Потихоньку смотрелись в зеркало, висящее у тебя за спиной, раздумывая, какие у них дела намечены на вечер, или предвкушая, что как только ты наконец заткнешься, они расскажут свою классическую историю о дизентерии на курорте в Бангладеше и тем самым покажут, какая у них богатая, интересная (и достойная жуткой зависти) жизнь.

Конечно, Ханна не все время молчала, но если уж заговаривала, так не о том, что нужно сделать, или о своем мнении по такому-то и такому-то поводу – нет, она задавала вопросы по существу, порой до смешного простые (помню, однажды она спросила: «И что ты об этом думаешь?»).

После еды Чарльз убирал тарелки, Лана и Тернер запрыгивали Ханне на колени, обвивая хвостами ее запястья, словно браслетами, а Джейд включала музыку. Мел Торме сообщал слушателям, что тыходишь у него в привычку¹³⁵¹³⁶, и сразу начинало казаться, что ты не совсем одинока в этом мире, как ни глупо это звучит.

Может, именно поэтому Ханна приобрела такое влияние на нашу компанию. Например, благодаря ей Джейд, иногда рассуждавшая о том, что хорошо бы стать журналистом, начала работать фрилансером в «Голуэй газетт», хотя терпеть не могла главного редактора, Хилари Лич (эта Хилари перед каждым уроком разворачивала свежий экземпляр «Нью-Йоркера» и читала, временами противно хихикая над какой-нибудь новостью из раздела сплетен). А Чарльз таскал с собой книжечку «Как стать Хичкоком» (Лернер, 1999) – в одно из воскресений я тайком ее полистала и увидела надпись на первой странице: «Моему мастеру саспенса. С любовью, Ханна». Лула после уроков по вторникам вела у четвероклашек начальной школы «Элмвю» дополнительные занятия по природоведению, Найджел читал пособие по подготовке к вступительным экзаменам на дипломатическую службу (изд. 2001 г.), а Мильтон прошлым летом поступил на курсы актерского мастерства при Университете Северной

¹³⁵ Мел Торме сообщал слушателям, что тыходишь у него в привычку... – Мел Торме по прозвищу The Velvet Fog (Бархатный Туман) (1925–1999) – американский музыкант (барабанщик и пианист), джазовый певец, композитор, автор песен, аранжировщик, актер, писатель. Более всего известен как автор одной из самых популярных в США праздничных песен «The Christmas Song» («Рождественская песня»), написанной в 1946 г.

¹³⁶ «Тыходишь у меня в привычку» (*You're Getting to Be a Habit with Me*) – популярная песня 1932 г. на музыку Гарри Уоррена, слова Эла Дубина, из музыкального фильма студии «Уорнер Бразерс» – «Сорок вторая улица» (*42nd Street*). В фильме ее исполняет главная героиня. Толчком к созданию песни послужил случай – одна сотрудница киностудии на вопрос, почему она все еще встречается с неким человеком, ответила, что он вошел у нее в привычку.

Каролины – «Знакомство с Шекспиром: искусство пластики». Я не сомневалась, что все эти подвиги самосовершенствования подсказаны Ханной, хотя все наши наверняка уверены, что сами додумались.

Я тоже не оказалась неуязвима для своеобразного воздействия Ханны. В начале октября она договорилась с Эвитой, чтобы мне уйти из класса по углубленному изучению французского, где занятия вела нудная миз Филобек, и записаться на ИЗО для начинающих, к декадентствующему мистеру Виктору Моутсу. Папе я о своем переводе ни словом не обмолвилась.

Моутс был у Ханны любимым учителем в «Голуэ».

– Обожаю Виктора! – говорила она, покусывая нижнюю губу. – Он чудесный! Найджел у него занимается. Нет, правда, скажите, он чудесный? По-моему, да.

Виктор был и правда чудесный. Он носил рубашки из искусственной замши цвета «фиолетовый кобальт» или «жженная охра», а волосы его под лампами дневного света сверкали, словно улицы в фильмах-нуар, лаковые ботинки Хамфри Богарта, софиты оперной сцены и гудрон – и все это одновременно.

Еще Ханна купила мне альбом для рисования и пять чернильных перьев – завернула все это в старомодную оберточную бумагу и отправила на школьный почтовый ящик (она никогда не говорила о подарках – просто дарила). На обертке изнутри она написала: «Для твоего синего или голубого периода. Ханна». Почерк в точности выражал ее всю: изящный, с загадочным волнующим изгибом в хвостике букв «n» и «h».

Иногда я вытаскивала альбом прямо на уроке и пробовала что-нибудь нарисовать – например, лягушачьи лапки мистера Арчера. Непохоже, чтобы во мне таился Эль Греко, зато мне нравилось представлять, что я ревматический художник, какой-нибудь там Тулуз-Лотрек, сосредоточенно рисую костлявую руку девицы, танцующей канкан, а не просто никому не интересная Синь Ван Меер, обладательница единственного таланта: судорожно записывать каждое слово учителя (включая «э-э» и «гм»); мало ли, вдруг именно это попадет на итоговой контрольной.

Флоренс Франкенберг по прозвищу Фредди-фурия¹³⁷, «актриса на подхвате» эпохи 1940-х (претендующая на всемирную славу на том основании, что выступала на Бродвее вместе с Элом Джолсоном¹³⁸ в спектакле «Никому не отдавайте своих платочков носовых», а также запросто общалась с Близнецами Червенка¹³⁹ и Уной О'Нил¹⁴⁰), пишет в первой главе своих увлекательных мемуаров «Грядет великий день, Марианна» (1973), что субботние сборища в клубе «Аист», в знаменитом «Логове»¹⁴¹, на первый взгляд являли собой «оазис для избранных» и, несмотря на тревожные вести о начале Второй мировой, долетавшие из-за океана, подобно скорбной телеграмме, когда «сидишь в новом вечернем платье на удобном диванчике», кажется, «ничего плохого просто не может случиться», потому что тебя защищают «огромные деньги и норковая шубка» (стр. 22–23).

Однако со второго взгляда, сообщает нам Фредди-фурия в главе 2, роскошный клуб «Аист» оказывается, в сущности, «жестоким, как Рудольф Валентино»¹⁴² к женщине, которая не

¹³⁷ Флоренс Франкенберг по прозвищу Фредди-фурия – вероятно, вымышленный персонаж.

¹³⁸ Эл Джолсон (Аса Йозлсон, 1886–1950) – американский артист, стоявший у истоков популярной музыки США. Сейчас его помнят прежде всего как исполнителя главной роли в первом звуковом фильме «Певец джаза» (1927).

¹³⁹ Близнецы Червенка – вероятно, вымышленные персонажи. Ассоциируются с Иксиной Червенка (р. 1956) – басисткой лос-анджелесской панк-группы X.

¹⁴⁰ Уна О'Нил, леди Чаплин (1925–1991) – дочь американского писателя Юджина О'Нила, лауреата Нобелевской премии по литературе и Пулицеровской премии, и писательницы Агнес Боултон; жена режиссера и актера Чарльза Чаплина.

¹⁴¹ ...в клубе «Аист», в знаменитом «Логове»... – О клубе «Аист» см. примеч. к с. 106. «Логово» (*Cub Room*) – ВИП-зал клуба, его посещали кинозвезды и другие знаменитости. Кто из посетителей достоин быть туда допущен, определял метрдотель по прозвищу Святой Петр.

¹⁴² Рудольф Валентино (1895–1926) – американский киноактер итальянского происхождения, секс-символ эпохи немого

спешит бросаться ему на шею» (стр. 41). По ее словам, буквально все, от Гейбла¹⁴³ и Грейбл¹⁴⁴ до Хемингуэя и Хейворт¹⁴⁵, так переживали по поводу того, за какой столик их усадит владелец клуба Шерман Биллингсли, и так рвались в зал для избранных-среди-избранных, что «между плечами теснящихся можно было колоть орехи» (стр. 49). Далее в главе 7 Фредди рассказывает, как важные шишки с киностудий признавались, что не задумываясь «влепили бы пулю в лоб какой-нибудь расфуфыренной бабенке», если бы такой ценой могли навечно закрепить за собой возделенный диванчик в углу, за царским столиком номер 25, откуда видны и клубный бар, и входная дверь» (стр. 91).

Вот и я не могу не отметить, что за обедами у Ханны обстановка была довольно напряженная – хотя, возможно, только я одна это замечала, как Фредди-фурия. Иногда возникало ощущение, что Ханна – это Дж. Дж. Хансекер, а каждый в компании, как Сидни Фалько, из кожи вон лезет, лишь бы стать ее приближенным подручным и любимой игрушкой¹⁴⁶.

Я помню, как Чарльз трудился над заданиями по углубленному курсу европейской истории. То и дело он швырял карандаш через всю комнату:

– Не могу больше! Нахер Гитлера! Нахер Черчилля, Сталина и Красную, чтоб ее, армию!

Ханна бросалась бегом на второй этаж, притаскивала книгу по истории или том Британской энциклопедии, и на ближайший час темноволосая и золотистая головы склонялись близко друг к другу, точно озябшие голубки, под настольной лампой, выискивая по возможности точную дату вторжения Германии в Польшу или падения Берлинской стены (сентябрь 1939, 9 ноября 1989). Однажды я сунулась им помочь – подсказала фундаментальный труд в тысячу двести страниц, который папа всегда ставит в начало списка литературы для обязательного чтения: Гермин-Льюишон, «История – это власть» (1990). Чарльз посмотрел сквозь меня, а Ханна продолжала листать энциклопедию; видно, она была из тех, кто, зачитавшись, не заметит и целую гражданскую войну между сандинистами и пользующимися поддержкой США контрас¹⁴⁷. Между тем я видела, что во время этих интерлюдий Джейд, Лу, Найджел и Мильтон бросали работу и то и дело косились на Ханну с Чарльзом – похоже, немножко завидовали, вроде как прайд голодных львов в зоопарке, когда посетители выберут одного из них и кормят с рук.

Честно говоря, меня такая их реакция несколько раздражала. Со мной-то они всегда держались надменно, а вот малейший знак внимания со стороны Ханны воспринимали так, словно

кино. Его внезапная смерть на пике карьеры породила беспрецедентную истерию среди поклонниц.

¹⁴³ *Гейбл*, Уильям Кларк (1901–1960) – американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х гг., носивший прозвище Король Голливуда. Лауреат премии «Оскар» (1935).

¹⁴⁴ *Грейбл*, Бетти (Элизабет Рут Грейбл, 1916–1973) – американская актриса, танцовщица и певица. Ее знаменитое фото в купальном костюме принесло ей в годы Второй мировой войны славу одной из самых очаровательных девушек того времени. Позднее этот снимок был включен журналом *Life* в список «100 фотографий, которые изменили мир». В Голливуде Грейбл была известна прежде всего из-за своих красивых ног, которые всячески выделялись во множестве различных фотосессий, устраиваемых актрисе студией *20th Century Fox*, и к тому же были застрахованы британской компанией «Ллойд» на 1 000 000 долларов. Как говорила сама Грейбл: «У моего успеха есть две причины, и я стою на обеих».

¹⁴⁵ *Хейворт*, Рита (1918–1987) – американская киноактриса и танцовщица, одна из самых знаменитых звезд Голливуда 1940-х гг. Особенно известна ее роль в фильме-нуар 1946 г. «Джильда».

¹⁴⁶ *Иногда возникало ощущение, что Ханна – это Дж. Дж. Хансекер, а каждый в компании, как Сидни Фалько, из кожи вон лезет, лишь бы стать ее приближенным подручным и любимой игрушкой.* – «Сладкий запах успеха» (*Sweet Smell of Success*, 1957) – черно-белый фильм-нуар о теневых сторонах популярной журналистики, снятый зимой 1956–1957 гг. в центре Манхэттена британским режиссером А. Маккендриком по заказу независимой студии Берта Ланкастера и его агента Харольда Хекта. Считается одним из самых едких в своем сарказме произведений классического Голливуда. Дж. Дж. Хансекер и Сидни Фалько – персонажи фильма.

¹⁴⁷ ...гражданскую войну между сандинистами и пользующимися поддержкой США контрас. – Сандинистский фронт национального освобождения (аббр. СФНО, исп. *Frente Sandinista de Liberación Nacional*, аббр. FSLN) – левая политическая партия Никарагуа. Название «сандинисты» происходит от имени никарагуанского революционера 1920–1930-х гг. Аугусто Сесара Сандино. Сандинистам пришлось вести гражданскую войну с так называемыми контрас, группами вооруженной оппозиции, базировавшимися в соседних странах при поддержке главным образом США.

Сесил Блаунт Демилль пригласил их сниматься в фильме «Величайшее шоу мира»¹⁴⁸. Стоит Ханне спросить Мильтона о чем-нибудь или похвалить за четверку с плюсом по испанскому – и он тут же забывает свой лениво-протяжный алабамский акцент и не хуже маленького Микки Руни¹⁴⁹ давай выводить рулады, будто шестилетний ветеран мюзик-холла.

– Всю ночь учил... Сроду так не трудился... – выпаливал он, заглядывая Ханне в лицо – так спаниель притащит подстреленную утку и ждет похвалы.

Лула и Джейд тоже при случае могли изобразить чудо-малышку с кудряшками (особенно противно, если Ханна выскажется насчет красоты Джейд, – тут уж такие сюси-пуси пойдут, просто маленькая мисс Бродвей, да и только).

Но даже и такие пляски с бубнами еще ничего по сравнению с тем ужасом, который начинался, если Ханна вдруг направит свет прожектора на меня. Например, однажды она вдруг обронила, что у меня в школе самые высокие оценки и поэтому, скорее всего, мне поручат произносить речь по случаю окончания школы. (Великую новость в то самое утро на собрании перед занятиями объявила Лейси Ронин-Смит. Я потеснила с первого места Рэдли Клифтона, который занимал его неоспоримо в течение трех лет и, как видно, считал, что раз его братья, Байрон и Роберт, произносили речь на окончании школы, то и ему, Рэдли Зануде, сие право дано от Бога. Когда мы с ним столкнулись в коридоре, он сузил глаза и поджал губы – небось, молился, чтобы меня застукали на списывании и с позором выгнали из школы.)

– Представляю, как папа тобой гордится! – сказала Ханна. – И я тобой горжусь! Послушай, что я скажу. Ты в своей жизни можешь достичь всего, чего захочешь. Всего. Я серьезно! Можешь стать хоть физиком-ядерщиком. Потому что у тебя есть очень редкое качество. Ты умная, но при этом тонко чувствуешь. Не бойся этого. Господи, не вспомню, кто сказал: «Счастье – собака, что греется на солнышке. Мы рождаемся на свет не для того, чтобы быть счастливыми, а чтобы пережить невероятный опыт».

Между прочим, это одна из папиных любимых цитат (из Кольриджа, и папа обязательно указал бы Ханне на то, что она ее искажила: «Пересказ своими словами – это не цитата, верно?»). Ханна говорила без улыбки, даже торжественно, словно речь шла о смерти (см. «Я подумую об этом завтра», Пеппер, 2000). (Также ее речь напомнила мне историческое радио-обращение Франклина Делано Рузвельта, когда он объявил войну Японии, – запись 21 в папином собрании из трех компакт-дисков: «Новейшая история. Выступления мировых лидеров».)

Я и в обычные-то дни была для компании обузой, их *bête noire*¹⁵⁰. Вспомним третий закон Ньютона: действие равно противодействию. Уж если мои дорогие соученики время от времени являли собой «Нельсона Детское Личико» и «Ямочки на щечках»¹⁵¹, они просто обязаны были

¹⁴⁸ ...словно Сесил Блаунт Демилль пригласил их сниматься в фильме «Величайшее шоу мира». – Сесил Блаунт Демилль (1881–1959) – американский кинорежиссер и продюсер, лауреат премии «Оскар» за картину «Величайшее шоу мира» в 1952 г. За годы с 1913 по 1956-й создал семьдесят немых и звуковых фильмов. Признан одним из отцов-основателей голливудской киноиндустрии. Долгие годы считался в США эталоном кинематографического успеха. Фильм «Величайшее шоу мира» (*The Greatest Show on Earth*) создан при участии легендарного американского цирка *Ringling Bros. and Barnum & Bailey Circus*. Продюсером, режиссером и рассказчиком фильма является Сесил Блаунт Демилль. Фильм получил две премии «Оскар», в том числе и за лучший фильм года. Кроме сюжета, в киноленте рассказывается о значении цирковой индустрии, о том, как живут за кулисами артисты, а также есть документальные кадры, которые показывают, как цирк путешествует на гастролях. По мотивам фильма в 1963–1964 гг. на канале ABC был выпущен одноименный телесериал.

¹⁴⁹ Микки Руни (Джозеф Юл-мл., 1920–2014) – американский актер, четырежды был номинирован на «Оскар» и дважды (в 1939 и 1983 гг.) получил его за особый вклад в развитие кино. Внесен в Книгу рекордов Гиннесса как рекордсмен по продолжительности актерской карьеры. Выступал в водевилях еще в раннем детстве, а в шесть лет впервые снялся в кино. В тринадцать исполнил роль Пака в театральной постановке комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» и позднее – в экранизации этой пьесы 1935 г.

¹⁵⁰ *Bête noire* – нечто особенно неприятное; букв.: черная тварь (фр.).

¹⁵¹ «Ямочки на щечках» (*Dimples*, 1936) – музыкальный фильм режиссера Уильяма А. Сейтера по сценарию Ната Перрина и Артура Шикмана. Действие фильма происходит в середине XIX века. Героиня – маленькая уличная артистка в исполнении Ширли Темпл.

хоть иногда воплощать «Потерянный уик-энд»¹⁵² и «Дракулу»^{153 154} – именно это, судя по выражению лиц, и произошло при том сообщении Ханны. По большей части, правда, я старалась не привлекать к себе особого внимания. Царский столик номер 25 меня совсем не манил. Счастье, что хоть в общий зал впустили! Мне довольно просидеть один вечер, а не то что целое блистательное десятилетие за никому не нужным столиком номер 2, где входную дверь совсем не видно и оркестр гремит над самым ухом.

Ханна наблюдала их песни и пляски, сохраняя бесстрастное спокойствие. Дипломатично улыбалась, ласково приговаривала:

– Да-да, мои хорошие, это замечательно.

В такие минуты у меня закрадывалась мысль – не слишком ли я наивна, что восхищаюсь ею затаив дыхание? Иными словами, как выражался папа, насупленно глядя в пол, в тех редких случаях, когда признавал свою неправоту: «Я был слепым ослом».

Ханна ведь никогда ничего не рассказывала о себе. И все попытки хоть что-нибудь раскопать, в лоб или косвенно, тоже заканчивались ничем. Казалось бы, разве можно не ответить на прямой вопрос? Даже если ответ уклончивый, хоть чем-нибудь да выдашь себя. Слишком резкий вдох, бегающий взгляд – из таких деталей легко можно вывести Мрачную Тайну Ее Детства, пользуясь трудами Зигмунда Фрейда «Психопатология обыденной жизни» (1901) или «Эго и Ид» (1923). Но Ханна всегда отвечала что-нибудь очень простое:

– Я жила в окрестностях Чикаго, потом два года в Сан-Франциско. Не такой уж я интересный человек, ребята.

Или пожимала плечами:

– Я учительница. Увы, не могу сказать о себе ничего более интересного.

– Вы же работаете на полставки, – сказал однажды Найджел. – А что вы делаете в остальное время?

– Сама не знаю! Понять бы, куда время уходит, – засмеялась Ханна и больше ничего не добавила.

Было еще слово-загадка: «Валерио». Шуточное выдуманное прозвище неведомого Сирано Ханны, ее таинственного Дарси¹⁵⁵ или «О капитан! Мой капитан!»¹⁵⁶. Я часто слышала в компании это слово, а когда наконец собралась с духом и спросила, кого или что оно обозначает, от меня в кои-то веки не отмахнулись. Наоборот, с большим жаром рассказали мне любопытный случай. Два года назад Лула как-то забыла у Ханны учебник по алгебре. На следующий день родители подвезли Лулу забрать книгу. Ханна пошла за ней наверх, а Лула пока что заглянула в кухню выпить воды и обратила внимание на стопку желтой бумаги для заметок около телефона.

– Верхний листок был сплошь исписан одним и тем же словом: «Валерио», – азартно рассказывала Лула, смешно морща нос, так что он становился похож на смятый носок. – Миллион раз, наверное! Как будто она говорила по телефону и машинально черкала на листочке.

¹⁵² «Потерянный уик-энд» (*The Lost Weekend*, 1945) – фильм-нуар режиссера Билли Уайлдера. Сценарий к фильму написан Чарльзом Брэккеттом и Билли Уайлдером на основе одноименного романа, выпущенного американским писателем Чарльзом Джексоном в 1944 г. Главные роли исполняют Рэй Милланд и Джейн Уайман. «Золотая пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля, четыре премии «Оскар», в том числе как лучшему фильму года.

¹⁵³ «Дракула» (*Dracula*, 1931) – классический фильм ужасов Тома Браунинга, экранизация сценической версии одноименного романа Брэма Стокера. Считается одной из вершин жанра, а образ графа Дракулы, воплощенный Белой Лугоши, стал каноническим.

¹⁵⁴ Уж если мои дорогие соученики время от времени являли собой «Нельсона Детское Личико» и «Ямочки на щечках», они просто обязаны были хоть иногда воплощать «Потерянный уик-энд» и «Дракулу»... – Нельсон Детское Личико, или Малыш Нельсон (Baby Face Nelson), – Лестер Джозеф Гиллис (1908–1934), американский гангстер, грабивший банки, совершил множество убийств. На основе его биографии был снят фильм-нуар в 1957 г., режиссер Дон Зигель, соавтор сценария – Дэниэл Мейнверинг. Главную роль – Нельсона – исполнил Микки Руни.

¹⁵⁵ Дарси – персонаж романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение».

¹⁵⁶ «О капитан! Мой капитан!» (1865) – стихотворение Уолта Уитмена на смерть Авраама Линкольна.

Знаешь, как в кино полицейский застает маньяка-убийцу, когда тот что-нибудь этакое пишет, сам того не замечая. Я сначала ничего и не подумала, я сама часто так делаю. А она, как вошла в кухню, сразу схватила эту стопку и держала лицом к себе, чтобы я не могла прочесть. Помоему, так и не выпустила ее из рук, пока я не уехала. Никогда не видела, чтобы Ханна так странно себя вела.

Действительно странно. Я полезла в книгу кембриджского этимолога Луи Бертмана «Слова, их происхождение и значение» (1921). Оказалось, Валерио – это распространенное итальянское имя, означающее «храбрый и сильный», образовано от римского имени Валериус, а оно, в свою очередь, происходит от латинского глагола «valere» – «находиться в добром здравии, быть крепким и жизнеспособным». Это имя носят несколько малоизвестных святых четвертого-пятого веков.

Я спросила, почему бы просто не спросить Ханну, кто он такой.

– Нельзя, – сказал Мильтон.

– Почему?

– Спрашивали уже, – с досадой ответила Джейд, выдыхая сигаретный дым. – В том году. Она стала вся красная. Прямо фиолетовая.

– Как будто ее стукнули по голове бейсбольной битой, – прибавил Найджел.

– Ага, непонятно было, злится она или расстроилась, – продолжала Джейд. – Так и стояла, открыв рот, а потом ушла на кухню. Минут через пять вернулась, Найджел извинился, а она сказала фальшивым таким официальным голосом: нет-нет, все в порядке, просто ей не нравится, что мы ее обсуждаем за глаза. Это больно, мол.

– Чушь сплошная, – сказал Найджел.

– Нет, не чушь, – резко возразил Чарльз.

– В общем, нельзя нам снова эту тему поднимать, – сказала Джейд. – Не то у нее опять сердечный приступ случится.

– Может, это ее «Розовый бутон»? – спросила я, подумав.

Обычно на мои слова никто не реагировал, а тут все разом обернулись ко мне.

– Чего? – спросила Джейд.

– Вы что, не смотрели «Гражданина Кейна»?

– Смотрели, конечно, – с внезапным интересом откликнулся Найджел.

– Помните, Кейн, главный герой, всю жизнь тосковал о чем-то под названием «Розовый бутон». Мечтал вернуть. Это была его тоска по прежней, простой и счастливой, жизни. И последнее, что он произносит перед смертью.

– Пошел бы в цветочный магазин, да и все тут, – с отвращением заметила Джейд.

С ней такое случалось – она иногда воспринимала сказанное чересчур буквально. При этом обожала всяческие драмы. Стоило Ханне выйти из комнаты, Джейд начинала строить всевозможные догадки по поводу ее таинственных умолчаний. То она заявляла, что Ханна Шнайдер – вымышленное имя. То утверждала, что Ханна скрывается в рамках Федеральной программы по защите свидетелей, потому что дала показания против царя преступного мира, Дмитрия Молотова по кличке Икорник – из тех Молотовых, что с Говард-Бич. Именно благодаря ей Икорника признали виновным в мошенничестве по шестнадцати эпизодам. А может, Ханна – из семьи бен Ладен:

– У них же огромная семья, все равно что у Копполы.

А однажды, посмотрев ночью по каналу TNT фильм «В постели с врагом»¹⁵⁷, Джейд стала уверять, что Ханна прячется в Стоктоне от бывшего мужа, психически ненормального семейного тирана (разумеется, волосы у Ханны перекрашены, а в глазах – контактные линзы).

¹⁵⁷ «В постели с врагом» (*Sleeping with the Enemy*, 1991) – психологический триллер режиссера Джозефа Рубена, в главных ролях Джулия Робертс и Патрик Берджин. Героиня фильма убегает от жестокого мужа, не выдержав постоянных изде-

– Она почти нигде не бывает и всегда расплачивается наличными. Боится, что он выследит ее по кредитной карте.

– Она не всегда расплачивается наличными, – возразил Чарльз.

– Ну, иногда.

– Каждый человек на Земле хоть когда-нибудь расплачивается наличными.

Я внимательно слушала все эти дикие предположения и даже придумала пару-тройку своих, довольно живописных, хотя на самом деле, конечно, во всю эту ерунду не верила.

Папа о людях, живущих двойной жизнью:

– Очень увлекательно воображать, будто это настолько же распространенное явление, как неграмотность, или синдром хронической усталости, или еще какой-нибудь культурный недуг, украшающий обложки журналов «Тайм» и «Ньюсуик», но увы! Первый попавшийся Боб Джонс с улицы чаще всего и есть просто-напросто Боб Джонс, без всяких темных секретов, темных лошадок, темного прошлого и темной стороны Луны. Бодлер сильно преувеличивал... Заметь, я не учитываю случаи супружеской неверности – в них ничего темного нет, сплошная банальщина.

Про себя я построила теорию, что Ханна Шнайдер – опечатка судьбы. (Наверное, судьба просто перетрудилась, вот и оплошала. Кисмет и Карма – ненадежные ребята, слишком уж легкомысленные, а Року вообще ничего доверять нельзя.) И вот нечаянно так вышло, что неординарная личность ошеломительной красоты живет в медвежьем углу, где выдающегося человека и не заметит никто, как пресловутое дерево в лесу. А где-нибудь в Париже или Гонконге типчик по имени Чейз Х. Нидерханн с лицом вроде печеной картофелины и сиплым голосом проживет *ее* жизнь, полную солнца, озер, и оперных театров, и туристических поездок в Кению по уик-эндам, и платьев, которые шуршат подолом по полу: «Ш-ш-ш-ш-ш».

Тогда я решила взять дело в свои руки¹⁵⁸ (см. роман «Эмма», Остен, 1816).

Был октябрь. Папа встречался с некой Китти (я еще не имела удовольствия отогнать ее от наших окон). Да это не имело никакого значения. Почему папа должен обходиться обычной американской жесткошерстной, если можно получить персидскую? (Я считаю, в моих завиральных идеях виновата постоянно звучащая в доме Ханны томно-лирическая музыка – старушка Пегги Ли со своим вечным нытьем о сумасшедшей луне и Сара Воан¹⁵⁹, тоскующая о любимом человеке.)

В ту дождливую среду я с нехарактерным для меня энтузиазмом приступила к выполнению задуманного в духе трогательных диснеевских фильмов. Сказала папе, чтобы не приезжал за мной в школу – меня, мол, подбросят до дома, а подвезти попросила Ханну. Заставила ее подождать в машине под идиотским предлогом («Секундочку, у меня для вас такая замечательная книга есть!»), убежала в дом и оторвала папу от очередного труда Патрика Клейнмана, только что опубликованного «Йель Университи Пресс», – «Хроники коллективизма» (2004), – чтобы он вышел и поговорил с моей учительницей.

Он вышел.

Мир не перевернулся, не было волшебной луны и вообще никакого колдовства. Папа с Ханной обменялись парой вежливых слов. Папа, кажется, даже сказал, только бы разбавить молчание:

– Да-да, я все собираюсь сходить на школьный матч. Надеюсь, мы с Синь вас там увидим.

– Ах да, – сказала Ханна. – Вы любите футбол.

вательств.

¹⁵⁸ Тогда я решила взять дело в свои руки (см. роман «Эмма», Остен, 1816). – Главная героиня романа Джейн Остен «Эмма» постоянно пытается всех вокруг сватать.

¹⁵⁹ Сара Воан (1924–1990) – афроамериканская джазовая певица, одна из наиболее известных в XX веке. Премия «Грэмми» в номинации «Лучшая джазовая вокалистка» (1982).

– Да, – сказал папа.

– Синь, ты хотела мне дать какую-то книгу? – напомнила Ханна.

И через минуту уже ехала прочь, увозя с собой мой единственный экземпляр «Любви во время чумы» (Гарсиа Маркес, 1985).

– Радость моя, я, конечно, очень тронут твоими стараниями изобразить Купидона, но на будущее, пожалуйста, дозволю мне самому выбирать, с кем умчаться в закат, – сказал папа, вернувшись в дом.

Ночью я не могла заснуть. До тех пор в голове моей носилась гипотеза, что единственная причина Ханне приглашать меня на свои воскресные обеды и настойчиво пихать в явно не желающую меня компанию (с усердием домохозяйки, пытающейся вскрыть упрямую консервную банку), – единственная возможная цель: добраться через меня к папе. Ну не могла я ошибиться! Во всяком случае, тогда, в обувном магазине, взгляд Ханны все время возвращался к папиному лицу – так бабочки-парусники (семейство *Papilionidae*) порхают над цветком. И в «Толстом коте» улыбнулась она, конечно, мне, но поразить хотела папу. Хотела, чтобы он обратил на нее внимание.

Выходит, я все-таки ошиблась.

Я вертелась и ворочалась, мысленно анализируя каждый взгляд Ханны, обращенный ко мне, каждое слово, улыбку, кашель, иканье и отчетливо различимый вздох. Окончательно запутавшись, я лежала на левом боку и смотрела, как ветерок раздувает бело-синие занавески, а за ними до боли неспешно таяла ночь. (Мендельшон Пит написал в книге «Остолопы» [1932]: «Слабый человеческий разум не приспособлен для того, чтобы нести на себе груз великой неизвестности».)

В конце концов я заснула.

– Мало кто понимает, что бессмысленно гоняться за ответами на главные вопросы бытия, – сказал как-то папа в настроении «бурбон». – У них есть собственный разум, капризный и переменчивый. А вот если быть терпеливым и не торопить их, то, когда они будут готовы, сами к тебе примчатся и врежутся с размаху. Только не удивляйся, если потом окажется, что ты сидишь на земле в полном обалдении, а вокруг порхают и чирикают нарисованные птички.

Как он был прав!

Глава 9. «Пигмалион», Джордж Бернард Шоу

Легендарный испанский конкистадор Эрнандо Нуньес де Вальвида (*La Serpiente Negra*¹⁶⁰) записал в своем дневнике 20 апреля 1521 года (в этот день он, по мнению историков, убил двести ацтеков): «*La gloria es un millón ojos asustados*», в приблизительном переводе: «Слава – это миллион испуганных глаз». Я не понимала этой фразы, пока не подружилась с компанией, собиравшейся у Ханны по воскресеньям. Если ацтеки смотрели на Эрнандо и его подручных со страхом, то весь «Сент-Голуэй», включая часть преподавательского состава, смотрел на Чарльза, Джейда, Лу, Мильтона и Найджела со священным трепетом и неприкрытым ужасом.

Как у всякого избранного общества, у них было свое название: «Аристократы».

Ежедневно, ежечасно (а может, и ежеминутно) это пафосное словечко повторяли шепотом, с волнением и завистью, в каждом классе и в каждом коридоре, в каждой лаборатории и раздевалке.

– Аристократы сегодня заявили в «Скрэтч», – рассказывала Доннамара Чейз на углубленной литературе. – Встали в уголке и кривились на каждого, кто пройдет мимо. До того довели Сэм Кристенсон – знаете, такая мужиковатая девчонка, в прошлом году поступила? Так вот, на химии у нее случился нервный срыв, истерика, ее увели в медкабинет, а она только одно повторяет – что они насмеялись над ее обувью. На ней были розовые замшевые мокасины от «Аэросулс», размер девять с половиной. Ничего такого уж страшного!

В школах, где я раньше училась, – в «Академии Ковентри», в гринсайдской средней школе – тоже бывали компании шибко популярных личностей, они курсировали по коридорам, словно вереница лимузинов, и разговаривали на своем особом языке, чтобы пугать непосвященных, совсем как свирепые туземцы племени заксо́то из Кот-д'Ивуара (в «Брейден-канти», например, я была «мондо нугло» – не знаю уж, что это значит). Но куда им всем тягаться с Аристократами! В этих было что-то мистическое. Так уж они действовали на людей, что аж в зобу дыхание спирало. Мне кажется, отчасти это объяснялось их кинематографически яркими личностями (Чарльз и Джейд – это же Гэри Купер и Грейс Келли наших дней), их общей нестандартностью (Найджел настолько миниатюрен, что выглядит модным, а Милтон такой слоноподобный, что это уже стильно), их безграничной самоуверенностью (вот Лу гордо шествует через школьный двор в платье, надетом наизнанку), а главное – ходившими о них сенсационными слухами и Ханной Шнайдер. При этом Ханна ни в коем случае не выставляла себя напоказ. Она преподавала свой курс «Введение в историю кино» всего лишь в одной группе. Занимались они в корпусе Лумис – приземистом здании на отшибе. Здесь проходили занятия «для галочки», лишь бы в аттестате значились, вроде «моделирования одежды» и «столярного мастерства». А если вспомнить высказывание Мэй Уэст, приведенное в книге «Или вы просто рады меня видеть»¹⁶¹ (Паулсон, 1962): «Ты никто, пока не стал центром секс-скандала».

Через две недели после своего первого обеда у Ханны я случайно услышала, как две девчонки из выпускного класса сплетничали о ней на свободном уроке в читальном зале библиотеки имени Дональда Э. Краша, под присмотром лысого любителя кроссвордов мистера Франка Флетчера – он преподавал у нас вождение. Разговаривали двойняшки, Элиайя и Джорджия Хэтчетт. Коренастые, в каштановых кудряшках, с упитанными пупцами и пивным цветом лица, они были похожи на два портрета короля Генриха Восьмого, написанные разными художниками (см. «Лики тирании», Клер, 1922, стр. 322).

¹⁶⁰ *La Serpiente Negra* – Черная Змея (исп.).

¹⁶¹ ...высказывание Мэй Уэст, приведенное в книге «Или вы просто рады меня видеть»... – Книга, скорее всего, вымышленная, однако в ее названии содержится намек на известную присказку знаменитой актрисы, певицы, сценариста и секс-символа Мэй Уэст (1893–1980): «Это у тебя пистолет в кармане брюк или ты просто рад меня видеть?»

– Не понимаю, как это ее взяли на работу в нашу школу, – сказала Элиайя. – У нее же винтиков в голове не хватает.

– Это ты о ком? – рассеянно спросила Джорджия.

Высунув кончик языка, она разглядывала цветные фотографии в журнале.

– Да ну тебя! Ханна Шнайдер. – Элиайя качнулась на стуле и побарабанила толстыми пальцами по обложке учебника, лежавшего у нее на коленях, – «Иллюстрированная история кино» (Дженоа, изд. 2002 г.).

– Сегодня явилась вообще не готовая к уроку. На пятнадцать минут куда-то пропала – не могла найти DVD для просмотра. По плану мы должны были смотреть «Бродягу», а она приволокла «Апокалипсис сегодня»¹⁶². Мама с папой в обморок бы упали – три часа сплошного разврата. А эта Ханна словно с другой планеты, вообще не думает, какой там рейтинг. В общем, двадцать минут мы отсмотрели, потом звонок. Джейми Сенчери спрашивает, когда будем дальше смотреть, а она говорит – завтра. Ничего себе изменения в программе! К концу года, небось, будем смотреть «Дебби покоряет Даллас»¹⁶³.

– Это ты к чему?

– Странная она, Ханна эта. В один прекрасный день возьмет и нас всех перестреляет, как Клеболд¹⁶⁴.

Джорджия вздохнула:

– Всем известно, она до сих пор трахается с Чарльзом.

– А то! Как заведенная.

Джорджия наклонилась ближе к сестре (я даже дышать перестала, чтобы ничего не упустить).

– Думаешь, Аристократы правда по выходным групповушку устраивают? Что-то я не очень верю Синди Уиллард.

– Само собой! – воскликнула Элиайя. – Мама говорит: знать только со знатью в постель ложится.

– А, ну конечно, – закивала Джорджия и вдруг зашлась хохотом – словно деревянный стул прогрохотал по полу. – Чтобы породу не испортить!

К сожалению, папа прав – и на помойке может отыскаться зерно истины (он и сам не прочь, дожидаясь где-нибудь в очереди, полистать таблоид: «„Пластическая операция звезды прошла неудачно“ – есть что-то влекущее в таком заголовке»). Если честно, я еще в первый день учебного года как увидела Ханну с Чарльзом на школьном дворе, так и подумала – между ними что-то есть. Правда, после пары воскресных обедов я решила, что Чарльз в нее, конечно, влюблен, а вот она к нему относится чисто платонически. И хотя я знать не знала, чем занимаются Аристократы в выходные (и не узнала до середины октября), зато у меня не было ни малейшего сомнения, что они и в самом деле тщательно блюдут чистоту породы.

А подпортила им породу, естественно, я.

¹⁶² По плану мы должны были смотреть «Бродягу», а она приволокла «Апокалипсис сегодня». – «Бродяга» (*The Tramp*, другие названия – *Charlie on the Farm*, *Charlie the Hobo*, *Charlie the Tramp*, 1915) – короткометражный немой фильм Чарльза Чаплина. «Апокалипсис сегодня» (*Apocalypse Now*, 1979) – художественный фильм, построенный на теме войны во Вьетнаме, снятый Фрэнсисом Фордом Coppola по сценарию самого Coppola, Джона Милиуса и Майкла Герра. Отправной точкой для сценаристов послужила повесть Джозефа Конрада «Сердце тьмы» (1902). Фильм был удостоен премии «Оскар» за лучшую операторскую работу и лучший звук, а на Каннском фестивале разделил «Золотую пальмовую ветвь» с лентой Ф. Шлэндорфа «Жестяной барабан».

¹⁶³ «Дебби покоряет Даллас» (*Debbie Does Dallas*, 1978) – порнографический фильм с Бемби Вудс в главной роли. В 2002 г. по мотивам фильма был поставлен мюзикл.

¹⁶⁴ В один прекрасный день возьмет и нас всех перестреляет, как Клеболд. – Эрик Дэвид Харрис (1981–1999) и Дилан Беннет Клеболд (1981–1999) – двое старшеклассников, совершивших массовое убийство в школе «Колумбайн Хай», штат Колорадо. Они застрелили тринадцать человек и еще двадцать четыре ранили, а затем покончили с собой.

Мое появление в их тесном кругу прошло так же безболезненно, как высадка союзников в Нормандии. Конечно, мы узнавали друг друга в лицо, но первый месяц или чуть больше – сентябрь, самое начало октября – общались только у Ханны. Я, как тайный свидетель, испуганно помалкивала, наблюдая, как на них реагируют окружающие («Если я когда-нибудь увижу Джейд, лежащую посреди улицы, раненую, бездомную, больную проказой, – я проявлю милосердие и перееду ее, чтоб не мучилась», – посулила Бетти Прайс на углубленной литературе).

Общение наше в первое время происходило по весьма унижительному сценарию. Естественно, я чувствовала себя одинокой толстушкой в любовном реалити-шоу – той, которую никто не приглашает на романтическое свидание и уж тем более на полноценный ужин в ресторане. Устроившись в потертом Ханнином кресле с одной из ее собак, я делала вид, будто невесело увлечена домашним заданием по углубленной истории искусства, а они тем временем обсуждали вполголоса, как «круто погуляли» в пятницу в таинственных увеселительных заведениях под кодовыми названиями «Фиолетовая» и «Слепая». Если Ханна выглядывала из кухни, мне сейчас же бросали гаденькие огрызки-улыбки. Мильтон, моргнув, хлопал себя по колену и спрашивал:

– Синь, как дела? Что ты там притихла?

– Она стесняется, – серьезно говорил Найджел.

Или Джейд, неизменно одетая как на красной дорожке в Каннах:

– У тебя чудесная блузка! Хочу себе такую! Расскажешь потом, где ты ее раздобыла.

Чарльз улыбался, будто ведущий непопулярного ток-шоу, а Лула при звуке моего имени утыкалась взглядом в пол.

Ханна, как видно, сообразила, что ситуация патовая, и попробовала иной подход.

– Джейд, а не взять ли тебе Синь с собой в «Консьянс»? Ей, наверное, будет интересно. Когда ты снова туда поедешь?

– Не знаю, – протянула Джейд.

Она лежала на животе посреди ковра и читала «Нортоновскую антологию поэзии» (Фергюсон, Солтер, Столуорти, изд. 1996 г.)

– По-моему, ты собиралась на следующей неделе, – не отставала Ханна. – Может, ее как-нибудь смогут принять без записи?

– Может, – буркнула Джейд, не отрываясь от книги.

Я и забыла об этом разговоре, а в пятницу, безрадостным серым днем, после последнего урока – углубленная всемирная история, преподаватель мистер Карлос Сандборн (который так густо мазал волосы гелем, что всегда казалось, будто он только что вылез из плавательного бассейна) – я увидела около своего шкафчика Джейд и Лулу: на Джейд черное платье в стиле Холли Голайтли¹⁶⁵, Лула в белой блузке и юбке. Лула стояла терпеливо, руки по швам, как на репетиции хора, а у Джейд вид был такой, словно она пришла в дом престарелых и дожидается, пока наконец привезут назначенного ей старичка, чтобы скороговоркой почитать ему вслух «Обитателей холмов»¹⁶⁶, заработать очки за общественную работу и благодаря этому вовремя получить аттестат.

– В общем, мы едем привести в порядок ногти, брови и волосы, и ты с нами, – подбоченьясь, объявила Джейд.

¹⁶⁵ Холли Голайтли – персонаж фильма «Завтрак у Тиффани» (*Breakfast at Tiffany's*, 1961) по одноименной повести Трумена Капоте. Холли Голайтли в исполнении Одри Хепбёрн очень изысканно одевается.

¹⁶⁶ ...почитать ему вслух «Обитателей холмов»... – «Обитатели холмов» (*Watership Down*, 1972) – роман-сказка британского писателя Ричарда Адамса в жанре героического фэнтези о приключениях группы диких кроликов. Роман является переработанным собранием сказок, которые писатель рассказывал своим детям во время поездок по стране, и назван в честь реально существующего холма на севере Хэмпшира, недалеко от места, где вырос Адамс. В различных переводах на русский язык роман имеет названия: «На Уотершипском холме», «Корабельный холм», «Удивительные приключения кроликов», «Великое путешествие кроликов». Несмотря на то что животные в романе описаны в своем естественном окружении, они имеют ярко выраженные антропоморфные черты, а также близкие к человеческим социальные отношения, язык и культуру.

– О, – сказала я, набирая код цифрового замка от шкафчика, хотя на самом деле я, кажется, просто крутила диск то в одну, то в другую сторону.

– Готова?

– Что, прямо сейчас?

– Конечно.

– Сейчас не могу. Я занята.

– *Занята?* Чем это?

– За мной папа заедет.

Проходившие мимо четыре девчонки застряли у доски с объявлениями по немецкому языку, словно мусор в реке зацепился за берег, и, не скрываясь, подслушивали.

– Бо-оже! Опять твой чудо-папочка! – протянула Джейд. – Хоть бы сказала, как его зовут в обычной жизни и как он выглядит без плаща и маски!

(Я имела неосторожность упомянуть о папе за обедом у Ханны. Да еще и употребила такие выражения, как «невероятный человек» и «один из самых выдающихся на сегодняшний день исследователей американской культуры» – строчка, взятая дословно из двухстраничной статьи о папе в ежеквартальном журнале Американского института политологии [см. «Доктор Да», весна 1987, т. XXIV, № 9].)

– Да она шутит, – сказала Лу. – Пошли, будет весело.

Я собрала рюкзак и пошла за ними. Предупредила папу, что сегодня у нас внеочередная встреча группы по изучению «Улисса», но к ужину я буду дома. Папа нахмурился, глядя издали на Джейд и Лу.

– Эти барышни считают, что они способны читать Джойса? Хех! Желаю им удачи... Нет, поправка: буду надеяться на чудо.

Конечно, будь его воля, он бы меня не пустил, просто не хотел скандала.

– Очень хорошо, – вздохнул папа, глядя на меня с жалостью, и завел мотор. – Пока-пока, радость моя!

Мы пошли к автостоянке для учеников. По дороге мне пришлось выслушивать восторженные отзывы.

– Ни хрена себе! – Джейд смотрела на меня с уважительным изумлением. – Папа у тебя просто неотразим! Ты говорила, что он невероятный, но я не думала, что это значит «невероятный» в стиле Джорджа Клуни! Не будь он твоим папой, я бы тебя попросила нас познакомить.

Лу ее поддержала:

– Он похож на этого, как его... Отца из «Звуков музыки»¹⁶⁷.

Честно говоря, мне уже здорово надоело, что папино появление безотказно вызывает всеобщий восторг. Я первая готова была аплодировать стоя и швырять на сцену цветы с криками «Браво!», но иногда папа мне напоминал оперную примадонну, которая получает хвалебные рецензии, даже если поленилась взять высокую ноту, забыла переодеться и моргнула, уже лежа трупом в последнем акте. Например, когда я сталкивалась в коридоре с завучем Ронин-Смит, впечатление было такое, что она до сих пор не опомнилась после двухминутного разговора с папой у себя в кабинете. Она не спрашивала «как учеба?», а всегда: «Как папа?» И только Ханна Шнайдер после встречи с моим папой не донимала меня расспросами.

– Точно... Господин фон Трапп, – задумчиво откликнулась Джейд. – Он мне всегда нравился. Так, а мама у тебя кто и что?

¹⁶⁷ *Отца из «Звуков музыки»*. – Господин фон Трапп – отец семейства из фильма «Звуки музыки» (*The Sound of Music*, 1965), режиссер Роберт Уайз, роль главной героини исполнила Джули Эндрюс. Лента представляет собой экранизацию одноименного бродвейского мюзикла, музыку и слова для которого написали Ричард Роджерс и Оскар Хаммерстайн II, авторы либретто Говард Линдсей и Рассел Круз. Киносценарий написан Эрнестом Леманом. Фильм удостоен пяти премий Американской академии киноискусств. В основу мюзикла легла книга Марии фон Трапп «Семья певцов фон Трапп» (*The Story of the Trapp Family Singers*).

– Она умерла, – ответила я глухим трагическим голосом и впервые смогла насладиться их ошарашенным молчанием.

Салон «Консьянс» располагался в центре Стоктона, наискосок от публичной библиотеки. Среди фиолетовых стен и окрашенных под зебру диванчиков некто Джейре в сапогах из кожи аллигатора расцветил мне волосы медными бликами и подстриг так, чтобы больше не казалось, «будто она сама их обкорнала маникюрными ножницами». Неожиданно Джейд настояла на том, что вся эта красота мне достанется даром – за все платит мама Джейд, пресловутая Джефферсон, – она оставила Джейд черную карту «Америкэн экспресс», на всякий случай, а сама укатила на полтора месяца в Аспен¹⁶⁸ со своим новым «красавчиком», лыжным инструктором «по имени Таннер, у него еще губы вечно обветрены».

– Если сможете сделать что-нибудь с этим помелом, заплачу тысячу долларов, – сказала Джейд парикмахеру.

В следующие две недели, также на деньги Джефферсон, мне приобрели полугодовой запас контактных линз у офтальмолога Стивена Дж. Хеншо с глазами как у песка и вечным насморком. Лу и Джейд самолично выбрали мне одежду, обувь и нижнее белье – не в подростковом отделе универмага «Стики», а в «Ярмарке тщеславия» на Мейн-стрит, в бутике «Руж» на улице Вязов, «У Натальи» на Вишневой и даже «У Фредерика» на Голливудской («Если вдруг захочешь порезвиться, рекомендую вот это» – с такими словами Джейд сунула мне в руки нечто вроде сбруи, какую надевают для дайвинга, только розового цвета). Контрольным выстрелом стали увлажняющий крем для лица, блеск для губ с ароматом мирта и тимьяна, дневные (блестящие) и вечерние (матовые) тени для глаз, специально подобранные в косметическом отделе «Стики» под мой цвет кожи, и пятнадцатиминутный краткий курс по их нанесению, который провела для меня, жуя жвачку, продавщица Миллисент с напудренным лбом и в белоснежном форменном халатике. Она ухитрилась уместить на моих веках все цвета спектра.

– Да ты богиня! – объявила Лу.

Ее отражение улыбалось мне в ручном зеркальце Миллисент.

– Кто бы подумать мог, – хмыкнула Джейд.

Я больше не была похожа на смущенную сову – скорее на разудалое пирожное (нагл. пос. 9.0).

Разумеется, папа, увидев такое превращение, испытал примерно те же чувства, как если бы Ван Гог забрел однажды жарким полднем в сувенирный магазинчик в Сарасоте и рядом с картонными бейсболками и статуэтками из ракушек обнаружил свои любимые подсолнухи, отпечатанные на пляжных полотенцах, которые еще и продаются со скидкой, всего за девять долларов девяносто девять центов.

– Радость моя, у тебя в волосах сполохи. Волосы не должны полыхать! Полыхает костер, маяк, подсвеченная башня с часами... Может быть, преисподняя. А человеческие волосы – нет.

Однако вскоре, как ни странно, папа возмущаться перестал – так, буркнет что-нибудь иногда себе под нос. Я предположила, что он слишком увлечен Китти, или, как она себя называла на автоответчике, «Котенком Китти» (я сама ее никогда не видела, доходили только заголовки новостей: «Китти падает в обморок в итальянском ресторане, услышав папины рассуждения о человеческой природе», «Китти умоляет папу простить ее за то, что пролила „Белый русский“¹⁶⁹ коктейль на рукав его твидового пиджака», «Китти собирается отметить свое сорокалетие и не прочь услышать свадебные колокола»).

¹⁶⁸ *Аспен* – очень дорогой лыжный курорт в штате Колорадо. Основан в 1879 г. В Аспене регулярно проходят крупнейшие горнолыжные соревнования, включая этапы Кубка мира, а также соревнования по фристайлу и сноуборду. Дома в Аспене есть у многих известных американцев – Майкла Дугласа, Мартины Навратиловой, Джека Николсона, Дона Джонсона и других.

¹⁶⁹ «*Белый русский*» – коктейль из группы коктейлей со сливками, на основе водки. Любимый напиток Джеффри «Чувака»

Удивительное дело – папа как будто смирился с тем, что его дочку, дивное произведение искусства, бесовестно коммерциализируют. Он вроде даже и не сердился.

– Ты довольна? Ты делаешь это осознанно? Ты уважаешь своих соучеников в этой вашей группе по изучению «Улисса», хотя они – как и следовало ожидать – проводят больше времени в магазинах и парикмахерских, чем в поисках Стивена Дедала?

(Да, папа до сих пор верил, что я по воскресеньям занимаюсь изучением этого непомерного тома, и я его не разубеждала. К счастью, папа не особенно любил Джойса – его утомляла постоянная игра словами, да и латынь тоже. На всякий случай я время от времени отчитывалась, что моим одноклассникам книга дается с трудом и потому мы все еще не продвинулись дальше первой главы – «Телемак»).

– Вообще-то, они неплохо соображают, – сказала я. – На днях один употребил в разговоре слово «подобострастный».

– Не хаами! Они умеют мыслить?

– Ага.

– Они не лемминги? Не тупые недоразвитые неонацисты? Не анархисты и не антихристы? Не средние заурядные юнцы, воображающие себя непонятыми? Увы, американские тинейджеры по сравнению с вакуумом – как диванные подушки по сравнению с полиуретановой пеной...

- Пап, они неплохие.
- Ты уверена? Никогда не полагайся в суждениях на завлекательную видимость.
- Уверена.
- Тогда вперед.

Он нахмурился, а я, поднявшись на цыпочки, чмокнула его в шершавую щеку и направилась к двери. Было воскресенье. Джейд уже вовсю давила локтем на гудок.

– Приятного тебе времяпрепровождения с твоими чуваками и чувихами, – несколько театрально пожелал папа, но я не стала цепляться к словам.

Случалось, мы с Джейд и Лу хохотали над чем-нибудь как ненормальные. Например, в тот раз, когда они позвали меня с собой «шататься по магазинам», а в торговом центре за нами увязалась компания остолопов с идиотскими улыбками и выглядывающими из-за пояса джинсов трусами.

– Полнейшие уроды, – вынесла приговор Джейд, разглядывая их сквозь стойку с резинками для волос.

Или в другой раз, когда мы с Джейд показали средний палец гнойному струпу (так Джейд называла «уродливых мужиков старше сорока»), который нахально подрезал ее «вольво» на своем «фольксвагене» (подражая Джейд, я высунула руку в открытое окно, и ветер трепал мои волосы, ныне бесподобного цвета меди, атомный номер 29).

В такие минуты я думала: может, они и в самом деле мои друзья и когда-нибудь я смогу доверительно обсуждать с ними вопросы секса за пирогом с ревенем в уютной кафешке, а еще когда-нибудь мы будем перезваниваться, обсуждая боли в спине и лысых, как черепахи, мужей и где бы поселиться, выйдя на пенсию... А потом улыбки вдруг слетали с их лиц, как плохо приклеенный листок с доски объявлений, и они смотрели на меня с досадой, словно я их в чем-то обманула.

Они отвозили меня домой, а я на заднем сиденье пыталась читать их разговор по губам, ничего не слыша за ревом тяжелого металла из динамиков (разбирала дразняще-обрывочные фразы: «встретимся позже», «обалденное свидание»). Я думала о том, что так и не сказала ничего впечатляющего (крутизны во мне не больше, чем в паре пляжных шорт) и сейчас меня сдадут, словно тук грязного белья в прачечную, и умчатся в манящую шепчущую ночь с лиловыми небесами и черными силуэтами гор над макушками сосен. Где-то там, в секретном месте, они встретятся с Чарльзом, Найджелом и Блэком (почему-то Мильтона они называли по фамилии). Будут сидеть и целоваться в машинах и устраивать гонки на шоссе, сталкивая противников с обрыва (в кожаных куртках с надписями «ТИ-БЁРД» и «РОЗОВАЯ ЛЕДИ»¹⁷⁰)¹⁷¹.

– Аста ла виста, пока-пока, – говорила Джейд, подкрашивая губы красной помадой и глядясь в зеркальце заднего вида.

Я захлопывала дверцу и взваливала рюкзак на плечо.

Лула приветливо махала рукой:

– Встретимся в воскресенье!

И я плелась в дом, как ветеран возвращается с войны, жалея, что мир наступил слишком скоро.

¹⁷⁰ «Розовая леди» – классический коктейль на основе джина. Розовый цвет возникает при добавлении в коктейль гренадина. Все вариации рецепта включают джин, гренадин и яичный белок.

¹⁷¹ ... в кожаных куртках с надписями «ТИ-БЁРД» и «РОЗОВАЯ ЛЕДИ»... – *Ford Thunderbird* (также широко известен под аббревиатурой *T-Bird*, «Ти-бёрд») – американский заднеприводный люксовый автомобиль с кузовом купе, а в ряде поколений – также кабриолет и седан, выпускавшийся на протяжении многих лет подразделением *Ford* компании *Ford Motor Company*. Название модели позаимствовано из мифологии североамериканских индейцев, у некоторых племен которых Грозовая Птица (*Thunderbird*) – дух грозы, молнии и дождя.

– Что такого необходимого можно купить в магазине под названием «Загар Прямо-Как-На-Багамах»? – крикнул папа из кухни, когда приехал домой после очередного свидания с Китти.

Он заглянул в гостиную, держа в руке, словно дохлого ежа, оранжевый пластиковый пакет, который я оставила в прихожей.

– Тональный крем «Прямо-Как-На-Бали», – мрачно ответила я, не отрываясь от книжки – схватила с полки первую попавшуюся, «Молодежный бунт в Южной Америке» (Гонсалес, 1989).

Папа кивнул и благоразумно решил больше не расспрашивать.

А потом случился поворот (и я уверена, причиной тому опять-таки Ханна, хотя я до сих пор не знаю, что она такое им сказала: может, объявила ультиматум или предложила взятку, а может, как всегда, незаметно подвела их к нужной мысли).

Дело было в первую неделю октября, в пятницу, на шестом уроке. Солнце светило не по-осеннему беспощадно ярко, и все вокруг блестело, словно только что вымытая машина, и мистер Моутс, преподаватель ИЗО для начинающих, призвал нас выйти на улицу с карандашами и набросать этюд.

– Найдите свои текущие часы¹⁷²! – приказал он, распахивая двери, словно выпускал на волю стадо диких мустангов, и красиво вскидывая руку, как будто на миг превратился в танцовщика фламенко в тесных штанах цвета кадмий зеленый.

Ученики с громадными альбомами для эскизов медленно и лениво расползлись по кампусу. Я никак не могла выбрать сюжет для рисунка. Минут пятнадцать бродила и в конце концов решила нарисовать полусасыпанный сухими сосновыми иголками пакетик из-под «M&Ms» позади корпуса Элтон. Я устроилась на приступочке и только-только провела первые штрихи, когда на дорожке послышались шаги. И шаги эти не прошли мимо, а затихли возле меня.

Кто-то сказал:

– Привет!

Это был Мильтон – руки в карманах, клох волос падает на лоб.

– Привет, – сказала я.

Он не ответил и даже не улыбнулся. Только подошел ближе и, наклонив голову набок, стал рассматривать мой неуверенный набросок, словно учитель, бесцеремонно заглядывающий в твою тетрадь на контрольной.

Я спросила:

– Почему не на уроке?

– Да я заболел, – усмехнулся Мильтон. – Гриппом. Иду в медкабинет, потом домой, лечиться.

Забыла упомянуть: если Чарльз был в школе очевидным Казановой, его обожали и девочки, и мальчики, и группа поддержки, то Мильтон являл собой воплощение всего интеллектуального и непонятного. У нас в группе углубленной литературы была одна девчонка, Мейкон Кэмпинс, которая рисовала у себя на руках татуировки в виде закручивающихся спиралей, – так вот, она уверяла, что влюблена в Мильтона без памяти. Перед тем как прозвенит звонок на урок и в класс войдет миз Симпсон, громким шепотом бормоча себе под нос: «Ни заправки для принтера, ни бумаги нормальной, ни скрепок, школа катится в пропасть, нет, вся страна, нет, весь мир...» – всем было слышно, как Мейкон и ее лучшая подруга Анджела Гранд обсуждают загадочную татуировку Мильтона:

– По-моему, он ее сам сделал. Помнишь, на биологии он засучил рукава? Я все разглядывала его руку. Мне кажется, у него там татуировка всех цветов радуги. Это та-ак сексуально!

¹⁷² *Текущие часы* – образ из картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти» (1931).

Мне тоже чудилось в Мильтоне что-то подспудно сексуальное. Если нам случалось оказаться наедине, я становилась как будто пьяная. Однажды я на кухне у Ханны споласкивала тарелки, прежде чем загрузить их в посудомоечную машину, и тут вошел Мильтон, держа своими громадными лапами сразу семь стаканов. Он наклонился надо мной, чтобы поставить стаканы в раковину, и я подбородком нечаянно задела его плечо. Оно было влажное, словно в оранжерее, и я подумала, что сейчас упаду.

– Синь, извини, – сказал он и отошел.

Он часто произносил мое имя (так часто, что я невольно подозревала иронию) и всегда растягивал его, словно это не имя, а мячик на резинке: «Сиинииинь».

Сейчас он спросил:

– Синь, ты сегодня вечером занята?

– Ага, – сказала я.

Он не придал этому значения (наверняка вся компания уже догадалась, что, кроме Ханны, никто меня никуда не зовет).

– Мы сегодня собираемся у Джейд. Приходи, если хочешь.

И двинулся дальше по дорожке.

– Я думала, у тебя грипп.

Я говорила очень тихо, но он услышал, обернулся и сделал пару шагов назад:

– А мне резко получше!

Подмигнул и пошел себе, насвистывая и поправляя на ходу галстук в сине-зеленую клетку, словно ему предстояло собеседование по приему на работу.

Джейд жила в тридцатипятикомнатном особняке в стиле поместья «Тара»¹⁷³ – она называла его Свадебным тортом. Дом стоял на холме посреди забубенного района, где «люди обитают в трейлерах и у половины жителей зубов нету». В народе это место прозвали Помойкой.

– При первом знакомстве дом поражает своей вульгарностью, – весело сообщила Джейд, распахивая тяжеленную входную дверь.

Она мне обрадовалась, как родной. Прямо-таки напрашивался вопрос: что ей Ханна такое пообещала? Наверное, бессмертие.

– Да-да, – продолжала Джейд, поправляя сползшее плечико черно-белого шелкового платья, чтобы не были видны бретельки ярко-желтого лифчика. – Я предлагала Джефферсон держать в прихожей такие, знаешь, пакетики, как в самолетах выдают, специально для неприличных. И кстати, у тебя не бред – это действительно Кассиопея. В столовой – Малая Медведица, в кухне – Геркулес. Это Джефферсон так развернулась, во всех комнатах на потолке – созвездия Северного полушария. Когда проектировали дом, она встречалась с одним типом по имени Тимбер, астрологом и толкователем снов. Потом этот Тимбер ее кинул и она стала встречаться с англичанином Гиббсом. Он эти мерцающие огонечки на дух не переносил – «В них же лампочки менять задолбаешься!» – да поздно было. Электрики уже смонтировали Северную Корону и половину Пегаса.

Прихожая была вся сплошь белая. На гладком мраморном полу запросто можно крутить тройной лутц и двойной тулуп. На нежно-голубом потолке в самом деле мерцает созвездие Кассиопеи, да еще, кажется, и гудит на низкой ноте, словно морозильник. И холод, как в морозильнике.

– Нет-нет, ты не заболела, не думай. В низкотемпературной среде замедляется процесс старения организма, а иногда даже обращается вспять, поэтому Джефферсон требует, чтобы температура в доме не поднималась выше сорока¹⁷⁴.

¹⁷³ «Тара» – поместье главных героев в романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (1936).

¹⁷⁴ ...чтобы температура в доме не поднималась выше сорока. – По Фаренгейту, то есть примерно 4,5 градуса Цельсия.

Джейд швырнула ключи от машины на приземистую коринфскую колонну у входа, где уже валялись кучка мелочи, ножнички для педикюра и рекламные брошюры курсов медитации в каком-то «Сувейни-центре духовной жизни».

– Не знаю, как тебе, а мне срочно требуется коктейль! Все равно никто еще не приехал. Опаздывают, гады... Ладно, пошли, покажу тебе, где тут что.

Джейд смешала нам по коктейлю «Клеветник»¹⁷⁵ – первый в моей жизни алкогольный напиток, сладкий, но приятно обжигающий горло. И мы отправились на обзорную экскурсию под мерцающими созвездиями (часто с погасшими звездами, сверхновыми и белыми карликами). Дом был роскошен и гнусен, как дешевый отель. Назначение комнат не всегда поддавалось точному определению, хотя Джейд называла каждую вполне недвусмысленно: комната отдыха, музейная комната, гостиная. Например, Императорскую комнату украшали затейливая персидская ваза и большой портрет маслом «сэра Кого-то-там восемнадцатого века», но на диване валялась грязная шелковая блузка, под стулом – перевернутая кроссовка, а на позолоченном столике сиротливо жалась кучка ватных шариков, которыми кто-то удалял с ногтей кроваво-красный лак.

Джейд показала мне Комнату с телевизором («три тыщи каналов, а смотреть нечего»), Игровую комнату, где вставала на дыбы карусельная лошадка в натуральную величину («Ее зовут Снежок») и Шанхайскую комнату – почти пустую, если не считать бронзовую статую Будды и с десяток картонных коробок.

– Ханна считает, что с вещами надо расставаться. Я постоянно сдаю разное барахло в благотворительный фонд. Ты подумай, может, тоже что-нибудь пожертвуешь, – сказала Джейд.

В подвальном этаже, под созвездием Близнецов, находилась Комната Джефферсон («здесь мама воздает небесные почести своей ушедшей молодости»). В необозримых размерах комнате стоял телевизор с хороший киноэкран, пол покрывал ковер цвета копченой грудинки, а на обшитых деревянными панелями стенах были развешаны рекламы парфюма «О!», колготок «Шелковый соблазн», туфель «Шагай смело», пива «Оранжевое блаженство» и других никому не известных товаров. На всех плакатах была изображена одна и та же девушка с морковно-рыжими волосами и ослепительной улыбкой, выражающей почти маниакальный восторг (см. гл. 4, «Джим Джонс»¹⁷⁶, в кн. «Безумный Дон Жуан», Лернер, 1963).

– Это и есть моя мамуля Джефферсон. Можешь звать ее Джефф.

Джейд нахмурилась, разглядывая рекламу витаминов, на которой Джефф с синими напульсниками на руках выполняла «березку» над крупной надписью: «ВИТАМИН „ВИТА“ – ТВОЙ ПУТЬ К ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ».

– В семьдесят восьмом она прогремела в Нью-Йорке – минуты на две. Видишь, у нее волосы зачесаны кверху и вот тут завиток над глазом? Ее изобретение. Когда она впервые появилась на людях с этой прической, все прямо с ума посходили. Прическу называли «Алый зефир». Мамуля дружила с Энди Уорхолом¹⁷⁷. Небось, он ей показывался без парика. О, погоди-ка...

Джейд подошла к столику под рекламой пикантных сосисок сэра Альберта («Что хорошо для королевской семьи, то хорошо и для вас») и взяла фотографию в рамке – видимо, сделанную уже в наши дни.

¹⁷⁵ «Клеветник» (*mudslinger*) – коктейль из персикового ликера с апельсиновым соком и кока-колой; по-русски так же называют иногда совсем другой коктейль, из ликера «Кэроланс Айриш Крим», кофейного ликера и водки – по-английски это коктейль *mudslide*.

¹⁷⁶ *Джим Джонс* – Джеймс Уоррен «Джим» Джонс (1931–1978) – американский проповедник, основатель религиозной организации «Храм народов», последователи которой совершили в 1978 г. массовое самоубийство.

¹⁷⁷ *Мамуля дружила с Энди Уорхолом*. – Энди Уорхол (Эндрю Вархола, 1928–1987) – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссер, одна из ключевых фигур в истории поп-арт-движения и современного искусства в целом.

– Это Джефферсон в прошлом году позировала для рождественских открыток.

Женщина явно заблудилась далеко за гранью сорокалетия и в ужасе искала дорогу обратно. Сияющая улыбка слегка провисала по углам, и волосам больше не хватало энергии, чтобы взмывать «Алым зефиром», – они торчали во все стороны «Алой шваброй». (Папа назвал бы ее «постаревшая Барбарелла»¹⁷⁸ или применил бы к ней свою шкалу конфетных оценок, придуманную специально для женщин, которые убивают массу сил и времени в попытках остановить возраст, словно возраст – это табун непокорных жеребцов: «подтаявшая красная М&М», «засохшая клубничная мармеладка» и так далее.)

Джейд смотрела на меня, прищурившись и скрестив руки на груди.

– По-моему, она симпатичная, – сказала я.

– Ага, симпатичная, как Гитлер.

Закончилась экскурсия в Фиолетовой комнате – «здесь Джефферсон знакомится поближе со своими бойфрендами, если ты понимаешь, о чем я. Лучше не садись на тот диванчик восточной расцветки у камина». Больше никто из компании пока не появился. Джейд снова занялась коктейлями, потом перевернула на другую сторону пластинку Луи Армстронга на антикварном проигрывателе. В конце концов она утомилась и села, хотя взгляд так и порхал по комнате канарейкой. Джейд в четвертый раз посмотрела на часы у себя на руке. Потом в пятый.

– Давно вы здесь живете? – спросила я.

Мне хотелось завязать разговор, чтобы, когда остальные придут, у нас был в разгаре любимый номер «Две маленькие девочки из Литтл-Рока»¹⁷⁹ – правда, Джейд чуточку худее и чуточку злее, чем Мэрилин, а я, безусловно, совсем плоская по сравнению с Джейн Расселл. К сожалению, пылкой дружбы между нами пока не намечалось.

– Три года, – рассеянно ответила Джейд. – Да где они, нах? Ненавижу, когда опаздывают! И вообще, Блэк поклялся, что придет к семи, обманщик! – пожаловалась она, обращаясь не ко мне, а к потолку. – Я его кастрирую!

(В созвездии Ориона у нас над головой давно не меняли перегоревшие лампочки, так что мифический охотник лишился ног и головы. Один только пояс остался.)

Вскоре прибыли остальные – в каком-то странном виде. Пластмассовые бусы, бумажные короны из фастфуда, Чарльз в старинной рубашке для фехтования, Мильтон – в синем бархатном пиджаке. Найджел развалился на кожаном диване, закинув ноги на кофейный столик, Лула посылала Джейд воздушные поцелуи. Мне она едва улыбнулась и тут же прошествовала к бару. Глаза у нее были красные и остекленевшие. Мильтон взял сигару из шкатулки на письменном столе в углу.

– Джейди, где резак? – окликнул он, нюхая сигару.

– Ты обещал прийти вовремя, а сам опоздал! – огрызнулась Джейд, затягиваясь сигаретой. – Ненавижу! В верхнем ящике.

Мильтон приглушенно хмыкнул, будто сквозь подушку. Я поймала себя на том, что мечтаю – хоть бы он и мне сказал что-нибудь. «Хорошо, что ты пришла» или «Сиинииинь, привет!» – но он не сказал. Он меня просто не видел.

– Синь, смешать тебе «грязный мартини»¹⁸⁰? – спросила Лула.

– Или другое что-нибудь, – сказала Джейд.

¹⁷⁸ «Барбарелла» (*Barbarella*, 1968) – франко-итальянский научно-фантастический фильм на основе комикса Жан-Клода Форэ с тем же названием. В главной роли – Джейн Фонда, режиссер – Роже Вадим, в то время ее муж. Поначалу фильм не пользовался большой популярностью, но после повторного выхода на экраны в 1977 г. стал культовым.

¹⁷⁹ «Две маленькие девочки из Литтл-Рока» («Just Two Little Girls from Little Rock») – музыкальный номер Мэрилин Монро и Джейн Расселл из фильма «Джентльмены предпочитают блондинок».

¹⁸⁰ «Грязный мартини» – коктейль мартини с добавлением рассола из-под оливок, обычно его украшают оливкой.

– «Ширли Темпл»¹⁸¹, – посоветовал Найджел с гадкой улыбкой.

– «Космо»¹⁸²? – спросила Лула.

– В холодильнике есть молоко, – заметил Найджел, сохраняя выражение полной серьезности.

– Мне... мне «грязный мартини» сойдет. Спасибо, – сказала я. – Три оливки, пожалуйста.

«Три оливки, пожалуйста», – говорила Элеонора Керд, зеленоглазая героиня «Возвращения к водопадам» (де Мург, 1990). Глядя на нее, мужчины содрогались от желания. Книгу я в двенадцатилетнем возрасте стырила из позолоченной сумочки июньской букашки по имени Рита Клири. (Она еще долго спрашивала папу: «Где моя книга?» – словно душевнобольная, сбежавшая из лечебницы. Обшарила все наши шкафы и диваны и под ковер заглядывала, встав на четвереньки, так ей хотелось узнать, вышла Элеонора за сэра Дэмьена или они все-таки расстались, потому что он думал, будто она думала, будто он думает, что он отец незаконно-рожденного ребенка бессовестной злодейки.)

Лула вручила мне мартини, и обо мне тут же забыли – так оператор на коммутаторе руководителя компании забывает о линии заместителя.

– Значит, сегодня у Ханны было свидание, – обронил Найджел.

– Не было. – Чарльз улыбался, хотя я заметила, что он сел чуть-чуть прямее, как будто его укололи иголкой через диванную подушку.

– Было, – сказал Найджел. – Я ее видел после школы. Она была в красном.

– Фу-фу-фу, – сказала Джейд, выдыхая сигаретный дым.

Они еще поговорили о Ханне. Джейд снова что-то сказала о благотворительном фонде и о буржуазных свиньях (я не слышала этого выражения с тех пор, как мы с папой по дороге через Иллинойс читали «Кислотный трип. Иллюзии контркультуры шестидесятых» Ангуса Хаббарда [1989]). Правда, я не очень поняла, к чему это сказано. Мне вдруг стало трудно сосредоточиться на разговоре; все вокруг расплывалось, как зловредная нижняя строчка в таблице у окулиста. Почему-то я уже была не я, а расплывчатое облако межзвездного вещества, клок темной материи, наглядный пример из общей теории относительности.

Я встала и хотела двинуться к двери, только ноги реагировали так, будто их попросили измерить Вселенную.

– Черт, что это с ней? – донесся откуда-то издалека голос Джейд.

Пол излучал колебания в широком диапазоне.

– Что ты ей такое подсунула? – спросил Мильтон.

– Да ничего. «Клеветник».

– Я говорил, дайте ей молока, – ввернул Найджел.

– Я ей дала мартини, – сообщила Лула.

Вдруг оказалось, что я лежу на полу и смотрю на звезды.

– Она умрет? – спросила Джейд.

– Ее в больницу бы надо, – сказал Чарльз.

– Или Ханне позвонить, – сказала Лу.

– Ничего ей не сделается. – Мильтон склонился надо мной. Его черные волосы свисали волнистыми прядями, напоминая осьминога. – Пусть проспится.

Волна тошноты поднималась к горлу, и я никакими силами не могла ее остановить. Словно черная вода, заливающая алый пассажирский салон на «Титанике», как рассказано в одной из папиных любимых автобиографических книг – «Ноги мои желты, и мысли мои

¹⁸¹ *Ширли Темпл* (1928–2014) – американская актриса, обладательница «Молодежной награды академии» за 1934 г. (самый молодой человек, получивший «Оскар»), наиболее известна по своим детским ролям в 1930-х гг. Коктейль «Ширли Темпл» – безалкогольный напиток на основе имбирного пива и гренадина, а иногда – лимонада или апельсинового сока.

¹⁸² «*Космо*» («Космополитен») – коктейль из водки, ликера «Трипл-Сек» (разновидность «Кюрасао»), клюквенного сока и сока лимона или лайма.

черны»¹⁸³ (1943), в которой Герберт Дж. Д. Ласковиц на девяносто седьмом году жизни наконец-то признается, что задушил какую-то пассажирку и надел ее платье, чтобы под видом беременной женщины обеспечить себе место в спасательной шлюпке.

Я попробовала перевернуться и встать, но ковер и диван рванулись вверх, а потом меня вывернуло наизнанку – так внезапно, словно молния ударила в пол прямо у меня под ногами. Живописно, как в мультфильме, на стол, и на ковер, и на диванчик восточной расцветки, и на черные кожаные туфельки Джейд от Диора, и даже на специально припасенную для развлечения гостей книгу с иллюстрациями: «Телеобъектив – это дар Божий. Фотографии звезд, не подозревающих, что их снимают» (Миллер, 2002). Брызги попали даже Найджелу на брюки.

Как все на меня устались...

Стыдно признаться, но на этом воспоминания мои обрываются (см. рис. 12, «Континентальный шельф в разрезе», в кн. «Рельеф океанического дна», Босс, 1977). Помню только обрывки реплик («А если ее родные на нас в суд подадут?») и лица, глядящие на меня сверху, словно я смотрю на них из колодца.

Впрочем, провал в памяти мне восполнили с лихвой. В ближайшее воскресенье за обедом у Ханны очевидцы рассказали все подробности, называя меня милыми прозвищами – Рвотинка, Тошнюсик, Плевака и Оливки. Если верить Луле, я вырубилась прямо на газоне. Джейд уверяла, будто бы я что-то бормотала по-испански, вроде «*El perro que no camina, no encuentra hueso*», то есть: «Собака, которая не ходит, косточку не находит», после чего глаза у меня закатились и Джейд подумала, что я умерла. Мильтон клялся, что я «бегала в голом виде», а Найджел – что я «отжигала, как Томми Ли на презентации альбома „Театр боли“»¹⁸⁴. Чарльз, выслушав все эти версии, поморщился и объявил, что они «грубо искажают действительность». Сказал, я всего лишь полезла обниматься с Джейд, в точности повторив его любимый фильм – культовый шедевр французского режиссера-фетишиста Люка-Шало де ла Нюи «*Les Salopes Vampires et Lesbiennes de Cherbourg*»¹⁸⁵ (киностудия «Пти-Уазо», 1971).

– Парни всю жизнь мечтают такое увидеть. В общем, спасибо тебе, Рвотинка. Спасибо тебе громадное!

– Я смотрю, вы повеселились от души. – Ханна улыбалась, а глаза у нее блестели, словно она как следует хлебнула вина. – Больше ничего не рассказывайте! Это не для учительских ушей.

Я так и не смогла решить, которому рассказу верить.

С тех пор как у меня появилось прозвище, все переменялось.

Папа говорил, что моя мама, которая «когда входила в комнату, все почтительно замирали, не дыша», со всеми обращалась одинаково. Папа не мог определить, с кем она говорит по телефону – с подружкой детства из Нью-Йорка или с рекламщиком, так она радовалась им обоим. «Поверьте, я была бы счастлива заказать средство для чистки ковров – продукция у вас просто замечательная, – но, должна признаться, у нас нет ковра».

– Она могла извиняться часами, – рассказывал папа.

А я ее подвела. Я стала держаться по-другому – теперь, когда подружилась с воскресной компанией, когда Мильтон, заметив меня на утреннем сборе, орал: «Рвотинка!» – и полный двор школьников готов был рухнуть к моим ногам. Конечно, я не превратилась в одночасье

¹⁸³ «Ноги мои желты, и мысли мои черны» – вероятно, вымышленная книга. Ее название – искаженная цитата из комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» (действие III, сцена 4, реплика Мальволио; в переводе М. Лозинского: «Мысли мои не черны, хоть ноги мои желты»).

¹⁸⁴ «...как Томми Ли на презентации альбома „Театр боли“». – Томми Ли (Томас Ли Басс, р. 1962) – барабанщик американской хеви-метал-группы *Mötley Crüe*, диджей. Также известен как участник проектов *Methods of Mayhem* и *Rock Star Supernova*. «Театр боли» («Theatre of Pain») – третий студийный альбом группы *Mötley Crüe*, изданный в 1985 г.

¹⁸⁵ «*Les Salopes Vampires et Lesbiennes de Cherbourg*» – «Шлюхи-вампиры и шербурские лесбиянки» (фр.).

в наглую актрисульку, которая начинала с массовки, а потом когтями и зубами прорвалась к главным ролям. Но, расхаживая на перемене по коридорам Ганновера с Джейд Уайтстоун («Фу, устала!» – жаловалась Джейд, обнимая меня за шею, как Джин Келли обнимает фонарный столб в фильме «Поющие под дождем»¹⁸⁶), я, безусловно, купалась в лучах славы. Тогда-то я по-настоящему поняла, о чем говорил Хэммонд Браун, участник прогремевшего в 1928 году бродвейского мюзикла «Счастливые улицы» (известный в ревушие двадцатые под прозвищем Челюсть). Он сказал: «Взгляды толпы касаются кожи, как шелк» («Овация», 1952, стр. 269).

А после школы меня забирали папа, и если он за что-нибудь меня ругал – за волосы «как новогодняя мишура» или за слишком дерзкое сочинение «Тупак»¹⁸⁷. Портрет современного поэта-романтика», за которое мне поставили издевательскую четверку («Выпускной класс – не время ни с того ни с сего ударяться в эпатаж!»), – происходило нечто очень странное. Раньше после каждой ссоры с папой я запиралась у себя в комнате, чувствуя себя какой-то кляксой, расплывчатой и размазанной. А теперь я по-прежнему видела свои очертания: тонкий, но вполне отчетливый контур.

Миз Гершон, учительница углубленной физики, тоже заметила перемену – по крайней мере, на подсознательном уровне. Например, когда я только поступила в «Сент-Голуэй», когда я поднимала руку, чтобы ответить на вопрос, миз Гершон меня замечала далеко не сразу: я сливалась с окружающей средой, с окнами, лабораторными столами, с портретом Джеймса Джоуля. А сейчас, едва я подниму руку, взгляд учительницы мгновенно обращался ко мне:

– Да, Синь?

То же самое с мистером Арчером – он больше не перевирал мое имя. «Синь», – говорил он без малейших колебаний, с глубокой и искренней верой (примерно тем же тоном он произносил «да Винчи»). А мистер Моутс, подходя взглянуть, как продвигается мой рисунок, смотрел больше не на мольберт, а на меня – словно я более интересный объект, чем кривоватые линии на листе бумаги.

Сэл Минео тоже заметил разницу, а если уж *он* заметил, значит она реальна до боли.

– Ты там смотри, поосторожней, – сказал он мне как-то на утреннем сборе.

Я покосилась на его затейливый, словно узор чугунной решетки, профиль, на влажно блестящие карие глаза.

– Я рад за тебя, – продолжал Сэл, не сводя взгляда со сцены, где Хавермайер с Эвой Брюстер и Хилари Лич демонстрировали новое оформление «Голуэй газетт». – Но от них всегда только хуже всем окружающим.

– Цветная передовица и объявления, – говорила Ева.

На шее у Сэла дернулся кадык, выпирающий, словно пружина в старом диване.

– Ты о чем? – спросила я, злясь на эти недомолвки.

Он не ответил, а когда Эвита распустила собрание, умчался прочь стремительно, как стриж.

На свободном уроке великие сплетницы-двойняшки Элиайя и Джорджия Хэтчетт (Найджел и Джейд, знакомые с ними по урокам испанского, прозвали их Тра и Тру, в честь Траляля и Труляля из «Алисы») всю комментировали мою дружбу с Аристократами. Они и

¹⁸⁶ ...как Джин Келли обнимает фонарный столб в фильме «Поющие под дождем»... – Джин Келли (Юджин Каррен Келли, 1912–1996) – американский актер, хореограф, режиссер, певец и продюсер. Известен прежде всего своей ролью в знаменитом мюзикле «Поющие под дождем» (*Singin' in the Rain*, 1952), хотя он был звездой Голливуда в 1940-е и 1950-е гг., создав за это время десятки замечательных фильмов, вошедших в золотой фонд мирового кинематографа. Фильм «Поющие под дождем» поставлен режиссером Стэнли Доненом и Джином Келли. В фильм входит большое количество музыкальных номеров, песен, танцев. Фильм является практически автобиографией Голливуда эпохи перехода от немого к звуковому кино.

¹⁸⁷ *Тупак* – Тупак Амару Шакур (выступал также под псевдонимами *MC New York*, *2Pac* и *Makaveli*; при рождении Лесэйн Пэриш Крукс, 1971–1996) – американский рэпер, киноактер и общественный деятель. Тупак был убит в 1996 г., убийцы так и не были найдены. Первый рэпер, которому поставили памятник.

прежде охотно поливали грязью Джейд и компанию, забрызгивая друг друга и всех, кто окажется поблизости, а теперь они устраивались в заднем ряду, поближе к фонтанчику с питьевой водой и списку рекомендованной литературы, и с упоением обсуждали происходящее хрустким, как картофельные чипсы, шепотком.

Я старалась не обращать внимания, хотя слова «Синь» и «Ш-ш-ш, услышит!» доносились до меня шипением габонской гадюки. Если у меня не было домашнего задания, чтобы отвлечься, я отпрашивалась у мистера Флетчера в туалет, а вернувшись, пробиралась к самому густо уставленному книгами стеллажу номер 900, да еще и переставляла туда самые толстые тома с шестисотого, чтобы просветов не оставалось. (Библиотекарь Хэмбоун! Если вы это читаете, прошу прощения, что каждую вторую неделю перетаскивала объемистый «Животный мир Африки» Г. Гиббонса [1989] с его родного места в районе полки 650 на свободное место между книгами «Мамочке с любовью» [Кроуфорд, 1978] и «Моя жизнь рядом с Кэри Грантом» [Дрейк, 1989]. Нет, вы не сошли с ума и не страдаете галлюцинациями.)

– А хочешь самую-пресамую конфету? Вишенка на торте, Джуэл после исправления прикуса¹⁸⁸, пресс Мадонны после занятий хатха-йогой! – Тра перевела дух. – Тед Денсон после трансплантации волос на лысину, Дженнифер Лопес до «Джилы»¹⁸⁹, Бен Аффлек до Дженнифер Лопес, но после психиатрического лечения по поводу азартных игр, Мэтт¹⁹⁰ после...¹⁹¹

– Ты что, Гомером себя вообразила? – буркнула Тру, оторвавшись от еженедельника о жизни звезд. – По-моему, зря.

– Короче, Елена Тополос.

– Кто-кто?

– Елена Тополос, новенькая с берегов Средиземного моря. Та, которой надо бы эпиляцию провести на верхней губе. Она мне сказала, мол, эта Синюха как шизанутый ученый-аутист. И мало того, она одного нашего парня уже охмурила.

– Кто такой?

– Мистер Мускул. Прямо свихнулся из-за нее. Об этом уже легенды ходят. В футбольной команде его в лицо называют Афродитой, а ему хоть бы что. У них с этой Синь есть общие уроки. Видели, как он рылся в мусоре: она листок бумаги выбросила, а он подобрал, потому что она, мол, этой бумажки касалась.

– Ну знаешь...

– Собирается ее пригласить на Рождественский бал.

– ЧТО?! – взвизгнула Тру.

Мистер Флетчер отвлекся от сборника кроссвордов (Альбо, 2002) и обратился на двойняшек суровый взор. Их это не смутило.

– Бал через три месяца только, – скривилась Тру. – Кто же так рано приглашает? За три месяца люди беременеют, попадают с наркотой, неудачно стригутся – смотришь и понима-

¹⁸⁸ ...Джуэл после исправления прикуса... – Джуэл Килчер (р. 1974) – американская певица, композитор, актриса и автор песен.

¹⁸⁹ «Джилы» (Gigli, 2003) – кинокомедия режиссера Мартина Бреста с Беном Аффлеком и Дженнифер Лопес в главных ролях. Фильм получил шесть антипремий «Золотая малина», в том числе в таких номинациях, как «Худший фильм», «Худший режиссер», «Худший актер» и «Худшая актриса».

¹⁹⁰ Мэтт – вероятно, Мэтт Деймон, или Мэтью Стивен Лебланк, более всего известный своей ролью в сериале «Друзья».

¹⁹¹ Тед Денсон после трансплантации волос на лысину, Дженнифер Лопес до «Джилы», Бен Аффлек до Дженнифер Лопес, но после психиатрического лечения по поводу азартных игр, Мэтт после... – Эдвард Бридж «Тед» Денсон III (р. 1947) – американский актер, наиболее известный по главным ролям в ситкоммах «Чирс» и «Беккер». Он также снялся в ситкоммах «Умерь свой энтузиазм» и «Смертельно скучающий» и в драме «Схватка». За свою карьеру протяженностью более чем в тридцать лет Денсон был номинирован на четырнадцать премий «Эмми», выиграв две, десятикратно номинировался на «Золотой глобус», трижды победив, а также получил собственную звезду на голливудской Аллее Славы в 1999 г. Также снялся в нескольких кинофильмах, самые известные из которых «Трое мужчин и младенец» и его продолжение «Трое мужчин и маленькая леди».

ешь, только и было хорошего, что прическа, а на самом деле у них некрасивые уши. Он что, с ума сошел?

Тра кивнула:

– Вот я же тебе и говорю! Его бывшая, Лонни, дико злится. Поклялась, что объявит этой Синь священную войну и к концу года мокрого места от нее не оставит.

– Ничего себе!

Папа любил напоминать фундаментальную истину: «Даже дураки иногда бывают правы». И все-таки я очень удивилась, когда на следующий день, забирая учебники из шкафчика, заметила поблизости мальчика, с которым у нас были общие уроки по углубленной физике. Он прошел мимо, и не один раз, а три, якобы читая на ходу толстенную книгу. На втором проходе я разобрала, что это наш учебник «Основы физики» (Раррей и Чериш, 2004). Я подумала, он ждет Алисон Вон, тихую, но довольно популярную девочку из выпускного, – у нее был шкафчик недалеко от моего. Но нет – когда я захлопнула дверцу шкафчика, оказалось, что этот парень стоит у меня за спиной.

– Привет, – сказал он. – Меня зовут Зак.

– Синь, – еле выдавила я.

Он был высокий, загорелый, с типично американской внешностью: квадратный подбородок, ровные крупные зубы, глаза до нелепости голубые, как вода в джакузи. Я смутно помнила, что он застенчивый и немножко смешной (Криста, моя напарница по лабораторным работам, постоянно хихикала над каким-нибудь его высказыванием). Еще он был капитаном футбольной команды. На лабораторках с ним всегда сидела та самая якобы его бывшая подружка, Лонни, второй капитан команды чирлидерш, платиновая блондинка с искусственным загаром и явной несовместимостью с любого рода техникой. Никакие вольтметры, диффузионные камеры, зажимы и эбонитовые палочки не выдерживали близкого контакта с этой девочкой. По понедельникам, когда мы записывали на доске результаты опытов, миз Гершон сразу стирала удивительные открытия Лонни и Зака, поскольку они вопиюще оскорбляли современную науку, дискредитировали постоянную Планка и порочили закон Бойля – Мариотта, а теорию относительности слегка подправили, заменив формулу $E = mc^2$ на $E = mc^5$. Если верить Тра и Тру, Лонни с Заком с шестого класса были вместе и уже несколько лет по субботам занимались каким-то «львиным сексом»¹⁹² в номере для новобрачных в мотеле «Династия» на Пайк-авеню.

Зак был собой хорош, но, как сказал однажды папа, бывают люди, родившиеся не в свое время – не в смысле интеллекта, а просто выражение лица у них больше соответствует, скажем, Викторианской эпохе, чем семидесятым годам прошлого века – «десятилетию эгоистов». Так вот, Зак лет на двадцать опоздал родиться. Типичный паренек из маленького городка, с косой челкой, падающей на глаза. О нем мечтает соседская девчонка, когда своими руками шьет себе платье к выпускному балу. Может, у него припасена втайне от всех бриллиантовая серьга или даже перчатка с блестками, может, он даже исполнит неплохую песню в конце фильма, под синтезатор, только никто об этом не узнает, потому что если родился не в свое время, то до конца фильма просто не доберешься, так и будешь болтаться в середине, растерянный, нерешительный и нереализовавшийся.

– Я надеялся, может, ты меня выручишь, – сказал он, уставившись себе под ноги. – У меня тут серьезная проблема.

Я почему-то испугалась:

– Что такое?

¹⁹² ...занимались каким-то «львиным сексом»... – «Львиный секс» (*жарг.*) – секс, при котором половой акт продолжается не больше пятнадцати секунд.

– Есть одна девочка... – Он вздохнул и подцепил большими пальцами петельки на поясе брюк. – Она мне нравится. Угу, очень нравится. – Он смущенно дернул головой, глядя на меня исподлобья. – Я с ней никогда не разговаривал. Вообще ни слова. В принципе, это бы мне не помешало. Я бы подошел, пригласил в пиццерию... или там в кино. А с ней – не могу. Не решаюсь.

Он провел рукой по волосам, а были они до нелепости пушистые – прямо как в рекламе шампуня. В другой руке он так и держал учебник физики, почему-то раскрытый на странице 123, с большим фиолетово-розовым изображением плазменной лампы. Я даже прочитала вверх ногами: «Плазма – четвертое агрегатное состояние вещества».

– Ну, я себе сказал: значит, не судьба, – продолжал Зак, пожимая плечами. – Потому что, если ты с человеком даже говорить не можешь, как же тогда... В общем, надо друг другу доверять, иначе какой смысл? Но дело вот в чем... – Он нахмурился, глядя вдаль, на дверь с надписью «ВЫХОД» в конце коридора. – Как увижу ее, каждый раз такое чувство... такое чувство...

Я думала, он прочно забуксовал, но Зак вдруг просиял улыбкой:

– Потрясающее! Охрененное!

Улыбка едва держалась у него на лице, грозя вот-вот соскользнуть, словно корсаж бального платья.

Пришел мой черед говорить. Слова были уже наготове – благой совет, сочувственная реплика из какой-нибудь дурацкой комедии, – только они застряли в горле, зацепились друг за друга и вдруг рассыпались, как пучок сельдерея в измельчителе для мусора.

– Я... – начала я.

Его мятное дыхание коснулось моего лба. Зак не сводил с меня глаз цвета детского бассейна (синий, зеленый, подозрительные оттенки желтого). Он разглядывал меня, будто нашел старинный шедевр у кого-то на чердаке и старался по мастерской передаче светотени и по направлению мазков кисти определить художника.

– Тошнюсик?!

Я быстро обернулась. К нам, явно веселясь, приближался Найджел.

– К сожалению, ничего не могу посоветовать, так что извини меня, пожалуйста... – выпалила я и, не оглядываясь, проскочила мимо Зака, чуть не зацепив его плечо и учебник физики.

Не обернувшись, даже когда мы с Найджелом уже миновали доску объявлений немецкого класса, добрались до двери с надписью «ВЫХОД» и начали спускаться по лестнице. Зак, наверное, так и смотрел мне вслед с раскрытым ртом, словно диктор новостей, которому вовремя не дали подсказку с текстом.

– Что от тебя Чиппендейлу было надо? – спросил Найджел.

– Кто его знает... Я не в состоянии уследить за его логикой.

– Какая ты бессердечная! – Найджел рассмеялся коротким прыгающим смехом и взял меня под руку, словно мы Дороти и Трусливый Лев.

Всего пару месяцев назад я бы с ума сошла от радости, что такое сокровище подвалило ко мне, да еще и выдало длинную речь про некую загадочную девочку. («В истории человечества все в конечном итоге сводится к некой девочке», – сказал папа со вздохом, когда мы смотрели «Темного принца» – собравший массу престижных премий документальный фильм о детстве и юности Гитлера.) Бывали у меня раньше минуты затаенных желаний, когда я смотрела, как такие вот красавцы гарцевали по пустынным коридорам или по школьному стадиону. Например, Хоуи Истон из клирвудской средней школы, с ямочкой на подбородке и щелью между передними зубами – благодаря этой щели он стал мастером художественного свиста; мог просвистеть вагнеровское «Кольцо Нибелунгов» (1848–1874) от начала и до конца, если бы захотел (только он не хотел). Я мечтала когда-нибудь, хоть разок, умчаться с этими мустангами

в прерии – чтобы я бегала вместе с ними в диком табуне, я, а не Кейти Джонс с гавайскими глазами и не Присцилла Пастор Оуэнсби с ногами бесконечными, как автострада.

Но сейчас все было по-другому! Сейчас у меня были медные волосы и липкие губы с ароматом мирта, и как сказала Джейд за воскресным обедом у Ханны:

– Заки Содерберги этого мира, конечно, очень милы, только скучные они, как диетические крекеры. Кто-то, может, надеется, что, если их поскрести, внутри окажется Люк Уилсон. Да пусть хотя бы Джонни Депп, который вечно является на вручение престижных наград в нелепых костюмах. Но ты уж мне поверь, там всего-навсего пресный крекер.

– О ком это вы? – спросила Ханна.

– Да так, один мальчик из нашей группы по физике, – ответила я.

– Вообще-то, девчонки за ним бегают, – заметила Лу.

– Лохматый как не знаю что, – прибавил Найджел. – По-моему, у него волосы искусственно нарощены.

– В общем, зря он на Рвотинку нацелился, – заявила Джейд. – Она у нас уже страдает по кое-кому.

Джейд злорадно посмотрела на Мильтона, но он, к счастью, увлекся запеченной курицей с приправой из семечек подсолнуха и бататов, и ничего не заметил.

– Значит, Синь стала сердцеедкой? – Ханна мне подмигнула. – Давно пора!

Все-таки не могла я ее понять.

И чувствовала себя виноватой – остальные-то доверяли Ханне просто и бесхитростно: так старая лошадь доверяется всаднику, так ребенок держится за руку взрослого, переходя через улицу.

А я после неудачной попытки свести Ханну с папой временами как будто выпадала из застольной беседы и озиралась, чувствуя себя посторонней, – словно я подглядываю снаружи, прижавшись носом к оконному стеклу. Я не понимала, почему все-таки Ханна так интересуется моей жизнью, моим счастьем, моей прической («Восхитительно!» – говорила она; «Выглядишь как обедневшая модница начала прошлого века», – говорил папа). Да почему, собственно, и все-то наши ей интересны? Где ее взрослые друзья и почему она не вышла замуж, не обзавелась, как выражался папа, «всякой домашней требухой» (семейный автомобиль, дети и т. п.) согласно «сюжету комического сериала, которому люди усердно следуют, надеясь обрести смысл в своей расписанной по сценарию жизни»?

У нее дома не было ни единой фотографии. В школе я ни разу не видела, чтобы Ханна разговаривала с другими учителями, только с Евой Брюстер, и то всего однажды. Я Ханну обожала – особенно в те минуты, когда она позволяла себе дурачиться, танцевать босиком под любимую песню, с бокалом в руке, и собаки смотрели на нее влюбленными глазами, как публика смотрит на Дженис Джоплин во время исполнения «Бобби Макги» («Я когда-то пела в группе, – обмолвилась однажды Ханна, застенчиво покусывая губы. – Красила волосы в рыжий цвет»). И все же как не вспомнить книгу выдающегося нейрофизиолога и криминолога Дональда Макмейтера «Социальное поведение и грозные тучи» (1998)?

«Пристальный интерес взрослого индивида к людям значительно младшего возраста свидетельствует о недостатке искренности, а возможно, и о не вполне здравом рассудке, – пишет он в главе 22, „Обаяние детства“, стр. 424. – Подобная склонность зачастую скрывает мрачные тайны».

Глава 10. «Загадочное происшествие в Стайлзе», Агата Кристи

Недели через три-четыре моей дружбы с Аристократами Джейд по всем правилам военной науки повела наступление на мою доселе несуществующую сексуальную жизнь – хотя не сказать, чтобы я воспринимала ее наполеоновские планы всерьез. Я знала, что, когда дойдет до дела, скорее всего, сбегу, как слоны Ганнибала в битве при Заме, 202 г. до н. э. (когда мне было двенадцать лет, папа молча вручил мне стопку книг для прочтения и обдумывания, в том числе: «Культура стыда и теневой мир» С. Аллена [1993], «Где-то между пуританами и Бразилией. Основы здоровой сексуальности» [Миер, 1990] и леденящее душу исследование Пола Д. Рассела «То, чего вы не знали о сексуальном рабстве» [1996]).

– Рвотинка, ты ведь ни с кем еще не спала? – обвиняющим тоном киношного психолога спросила как-то вечером Джейд, стряхивая сигаретный пепел в треснувшую синюю вазу и щуря глаза, словно добивалась от меня признания в каком-то ужасном злодействе.

Вопрос повис в воздухе, как государственный флаг в безветренную погоду. Аристократы, даже Найджел и Лу, явно воспринимали секс как череду живописных маленьких городков, которые надлежит бегло осмотреть на пути к Основной цели (а что это за цель, они, по-моему, и сами не знали). В моем воображении тут же возник Андрео Вердуга (без рубашки, подстригающий кусты). Не сочинить ли бурную сцену страсти в кабине его пикапа (или на только что вскопанном газоне, или на клумбе с тюльпанами, где мои волосы якобы зацепились за газонкосилку)? Все-таки я решила не рисковать. «Девственницы демонстрируют свою поразительную неосведомленность с апломбом бродячих торговцев Библиями», – писал английский комик Бринкли Старнс в своей книге «Роман Арлекина» (1989).

Поэтому я промолчала, а Джейд понимающе кивнула и заметила со вздохом:

– Надо с этим что-то делать...

После моего печального признания каждую пятницу я получала у папы разрешение пойти в гости к Джейд с ночевкой («А эта Джейд – она тоже джойсоманка?») и мы с Джейд и Лулой, разрядившись в пух и прах, ехали целый час в придорожную забегаловку в Редвилле – штат Южная Каролина, сразу как пересечешь границу.

Бар назывался «Салун „Слепая лошадь“» (а точнее, «...лун...пая...оша...»), как сообщала неоновая вывеска умирающими розовыми буквами). Джейд уверяла, что их компания уже «сто лет» посещает это мрачное заведение, с виду похожее на подгорелый кекс: черный кирпич без окон брошен посреди пустого куска земли, вымощенного засохшим печеньем. У входа мы предъявляли откровенно поддельные удостоверения личности (я была кареглазая Роксана Кей Лумис, двадцати двух лет, пяти футов семи дюймов ростом, Дева по знаку зодиака и донор органов; училась я в Клемсонском университете и писала диплом по химическим технологиям; «Всегда говори, что занимаешься какими-нибудь технологиями, – наставляла меня Джейд. – Звучит красиво и непонятно, а подробней расспрашивать постесняются»). Здоровенный черный мужик на фейсконтроле смотрел на нас, будто мы – участники шоу «Дисней на льду», забывшие переодеться после выступления. Внутри гремела кантри-музыка и толпились дядечки средних лет в клетчатых рубашках, намертво вцепившись в стаканы с пивом, словно в спасательные поручни. Почти все таращились в экраны четырех телевизоров, подвешенных на потолке, – там показывали бейсбол или местные новости. Женщины, стоя тесными группами, за разговором то и дело взбивали себе волосы, будто поправляли привядший букет. На нас они глядели косо – особенно на Джейд (см. «Рычащие енотовидные собаки» в кн. «Жизнь в Аппалачах», Гестер, 1974, стр. 32).

– Сейчас найдем для Синь красавчика по вкусу, – сказала Джейд, обводя взглядом комнату: музыкальный автомат, бармена, разливающего напитки с яростным рвением новобранца,

только что прибывшего в Сайгон, и деревянные скамьи у дальней стены, где сидели девицы с такими блестящими от жары лбами, что на них можно было жарить яичницу.

– Что-то не вижу ни одного красавца, – ответила я.

– Может, лучше тебе не спешить, пока не встретишь настоящую любовь? – откликнулась Лула. – Или дожидайся Мильтона!

У них с Джейд была такая шуточка – будто бы я «сохну по Блэку», мое любимое сочетание цветов – «черно-синее»¹⁹³ и так далее. Я упорно все отрицала (хотя на самом деле они были правы).

– Слышала выражение: «Не сри там, где ешь?» – спросила Джейд. – Что ж вы такие малoverы-то! Гляньте, какой симпатяга у стойки, с краю, разговаривает с тем малярным комаром. На нем очки в черепаховой оправе. Соображаешь, что это значит?

– Не-а, – ответила я.

– Прекрати одергивать платье, тебе не пять лет! Это значит, что он интеллектuaл. Всегда выбирай того, кто в черепаховых очках, не промахнешься. Он прямо как специально для тебя. Умираю – пить хочу!

Я сказала:

– Я тоже.

– Давайте принесу, – предложила Лула. – Вы что будете?

– Мы не для того сюда притащились, чтобы самим себе покупать, – отрезала Джейд. – Синь, мои сигареты!

Я вынула сигареты из сумочки и протянула ей.

Пачка «Мальборо Лайт» служила для Джейд орудием (*boleadoras*)¹⁹⁴, чтобы заманивать в ловушку ничего не подозревающих мужчин (*cimarrón*)¹⁹⁵. (В школе ей лучше всего давался испанский; собственно, это был единственный предмет, который ей давался.) Пройдясь по бару (*estancias*)¹⁹⁶, Джейд выбирала симпатичного быковатого мужичка, стоящего в сторонке от других (*vaca perdida*, то есть отбившуюся от стада корову). Подходила к нему – медленно, не делая резких движений – и легонько хлопала по плечу.

– *Hombre*¹⁹⁷, закурить не найдется?

Дальше возможны два варианта развития событий:

1) дядечка бросается выполнять просьбу;

2) если при себе у него нет, он начинает судорожно искать у знакомых.

– Стив, огоньку не найдется? Арни, а у тебя? Хеншо? Зажигалки нет? Можно спички! Макмонди, у тебя? Сиг... У Марси есть, не знаешь? Пойди спроси... А, ясно. А у Джеффа нет? Нет... Пойду у бармена спрошу!

К тому времени, как несчастный *cimarrón* возвращался с добычей, Джейд уже начинала подыскивать себе другую скотинку. Он переминался у нее за спиной минуту-другую, иногда пять или даже десять, молча кусая губы и вытаращив глаза. Изредка осмеливался вякнуть ей в спину:

– Прошу прощения?

Наконец она соизволяла его заметить:

– М-м? А, грасиас, *chiquito*¹⁹⁸.

Если чувствовала себя особенно уверенно, задавала один из двух вопросов:

¹⁹³ У них с Джейд была такая шуточка – будто бы я «сохну по Блэку», мое любимое сочетание цветов – «черно-синее»... – «Блэк» (black) по-английски означает «черный».

¹⁹⁴ *Boleadoras* (boleadoras) – род лассо, оружие индейцев и гаучо в Южной Америке (исп.).

¹⁹⁵ *Cimarrón* – беглый, одичавший (о скоте) (исп.).

¹⁹⁶ *Estancias* – участок, усадьба (исп.).

¹⁹⁷ *Hombre* – мужчина (исп.).

¹⁹⁸ *Chiquito* – малыш (исп.).

– Кем ты себя видишь лет через двадцать, *cabron*¹⁹⁹?

Или:

– Какую позицию предпочитаешь?

Как правило, дядька терялся, но даже если на второй вопрос отвечал с готовностью: «Заместитель главного менеджера по продажам и маркетингу в корпорации „Аксель“, я там работаю, меня через пару месяцев повысят в должности», – Джейд немедленно его добивала и сейчас же поджаривала на открытом огне (*asado*)²⁰⁰.

– К сожалению, нам больше не о чем говорить. Отвали, *muchacho*²⁰¹.

Дядька обычно не реагировал – только смотрел на нее красными воспаленными глазами.

– *Vamos!*²⁰² – командовала Джейд.

Мы с Лулой мчались за ней, кусая губы, чтобы не хохотать в голос, проталкивались через всю команту (*pampas*)²⁰³, переполненную локтями, плечами, косматыми патлами, пивными стаканами, и спасались за дверью с большой буквой «Ж». Джейд расталкивала очередь из *muchachas*²⁰⁴, уверяя, будто бы я беременна и меня сейчас стошнит.

– Вранье!

– Если она беременная, почему такая тощая?

– И почему она пьет? Беременным спиртное нельзя!

– Не напрягайте мозги, *putas*²⁰⁵, а то еще надорветесь, – огрызалась Джейд.

Мы по очереди заскакивали в кабинку для инвалидов – отсмеяться и пописать.

Если огонек для сигареты Джейд появлялся быстро и четко, завязывался настоящий разговор – обычно очень громкий. По большей части Джейд выпаливала вопросы, а собеседник мычал:

– Э-э? – снова и снова, как в пьесе Беккета.

Иногда у дядечки обнаруживался приятель, вперявший тяжелый взор в Лулу, а один, явный дальтоник, лохматый как бобтейл, уставился на меня. Джейд азартно закивала и дернула себя за мочку уха (условный знак: «То, что надо!»), но когда этот тип, наклонив косматую голову, поинтересовался, как мне нравится это заведение, я почему-то растерялась и не знала, что сказать. («„Очень мило“ – тупо. Рвотинка, ни в коем случае не говори „Очень мило“. И еще – папа у тебя, конечно, классный, но если ты опять о нем заговоришь, я тебе язык отрежу»). После чересчур длинной паузы я сказала: «Не очень».

Если честно, я слегка струсилa, когда он так уверенно наклонился надо мной, со своим пивным дыханием и торчащим из-под копны волос подбородком в форме сахарной головы, и все старался заглянуть за шиворот, как будто ему не терпелось поднять мне капот и проверить карбюратор. Ответа «Не очень» он, похоже, не ожидал и, натужно улыбнувшись, переключился на карбюратор Лулы.

Бывали еще случаи, когда я оглядывалась в ту сторону, где Джейд – неподалеку от двери – минуту назад осматривала очередного призового бычка, решая, не купить ли его, чтобы улучшить свое стадо... А ее там не оказывалось. Нигде ее не было – ни возле музыкального автомата, ни в том углу, где какая-то девушка показывала подруге золотую цепочку с кулоном: «Это он мне подарил. Правда, прелесть?» (кулончик был похож на золотой обрезаек ногтя), ни в душном коридоре, где стояли диванчики и игральные автоматы, ни около барной стойки, где сидел одинокий посетитель, оцепенев перед телевизором, на экране которого ползли титры новостей

¹⁹⁹ *Cabron* – козел (исп.).

²⁰⁰ *Asado* – мясо, жаренное на углях, национальное аргентинское блюдо.

²⁰¹ *Muchacho* – мальчик (исп.).

²⁰² *Vamos* – уходим (исп.).

²⁰³ *Pampas* – пампасы (исп.).

²⁰⁴ *Muchachas* – девочки (исп.).

²⁰⁵ *Putas* – потаскухи (исп.).

(«Трагедия в округе Бернс – трое убитых в ходе ограбления. Прямой репортаж с места событий ведет Черри Джеффрис»). Когда это случилось впервые, я перепугалась до полусмерти (слишком рано прочла книгу Эйлин Краун «Была и нету» [1982] и с тех пор под впечатлением). Я бросилась к Луле (а она, между прочим, хотя с виду такая старомодно-романтическая, тоже тот еще чертенок, если улыбнется да обернет косу вокруг ладони и заговорит детским голоском, так что мужики оборачиваются, словно пляжные зонтики вслед за солнцем).

Я спросила:

– Где Джейд? Что-то я ее не вижу.

– Здесь где-нибудь, – небрежно ответила Лула, не прекращая разговора с парнем по имени Люк, в белой футболке в обlipку и с мощными руками, похожими на чугунные трубы. Употребляя односложные и двусложные слова, он рассказывал ей увлекательную историю о том, как его вышибли из Военной академии Вест-Пойнт за дедовщину.

– А я ее не вижу, – тревожно озираясь, повторила я.

– Она в туалет пошла.

– У нее все в порядке?

– Конечно.

Взгляд Лулы буквально приклеился к лицу Люка, словно он Диккенс или Сэмюэль Клеменс какой-нибудь.

Я протолкалась в женский туалет:

– Джейд?

Там было парно и мутно, как в давно не чищенном аквариуме. Перед зеркалом толпились девочки в тесных штанах и облегающих топиках, красили губы и расчесывали длинными ногтями волосы, жесткие, как соломинки для лимонада. По полу змеились полосы размотавшейся туалетной бумаги. Ревела сушилка для рук, хотя никто ею не пользовался.

– Джейд? Джейд, ау!

Присев на корточки, я разглядела в кабинке для инвалидов зеленые блестящие босоножки.

– Джейд! У тебя все хорошо?

– Да что за нахер? Что тебе?

Джейд вышла из кабинки, хряснув дверью об стену.

Позади нее виднелся какой-то дядька лет сорока пяти. Он втиснулся между унитазом и держателем для туалетной бумаги. Густая каштановая борода рассекала его лицо на странные геометрические фигуры вроде тех, что первоклассники на уроках труда вырезают из бумаги и наклеивают на оконные стекла. Рукава джинсовой курточки были ему коротки, а судя по выражению лица, он с готовностью откликался на команды вроде «К ноге!» и «Фас!». Расстегнутый пояс брюк свисал, словно гремучая змея.

– Ой, – промямлила я. – Я, это...

– Помирать собралась?

Лицо Джейд, зеленовато-бледное при тусклом освещении, влажно блестело, как тюлень. Золотистые прядки липли к вискам вопросительными и восклицательными знаками.

– Да нет...

– Вот и не хрен меня дергать! Я что, мама тебе?

Джейд повернулась на каблуках, захлопнула за собой дверцу и защелкнула задвижку.

– Вот стервоза, – прокомментировала какая-то латиноамериканка.

Она подводила глаза у раковины. Верхняя губа у нее была натянута на зубах, как целлофановый пакет, набитый объедками.

– Подруга твоя?

Я обалдело кивнула.

– Гони ты ее в шею.

Случалось, к моему ужасу, Лула тоже исчезала в женском туалете минут на пятнадцать-двадцать (Беатриче сильно изменилась за семь столетий, да и Аннабель Ли тоже). Потом обе, и Лула и Джейд, появлялись с сытым, самодовольным выражением на лицах, как будто бы там, в кабинке для инвалидов, они вычислили число «пи» до последнего десятичного знака²⁰⁶, поймали убийцу Кеннеди и нашли промежуточное звено между обезьяной и человеком (вот это как раз вполне вероятно, судя по облику типов, с которыми они уединялись).

– Надо бы Синь тоже попробовать, – заметила как-то Лу, когда мы уже возвращались домой.

– Не, ты что, – возразила Джейд. – Тут навык нужен.

Мне, конечно, очень хотелось спросить – они, вообще, соображают, что делают? – но как я догадывалась, вряд ли девчонок интересовало то, о чем пишет в своей книге «Убейте меня» (1999) Робард Неверович – русский, работавший волонтером в Америке более чем в 234 приютах для беглецов, или его же отчет о поездке в Таиланд по ходу расследования, связанного с детской порноиндустрией: «Хочу все и сразу» (2003). Очевидно, Джейд и Лула были вполне довольны жизнью, и нисколько их не волновало мнение подруги, которая «стоит немая и глухая, когда парень предлагает купить ей „Ураган“»²⁰⁷ и вообще «не знала бы, что делать с парнем, даже если ей дать справочник с картинками и обучающий интерактивный компакт-диск». Я до смерти пугалась, когда они обе исчезали из виду, но после, когда мы уже ехали домой и девчонки заходились от хохота над каким-нибудь уродом, которого они вдвоем затащили в женский туалет, и потом он вывалился из кабинки для инвалидов совершенно безумный и гнался за ними с криками «Кэмми! Эшли!» (имена из фальшивых удостоверений), и на выходе его перехватили охранники и шмякнули о землю, словно куль с картошкой; когда Джейд гнала по шоссе, ловко маневрируя между машинами, а Лула вдруг ни с того ни с сего издавала протяжный вопль, запрокинув голову, так что волосы свешивались через подголовник, и протягивала руки вверх, в отверстие крыши, словно срывая с неба крошечные звездочки, как прилипшие к юбке пушинки, – что-то в этих девчонках было удивительное. Какая-то отвага. По моему, никто еще об этом всерьез не написал.

Я, наверное, тоже не сумею, я же «зануда полнейшая». Просто они жили в совсем другом мире – веселом, отчаянном, где нет ни ответственности, ни противных неоновых вывесок, ни липких столиков. И они правили в этом мире.

Один вечер вышел не похожим на другие.

– Так, Рвотинка! – сказала Джейд. – Сегодня вся твоя жизнь изменится.

Была первая пятница ноября. Джейд с особым тщанием выбрала мой наряд: зловредные золотые босоножки на два размера больше чем нужно, на четырехдюймовом каблучке²⁰⁸ и платье из золотого ламе, переливающееся на мне сплошными складками, как шкура у шарпея (см. «Обычай бинтовать женщинам ноги» в кн. «История Китая», Мин, 1961, стр. 214; «Дарсель» в кн. «Вспоминая „Чистое золото“»²⁰⁹, Ла Витте, 1989, стр. 29).

Кто-то в «Слепой лошади» – редкий случай! – захотел со мной познакомиться. Парень лет тридцати по имени Ларри, тяжеловесный, как пивной бочонок. Если его и можно назвать привлекательным, то разве что как неоконченную скульптуру работы Микеланджело.

²⁰⁶ ...вычислили число «пи» до последнего десятичного знака... – Десятичная запись числа «пи» содержит бесконечное количество десятичных знаков.

²⁰⁷ ...когда парень предлагает купить ей «Ураган»... – «Ураган» – сладкий алкогольный напиток на основе рома с добавлением фруктового сока и сиропа или гренадина. Популярен в Новом Орлеане. Есть также коктейль «ураган», распространенный на Багамах, – делается из равных долей кофейного ликера, рома, ликеров «Айриш крим» и «Гран марнье».

²⁰⁸ ...на четырехдюймовом каблучке... – То есть высотой 10 см.

²⁰⁹ ...«Дарсель» в кн. «Вспоминая „Чистое золото“»... – Дарсель Леонард Уинн (р. 1951) – афроамериканская танцовщица, хореограф, автор и продюсер. Более всего известна как глава танцевальной группы «Чистое золото» (*Solid Gold Dancers*) из серии телепередач 1980-х с тем же названием (*Solid Gold*).

Несколько великолепных деталей – тонко очерченный нос, полные губы, крупные, превосходной лепки руки, а все остальное – плечи, торс, ноги – еще не высвободилось из глыбы мрамора, и вряд ли это произойдет в ближайшем будущем. Он купил мне пива «Амстел Лайт» и, встав ко мне вплотную, долго рассказывал, как бросил курить. Ничего труднее ему в своей жизни делать не приходилось.

– Никотиновый пластырь – грандиозное изобретение! Эту технологию шире применять бы. Я, например, не прочь и есть, и пить через пластырь. Если очень занят, вместо чтобы бежать в фастфуд – пластырь наклеил, и готово дело. Полчаса прошло – ты сыт. Можно и вместо секса пластырь. Сколько времени и сил сэкономишь! Тебя как зовут?

– Роксана Кей Лумис.

– Чем занимаешься, Рокси?

– Учусь в Клемсонском университете. Пишу диплом по химическим технологиям. Живу в Дукерсе, штат Северная Каролина. Еще я донор органов.

Ларри кивнул и сделал большой глоток пива, придвинувшись еще ближе, так что моя нога прижалась к его массивному бедру. Я попятилась и тут же налетела спиной на девушку с торчащими во все стороны белокурыми волосами.

– Звиняйте, – сказала она.

Я попробовала отстраниться, но с другого боку громоздился истукан Ларри. Я почувствовала себя леденцом, застрявшим в горле.

– Кем вы себя видите, допустим, лет через двадцать? – спросила я.

Ларри не ответил. Он, кажется, научился говорить по-английски и вообще стремительно терял высоту. Это мне напомнило, как мы однажды с папой в Лутоне, штат Техас, поставили наш «вольво» почти у самой посадочной полосы и целый час просидели на капоте – ели сэндвичи с сыром и перцем пименто и смотрели, как приземляются самолеты: все равно что наблюдать со дна океана, как над тобой проплывает тридцатиметровый синий кит. В отличие от аэробусов, частных реактивных самолетов и «Боингов-747» Ларри в конце концов сорвался в штопор. Его губы стукнулись о мои зубы, а язык юркнул мне в рот, словно головастик, удирающий из банки. При этом Ларри ухватил меня за правую грудь, стиснув ее так, будто выжимал лимон над рыбным блюдом.

– Синь?

Я кое-как вырвалась. Рядом стояли Лула и Джейд.

– Пошли отсюда, – сказала Джейд.

Ларри вяло проорал мне вслед: «Рокси, стой!» – но я не обернулась.

Девчонок я догнала у машины.

– Куда едем?

– Повидать Ханну, – коротко ответила Джейд. – Кстати, Рвотинка, объясни, что у тебя за вкусы такие странные? Он же урод уродом.

Лу опасно косилась на Джейд. Вырез ее зеленого платья обвис, как будто зевая.

– Может, лучше не надо?

Джейд скривилась:

– А что?

– Вдруг она нас увидит? – сказала Лу.

Джейд рывком затянула ремень безопасности.

– Возьмем другую машину. Бойфренда Джефферсон. Его гадостная «тойота» как раз стоит у нашего дома.

– В чем дело-то? – спросила я.

Джейд, не отвечая, всунула ключ в замок зажигания и завела мотор. Потом глянула на Лу:

– Чарльз тоже, небось, там будет. В камуфляже и очках ночного видения.

Лу помотала головой:

– У них с Блэком двойное свидание с какими-то девчонками на два класса младше.

Джейд (со злорадно-сочувственным выражением) обернулась проверить, слышала ли я. Потом прибавила скорость и, выехав на шоссе, повернула к Стоктону. Вечер был холодный, по небу тянулись узкие грязноватые облака. Я натянула золотую юбку на колени, разглядывая проезжающие машины и профиль Лу, похожий на фигурную скобку. Свет фар подчеркивал ее скулы. Джейд и Лу молчали – это было такое усталое взрослое молчание, словно супружеская пара возвращается домой из гостей и им неохота обсуждать, как чей-то муж перебрал и как им втайне хотелось бы ехать сейчас домой не друг с другом, а с кем-нибудь новым, кого они еще не изучили до последней родинки.

Сорок минут спустя Джейд забежала к себе домой за ключами – «я только на секунду», – а когда опять вышла, все еще в своих шатких красных босоножках и платье жарптицы (оно выглядело так, словно Джейд порылась в мусоре после дня рождения какой-нибудь богатенькой девочки, набрала обрывков самых ярких подарочных оберток и приклеила их к себе скотчем), в руках у нее были упаковка пива «Хайнекен», два большущих пакета картофельных чипсов и пакет с лакричными полосками. Одна лакричина свисала у Джейд изо рта, а на плече болтался здоровенный бинокль.

– Мы к Ханне едем? – спросила я, все еще ничего не понимая.

Джейд опять не ответила, молча забросила продукты на заднее сиденье припаркованной у гаража белой «тойоты». Лула смотрела со злостью (ее плотно сжатый рот напоминал матерчатый кошелек), но, ни слова не сказав, залезла на переднее сиденье «тойоты» и захлопнула дверцу.

– Блин... – Джейд глянула на часы. – Не успеваем!

Через несколько минут мы снова мчались по шоссе, на этот раз в «тойоте» и по направлению на север – в противоположную от дома Ханны сторону. Спрашивать, куда мы едем, было бесполезно – девчонки снова впали в транс. Из такого глубокого молчания уже и не выберешься, слишком тяжело и утомительно. Лула смотрела на дорогу – мелькающие белые линии, проплывающие мимо красные блестки машин. Джейд держалась почти как обычно, только без конца крутила настройку радио, жуя длинную нитку лакрицы (она их ела без перерыва – так прикуривают одну сигарету от другой; три раза потребовала: «Дай еще лакрицы», пока я не пристроила весь пакет поближе к ней, около ручника).

Через полчаса мы свернули на съезд номер 42 – надпись «Коттонвуд» на указателе – и по безлюдной двухполосной дороге приехали к стоянке для грузовиков. Слева виднелась заправочная станция, а на голом пригорке за длинным рядом автофургонов, брошенных на асфальте, словно дохлые киты, стоял мрачного вида ресторанчик. Желтая надпись над входом гласила: «У Стаки». Джейд лавировала между грузовиками.

– Видишь ее машину?

Лула покачала головой:

– Полтретьего уже. Может, она не приедет?

– Приедет.

Мы объехали почти всю стоянку, и вдруг Лула постучала ногтем в стекло:

– Вон там!

Между автофургоном и белым пикапом втиснулась красная «субару» Ханны.

Джейд, развернувшись, задним ходом припарковала машину в соседнем ряду, между усыпанным сосновой хвоей откосом и дорогой. Лула, отстегнув ремень безопасности, скрестила руки на груди, а Джейд как ни в чем не бывало сунула в рот очередной черный ботиночный шнурок, прикусив один его конец, а другим обмотав пальцы, как делают боксеры, перед тем как надеть боксерские перчатки. От «субару» нас отделяли два ряда машин. По ту сторону парковки сгорбился на горке ресторан, слепой (с задней стороны три окна заколочены) и быстро лысеющий (черепица в нескольких местах обвалилась). За тусклыми окнами

изредка мелькали усталые пятна света. С потолка свисали зеленые лампы, словно заплесневелые насадки для душа. И не заходя внутрь, можно догадаться, что меню здесь липнет к рукам, столики усыпаны хлебными крошками, официантки хамят, а посетители все сплошь мордовороты. Солонку нужно полчаса трясти, чтобы добыть хоть крупинку соли, а внутри солонки виднеются рисовые зернышки, похожие на личинки. («Если даже соль не могут нормально подать, с чего они взяли, что способны приготовить курицу по-охотничьи?» – говорил в подобных заведениях папа, держа меню подальше от лица – а то вдруг оживет и вцепится.)

Я кашлянула, намекая, что пора бы уже объяснить, что мы делаем у этой жуткой забегаловки (мы с папой такие места объезжали десятой дорогой; могли сделать крюк миль в двадцать, лишь бы «не преломлять хлеб вместе с людьми, похожими издали на груды старых автопокрышек»). Девчонки по-прежнему молчали (теперь и Лу всю жевала лакрицу, словно коза на пастбище). И тут до меня дошло – они попросту не могут оформить происходящее в слова. Сказанное вслух, оно станет реальностью, и тогда на них ляжет какая-то вина.

Минут десять слышно было только, как со свистом проносятся машины по шоссе да изредка хлопает дверца – очередной дальнобойщик вылезает из кабины, заходит, голодный, в ресторан и выходит с набитым брюхом. За темными деревьями виднелся мост, а по мосту текла в ночи бесконечная река красно-белых огней.

– Кто сегодня будет? – спросила Джейд, поднося к глазам бинокль.

Лу дернула плечом, пережевывая лакричную жвачку:

– Не знаю.

– Жирный или тощий?

– Тощий.

– А я думаю, на этот раз будет свин.

– Она не любит свинину.

– Любит. Это для нее вроде как семга – по особым случаям. Ой... – Джейд подалась вперед.

Бинокль стукнулся о ветровое стекло.

– Ох ты ж... Твою ж мать...

– Что такое? Малолетка?

Губы Джейд шевельнулись, но звука не было. Потом она тяжело вздохнула:

– Смотрела «Завтрак у Тиффани»?

– Нет, куда мне, – иронически отозвалась Лу и тоже наклонилась вперед, упираясь ладонями в приборную доску.

Девчонки рассматривали парочку, которая только что вышла из ресторана.

– Помнишь, там такой кошмарный Док? – Джейд, не отрываясь от бинокля, сунула руку в пакет с чипсами и затолкала за щеку целую горсть. – Вот это он и есть. Только совсем дряхлый. В принципе, наверное, можно бы сказать: по крайней мере, не Расти Тролер, – но как-то я уже и не знаю... – Выпрямившись, она мрачно протянула Луле бинокль. – У Расти хоть зубы есть.

Лу глянула и, скривившись от отвращения, передала бинокль мне. Я припала к окулярам: по дорожке от ресторана шла Ханна Шнайдер с каким-то мужчиной.

– Всегда ненавидела этого Дока, – прошептала Лу.

Я никогда еще не видела Ханну такой накрашенной («размалеванной», говорили в «Академии Ковентри»). На ней была черная шубка – наверное, кроличья, судя по общему подростковому облику (на застежке от молнии болтался помпон). В ушах золотые серьги кольцами, на губах угольным штрихом темная помада, волосы собраны в высокую прическу, а из-под облегающих, как вакуумная упаковка, джинсов выглядывают острые белые каблукки. Я перевела бинокль на ее спутника и невольно поежилась: он рядом с Ханной выглядел засохшим стручком. Явно за шестьдесят, если не под семьдесят, лицо исчертили морщины, сам ниже Ханны ростом и тощий, как придорожный столб. На костях ни грамма мяса, одежда болтается –

будто на раму от картины набросили одеяло. Единственная привлекательная черта – все еще густые волосы. Они впитывали в себя все оттенки освещения: в луче прожектора переливались ядовито-зеленым, а в тени – серо-стальным цветом велосипедных спиц. Ханна шла быстрым шагом, ища ключи от машины в нелепой розовой пушистой сумочке, а старик поспешал за ней, выбрасывая костлявые ноги в стороны, будто раскладная сушилка для одежды.

– Рвотинка, может, нам тоже дашь посмотреть?

Я отдала Джейд бинокль. Джейд, кусая губы, поднесла его к глазам и буркнула:

– Надеюсь, он прихватил с собой виагру.

Парочка стала усаживаться в машину Ханны. Лу скорчилась на сиденье.

– Да ну тебя, дуреха, она нас не видит, – проворчала Джейд, хотя и сама замерла, наблюдая, как «субару» выезжает со стоянки, и, только когда те скрылись из виду, завела мотор.

– А куда они едут? – спросила я, не очень-то и желая узнать ответ.

– В дешевый мотель, – ответила Джейд. – Будут трахаться с полчаса, может, минут сорок, сорок пять, потом она его вышвырнет. Каждый раз удивляюсь, как еще голову ему не откусит, вроде самки богомола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.